

ВЗРОСЛОЕ ДЕТСТВО ВОЙНЫ

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ – 2

Культурно-просветительский центр и община «КЕЙТАР»
Городская компания по культуре

АШДОД, 2013

«ВЗРОСЛОЕ ДЕТСТВО ВОЙНЫ», СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ – 2

Израиль, Ашдод, 2013 г.

**ПРОЕКТ ОСУЩЕСТВЛЕН ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МЕМОРИАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА «ЯД ВАШЕМ»
И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ФОНДА «ГЕНЕЗИС»**

**ПОД ПАТРОНАЖЕМ ВИЦЕ-МЭРА г. АШДОД,
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОРОДСКОЙ КОМПАНИИ ПО КУЛЬТУРЕ
БОРИСА ГИТЕРМАНА**

Руководители проекта:

ВИТАЛИЙ СЛУЦКИЙ, директор общественного и культурно-спортивного центра «Узиель», руководитель отдела русскоязычных проектов Компании по культуре

Д-р МИХАИЛ КИПНИС, директор Культурно-просветительского Центра «Кейтар»

Запись, редакция и подготовка текстов к печати – Анна Кипнис

Ответственная за выпуск – Марина Штейн

Рисунки – Борис Аренгауз, Борис Есельсон, Александр Жуков

Подготовка к печати и графика – Нелли Васильницкая

Благодарим Центр наследия еврейского героизма и катастрофы при муниципалитете г. Ашдод (рук. Эфраим Паперный, Владимир Сперанский) и Амуту «Дети Катастрофы» (Владимир Листенгартен) за предоставленные материалы.

Фотографии из личных архивов авторов воспоминаний.

На передней обложке рисунок – Вероники Борисовой, 9 лет
<http://risunki.assistancerussia.org/gallery.php?photoid=322>

Вы можете связаться с редакцией :

тел. +972-54-7820239, mkipnis61@gmail.com

Электронную версию читайте на сайте ashrus.co.il

ASHRUS
co.il
ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОРТАЛ

Рис. Александра Жукова

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие Бориса Гитермана,
Вице-мэра г. Ашдод5

Приветствие Виталия Слуцкого,
руководитель отдела проектов
на русском языке.....6

Анна Кипнис
Право быть услышанными7

АЛЛА АЙЗЕНШАРФ
Глазами шестилетнего ребенка...9

Борис Арнгауз
Как мы оказались в гетто22
Вафли23
Освобождение24
Прошлое отозвалось...26

Одарка Бернадская (Маршак)
Папа вернулся!28

Фаина Витебская
Как мы выжили?30

Семен Гликман
«Сладкая жизнь»31

Сергей Гольдин
Закончилось детство...34

Ион Деген
Хрупкий хрусталь43
На том берегу.....49

Ирина Гусева (Вергилесова)
«Мама, а шоколад есть?!».....57

София Заблоцкая (Гордон)
Акция!59

Татьяна Захарова (Ремизова)
Два «наших чуда»62

Лев Зор		Снова в путь!.....	97
Я – ребенок войны.....	65	Школьница.....	98
Хана Каплун		Моя любимая кукла.....	99
Чудо спасения.....	67	Елизавета Смотрицкая (Гвоздок)	
Дедушка Абрам.....	68	Наш папа приехал!.....	100
Цинга.....	68	Вениамин Топор	
Незванная гостья.....	69	Путь в Джанкой.....	102
Моя сестра Ира.....	70	Елена Торопова (Фейман)	
Обморозилась!.....	70	Приказано – выжить!.....	104
Тамара Клейнер		Авраам Файнберг	
При проливном дожде ждать		Незабываемое!.....	106
солнечной погоды!.....	71	Жестокое меню блокады.....	106
Мэлестана Кравчик (Пасарар)		Ольга Файнберг (Хайкинсон)	
«С новым, 1944 годом!».....	74	Из осажденной Москвы –	
Ита Лейзерзон (Нилова)		в деревню Пановка.....	109
Семнадцатилетний гальваник.....	75	Софья Фельдман	
Майя Лившиц		Культурный народ.....	113
Глазами ребенка.....	76	Наше детство.....	113
Аркадий Липницкий		Дора Фрадкин	
То, что запомнилось.....	77	Мамочка, родная, спасибо!.....	116
Полина Мильштейн (Шнайдер)		Соня Фридман (Кандель)	
Из Днепропетровска – в Орск.....	79	То, что помню... ..	118
Юрий Новик		Роман Ханукаев	
Дорога в школу.....	81	Война двенадцатилетнего мальчишки... ..	120
Семен Охман		Александр Шахмейстер	
Как мы войну «отсидели» в Ташкенте.....	83	Сахарок «впередвижку»	
Валериан Пономарев		и «вприглядку».....	125
Мои страхи.....	85	Светлана Широков	
Шева Портная		То, что вспомнилось... ..	128
Перекасти-поле.....	86	Эсфирь Шомер	
Хая Ройтман		Семейная реликвия.....	130
Несладкое детство войны.....	91	Семен Шультман	
Людмила Ряшенцева-Уманская		Так начиналась война.....	131
Рыжий конь.....	93	Мара Эльмус	
Ида Слободер (Джохадзе)		Поесть!.....	137
«Урр-ра! Мой папа тоже военный!!!».....	95	Участники сборника	
В колхозе.....	95	«Взрослое детство войны».....	138

Вы держите в руках около полусотни живых воспоминаний людей, чье детство пришлось на страшные годы Второй мировой. И рисунки сегодняшних детей, которым, к сожалению, тоже есть что вспомнить: им знаком вой сирены, они знают, как и где прятаться от ракет. Все вместе – воспоминания и рисунки – составили второй сборник «Взрослое детство войны», который выпущен центром Михаила Кипниса совместно с отделом русскоязычных проектов Компании по культуре, и выпуск которого поддержал музей Яд ва-Шем и фонд «Генезис».

Я благодарю всех, кто собирал бесценные воспоминания людей, всех, кто вложил часть души в эту книгу – Михаила и Анну Кипнис, руководителей ашдодского Музея еврейского героизма и Катастрофы Ефраима Паперного и Владимира Сперанского, амуту «Дети Катастрофы» и ее руководителя Владимира Листенгартена, всех, кто поделился своими воспоминаниями и причастен к этому изданию. Этот сборник – часть огромной программы муниципалитета Ашдода и Компании по культуре по сохранению памяти о Второй мировой войне и Катастрофе. Мы и впредь будем поддерживать все инициативы, все проекты в этой области, потому что, увы, живые свидетели войны уходят. Наша задача – собрать крупицы живой памяти и передать ее сегодняшней молодежи и подросткам, тем, кто изучает войну по учебникам, тем, кто ездит в Польшу на места расстрелов и в концлагеря. А свидетели войны живут рядом с ними...

Многих героев и первого, и второго сборника я знаю лично. Тем больнее читать эти страшные воспоминания. Спасибо, что вы разделили с нами эту память.

*С уважением,
Борис Гитерман
Вице-мэр Ашдода*

Вот уже во второй раз отдел русскоязычных проектов совместно с центром «Кейтар» выпускает воспоминания военного детства, написанные сегодняшними ашдодцами и жителями других городов страны. Эта тема напрямую касается Израиля, несмотря на то, что географически не имеет к нему никакого отношения. Эта связь всем понятна – все, что случилось во время войны и Катастрофы, приблизило создание государства Израиль.

Наш отдел опекает многие ветеранские организации и поддерживает проекты, которые связаны с темой Второй мировой войны и сохранением памяти о ее героях. В то же время мы стремимся сделать эту тему современной, важной и необходимой для нашего поколения. Мы проводим в Ашдоде футбольный турнир «За нашу Победу!», в котором ветераны сами награждают победителей, а участники поздравляют фронтовиков с Днем 9 Мая. Мы поддерживаем работу ашдодского клуба военно-исторической реконструкции и выставки «Оружие Победы», которые клуб ежегодно проводит в матнасе «Дюна». Организуем экскурсии и поездки для ветеранов и многое другое. И, конечно, для нас было большой честью выпустить второй сборник воспоминаний «детей войны», над которым авторы работали несколько месяцев, и по-настоящему вложили в него часть жизни. Этот сборник тоже, как и первый, будет представлен в ведущих военных музеях мира, которые рассказывают об истории Второй мировой войны. И в первую очередь – в ашдодском Музее еврейского героизма и Катастрофы и в музее Яд ва-Шем.

**С уважением,
Виталий Слуцкий
Руководитель отдела проектов
на русском языке**

ПРАВО БЫТЬ УСЛЫШАННЫМИ

Я думаю, мне выпала честь и замечательная возможность быть интервьюером, редактором и составителем двух сборников «Взрослое детство войны»: первого, вышедшего в самом конце 2012 года, и вот этого, – ставшего продолжением проекта публикаций воспоминаний.

Эта тема привлекла нас, возможно, потому, что именно дети составляют основную аудиторию нашего общения. Мы сами когда-то были детьми и знаем: этот ребенок всегда внутри нас. Он многое помнит, он часто удивляет нас цепкостью памяти, точностью оценки прошедших событий и глубиной чувств. Нам показалось, что, хотя с тех пор прошло много лет, у нас не было настоящей возможности увидеть войну глазами ребенка. Этот пласт жизни людей (детей), переживших войну, травмированных войной, – так и остался неразработанным. Часто мне приходилось слышать: я рассказываю об этом впервые; спасибо, что выслушали.

Нам, родившимся уже после той войны, непросто прочувствовать и осознать, что все это **действительно было** – день за днем, минута за минутой. И солнце светило, и дождик поливал; и жизнь состояла из мелочей так же, как и сейчас. А эти мелочи, сиюминутно принимаемые (казалось бы, случайные), решения напрямую влияли на то, как качнется чаша весов: вверх или вниз – жить или погибнуть.

Все герои наших сборников – те, кому в годы Второй мировой войны было до восемнадцати лет. Они выжили сами и помогали жить другим. Помогали тем, что заставляли близких о себе заботиться, выполнять родительский долг, а значит, – мобилизоваться для жизни, сопротивления убийству и разрушению. Они – «дети войны» – смогли противостоять мясорубке, машине уничтожения, – самым фактом своей жизни после войны. Своими созданными семьями, детьми и внуками; своими делами и открытиями...

Их воспоминания лишены пафоса. Героизмом для многих – по сути, для большинства из них, – было вернуться памятью в те годы: к еще не разрушенным домам, к неубитым близким. Пройти заново весь путь взросления, начавшийся так жестоко июньским днем сорок первого года...

«Воспоминания навалились», «я рассказываю и, как тогда, вновь трудно дышать и чувствую страх – немецкий летчик вновь на бреющем полете заходит на новый круг бомбежки», «...вернулась в те годы, и сердце заколотилось, уже не смогла уснуть»...

С большинством это была не переписка, а личные встречи – когда мои собеседники награждали меня своим доверием. Нужно было только слушать, иногда – поддерживать. Наверное главное, что проект дал этим лю-

дям, – **право быть услышанными**. После первого сборника многие из его героев рассказали о том, что участие в нем помогло (для некоторых – впервые в жизни!) закрыть «счет» с прошлым, увидеть в военном детстве себя и события, ставшие основой характера, сформировавшие личность, определившие судьбу. Во многих семьях благодаря «заговорившим бабушкам и дедушкам» внуки и правнуки впервые получили возможность увидеть войну не глазами героев фильмов-блокбастеров или романов, а глазами ребенка. Дети с удивлением открыли, что эти – почти не говорящие на иврите и «отсталые» в компьютерном мире старики – ТОЖЕ когда-то были детьми, играли в куклы, лазили по деревьям, влюблялись, играли «в войну». Но однажды война пришла в их дома не «понарошку», а «повзрослому»; забрала детство, беззаботность, веселье, радость. Принесла страх, голод и боль...

Я благодарна всем тем, кто прислал нам свои воспоминания. Хочется по-детски спросить: как было, когда вы были маленькими?...

АННА КИПНИС,
составитель и редактор сборника
«ВЗРОСЛОЕ ДЕТСТВО ВОЙНЫ»

АЛЛА АЙЗЕНШАРФ

От редактора: Очерк Светланы Аксеновой-Штейнград о судьбе Аллы Айзеншарф, опубликованный в первом сборнике «Взрослое детство войны», как и стихи самой Аллы, включенные в текст, вызвали большой интерес читателей.

Айзеншарф Алла (Варфоломеева Галина Наумовна) родилась в г. Немирове под Винницей в 1936. В 1941 году она оказалась в оккупации. Отец погиб во время погрома, мать сгинула в концлагере. Аллу со старшей сестрой Мэри прятали, рискуя своими жизнями, добрые люди. В свои шесть лет, глядя на зверства фашистов, на все, что творилось вокруг, она начала писать свои первые стихи.

Эти пронзительные строчки невозможно пропустить, не заметить, душевно не откликнуться на них даже сегодня, спустя семьдесят лет после того, как они были написаны...

С согласия поэтессы мы хотим продолжить знакомство с её творчеством.

**«Светлой памяти моих родителей Айзеншарф Ноя Осиповича,
Татьяны Самойловны и сестрички Мэрочки»**

ГЛАЗАМИ ШЕСТИЛЕТНЕГО РЕБЕНКА...

По руке ползет жучок — столько ног!
А еще — два усика и глаза, как бусинки.
Но больше он не захотел — улетел.
Я бы тоже улетела,
если б крылышки имела.
Даже немец там, на вышке,
ничего бы не услышал.
И железные колючки
не цеплялись бы за ручки.

«Поклон всем, кто принимал участие в нашем спасении: семье Ореховских в Немирове, жителям села Грабовцы.

Война вышвырнула меня и сестричку Мэрочку на улицу. Уже убит в погроме папа, мама далеко в концлагере. Родительский дом — недавняя сказка — стоит, как стоял. Но там — немцы. И мы, держась за руки, бродим и бродим по улицам Немирова — две голодные затравленные девочки.

Мне — шесть, Мэрочке — десять. Мы не смеем подойти ни к одной калитке, ни к одному окну. Вот в такое время (лето сорок второго года) и родились эти «стихи». И я не меняла в них ни одного слова не только потому, что «автору» шесть лет...»

Алла Айзеншарф.

Нас поставили к перилам моста (через Буг), целились, стреляли...

* * *

Кошка бездомная плачет, но кто ее слышит?
А в теплых норах совсем иначе живут мыши.
И ветер под крышу зарылся, и спит на соломе.
Он дома.
И я дом вспоминаю, и так хочу чаю.
И чтоб дождь кончился скоро:
холодно под забором.
Мешок натянула на плечи, а он мокрый,
и только начался вечер.
Я, наверно, умру под утро.
Я думала, умирать трудно.

На ночь сарай запирали, собак спускали с цепи, и если шел дождь, надо было стащить с чьего-то забора сухую тряпку или мешок. Но получалось не всегда.

* * *

Ну, сколько можно в этих лопухах!
А нас ищут немцы и собаки.
И страшно. Он большой, как небо, страх.
И писать хочется, и громко-громко плакать.

Когда дядя Митя узнавал, что будет облава, он находил нас в городе и незаметно приводил на пустырь. Там, в приготовленной яме, он заваливал нас лопухами. Через густой, высокий репейник пустыря не хотели продираться даже овчарки. И мы лежали с утра до вечера без воды. Иногда слышали лай, крики людей.

* * *

Немцы кричат во дворе
и ломают зачем-то забор и кусты.
А мама звезду на рукав
пришивает зачем-то. Не для красоты.
Потом узелок отрывает зубами и долго жует.
И молчит мама.

Как только немцы пришли в город, они стали занимать лучшие дома на главной улице. Я никак не могла понять, почему родители не противятся разбою, почему во дворе все падает, а они молчат.

* * *

Я, наверно, Гитлера убью.
Вот глаза закрою, бах и — выстрелю.
Только я потом уже не вырасту
и себя уже не люблю.
Нет, я дверь закрою на замок,
чтоб он выйти никуда не мог.
А в окошко буду строить рожи:
на, смотри, какой ты нехороший.

Много вариантов мести придумывали мы для злодея. Этот показался мне самым подходящим.

* * *

Если б я была его собакой,
Я бы немцу руки искусала,
а потом бы спряталась в овраге
и смеялась, и бока лизала.

Немец пришел с большой собакой. Она оглядывалась на нас и махала хвостом. Он больно дернул ее, собака взвизгнула.

* * *

Так комары искушали, —
нет уже сил терпеть.
Ничего не хочу хотеть,
только, чтоб про меня не знали.
Лежу в камышах, распухшая,
не могу разлепить глаза.
И кашлять нельзя-нельзя:
немцы послушают.
Рядом они где-то,
идут с винтовками в гетто.
Лягушонок смеется, глупый,
плачет кузнечик.
А мне уже плакать нечем.
и очень болят губы.

Чаще всего мы прятались в камышах у речки. Но комаров столько, что отбиваться не было сил, и на дорогу выйти нельзя. Звон, звон в ушах.

* * *

Немцы идут близко,
столько сапог.
И лягушонки брызгают
у них из-под ног.
А один, ну как человечек,
маленький дурачок,
сам скачет немцу навстречу:
прыг-скок, прыг-скок.

Затаили дыхание. Совсем рядом, один за другим, шли немцы. Огромные сапоги, страшные. Тропинка вела в гетто.

* * *

У коровы теплые бока.
Мы совсем забыли про рога.
А она вздыхала и сопела,
может, в дети взять нас захотела.
А проснулись, крик такой и лай.
Ну, конечно, он чужой — сарай.
Мы еще за домом там стояли,
может, позовут. Но нас не звали.
Я не плачу, нам нельзя такого.

Стемнело. Мы забрались в чей-то сарай до того, как его закрыли. Корова лежала на соломе и позволяла прижиматься к теплому боку. От нее пахло молоком.

* * *

Тетя Поля нам сказала:
— Ты с сегодня будешь Галя.
Ты — не Мэри, а Маруся.
Может, вас и не убьют. —
Мы молчим, а тетя Поля
в свой платок зеленый плачет
и уходит, потому что
тетю Полю дома ждут.
А какая-то ворона прицепилась,
скачет, скачет:
— Как теперь тебя зовут?

Тетя Поля надела на нас белые украинские косыночки и сказала, чтобы мы запомнили наши новые имена, а иначе — убьют.

* * *

Нелли танцует с немцем.
Музыка так играет,
платье летает,
туда и сюда летает, —
аж попку видно.
А ей не стыдно.
Смеется.

Нисиловские — наши соседи. Он с папой работал на одном заводе, в шахматы играли, праздники отмечали семьями. Я у него на закорках выросла. А когда мы с Мэрочкой остались одни на улице, искал, чтобы убить. Девушка Нелли — сестра его жены — с немцами водилась.

Нам иногда выносили поесть. Одна женщина позвала во двор, а сама — в калитку. Мы похватали из миски и убежали, и залегли в канаве напротив. Она немца привела. А после войны объясняла: «Не могла смотреть, как они мучаются, так нехай уж сразу...».

* * *

Гром пошел, и дождь пошел,
а под крышей хорошо.
Здесь на сене пахнет летом,
только мамы с нами нету.
Мыши есть. Они не страшные,
друг у друга что-то спрашивают.
Мыши: мама, папа, дети, —
хорошо им жить на свете.

Жители села Грабовцы, что рядом с концлагерем, прятали нас по очереди, даже подкармливали. На сене под крышей сарая с нами жили мыши. Они были любопытные, по лицу бегали. Очень страшно и бездомно было по вечерам.

* * *

Мы такое место знаем,
никого там не бывает.
Там в разваленном сарае
кошка рыжая живет.
Мы хотели с ней дружить,
только нас она боится,
а кота чужого черного —

совсем наоборот.
Все равно мы ей даем,
если что-нибудь найдем.

Много было бродячих, несчастных животных, и мы делились с ними, чем могли.

* * *

Нашли большой огурец,
на палочку посадили,
нарочно глаза закрыли
и хрумкаем понемножку:
хлеб, вареничек, холодец,
хлеб, вареничек, холодец,
и булочка на дорожку.

Это у нас было что-то вроде игры: найдем брошенный кусок, по крошечке откусываем и представляем...

* * *

У дяди Мити нечего курить,
и мы ему окурки собираем.
Сегодня есть, а завтра – я не знаю,
а может, дождь или не будем жить?

В нашем домике на окраине жили Ореховские: сапожник Митька, его жена Полина и четверо всегда голодных мальчишек. Но они не выдавали нас, «жиденят», хотя за это немцы платили местным детям. А мы собирали для дяди Мити окурки и очень заботились, чтобы их хватало...

* * *

Никому ничего не видно,
потому что яма.
Здесь тетя Маня варит повидло
до ночи самой.
Потом долго дует на ложку:
— На, слизывай понемножку.

За огородом, в какой-то огромной яме, женщина варила повидло. Мы очень долго сидели на краю и ждали — может быть, даст немножко.

* * *

Повезли на подводе нашего дядю Иосифа.
И еще там разные люди набросаны.
Разные люди. До кладбища близко.
Скоро их всех не будет.
Немцы сидят с двух сторон, ногами
болтают и все про себя знают.
А Мэрочка мне руками рот залепила,
чтобы не слышно было.
А я и не знала, что я тогда кричала
из лопухов душных,
и почему не хотела закрыть уши.

Дядю Иосифа — маминого брата — и еще стариков везли на кладбище. Лошади шли медленно, и мы с пустыря рассмотрели и лица людей, и их обреченные позы.

* * *

Мне снился папа. Он еще живой,
и так мы громко, весело смеялись,
и по зеленой травке шли домой.
Мы шли домой и за руки держались.
И мама нам махала из окна,
и бабушка в окне была видна.

Этот сон в точности, до деталей, повторялся много раз, много лет.

* * *

Срывают цветы, и они умирают.
Зачем же цветы срывать?
Стреляют в людей, и они упадают,
и так остаются лежать.
И мне дядя Митя на ухо сказал:
— Тебе еще думать про это нельзя.
Вот вырастешь, станешь
большая и умная.
А я не нарочно, я нечаянно думаю.

Что такое смерть? Почему один человек убивает другого? Ответа не было, но и не думать об этом я не могла.

* * *

Ее раскачивало ветром,
и вбок свисала голова.
И я не знаю, как про это
сказать слова.
Я убежать, бежать хотела,
А все равно она — висела.
И так скрипели скрипом ветки,
И было холодно от ветра.

Первый раз я увидела повешенную.

* * *

В лопухи завернутый лежал
целый хлеб, опухший от дождя.
Целый хлеб! Его мы ели, ели,
ели — ели, — больше не хотели.
Мы потом увидели, потом
мертвую с раскрытым настежь ртом.

Два дня шел дождь. Мы очень изголодались. Вначале увидели хлеб, а уже когда насытились и отошли на несколько шагов, увидели женщину. Мертвую, красивую.

* * *

Листья — в клочья! Тучи — в клочья!
Что-то будет этой ночью.
Ветер пыль закручивает,
Страх меня замучивает.

* * *

У рыжей кошки пять слепых котят.
Они толкаются и кушать все хотят.
И кошка подставляет им живот:
«Ну, нате, вот»
И хвостики вылизывает грязные,
и сказки им рассказывает разные.
И я смотрю на них до ночи самой
и спать ложусь возле кошачьей мамы.

Мы подкармливали, чем могли, бездомную кошку, и она позволяла смотреть на ее котят.

* * *

В бочке теплая вода, —
лягушонки — кто куда.
Сверху теплая вода,
а внутри наоборот:
сразу холодно в живот.
Я б еще не вылезала,
только Мэрочка сказала:
— Все, давай скорей уйдем,
а обсушимся потом. —
Обсыхаем в лопухах.

Когда дождевая вода в бочке прогревалась, мы туда залезали. Но после такого купания было острое чувство голода.

* * *

Мы нашли в конце дорожки
куклу рыжую без ножки,
целый мячик и тетрадь.
А куда нам это взять?
Под ступеньку все сложили,
чем попало призакрыли и ушли.
И не оглядывались.
У меня аж слезы скатывались.

Нам иногда попадались «ценные» вещи. Но где их хранить?

* * *

Я собираю листики в пучок,
Потом сплетаю из пучков венки.
А цветы совсем я не срываю,
я долго им в глаза заглядываю.
А если долго им в глаза смотреть,
Я начинаю над землей лететь.

Несколько раз я испытывала это. И только с цветами.

* * *

В дом стреляли, а потом
это был уже не дом.
Стал он весь — огонь и дым,
небо пыхкало над ним.

И осталась на калитке
обгорелая улитка.
А когда совсем стемнело,
что-то там еще горело.
Но людей кругом не стало,
только тени пробежали.

Дом горел так быстро, что казалось — это все страшная сказка.

* * *

Вечером люди ушли домой,
даже не видно немцев.
Небо счернело над головой,
и каждый сарай чужой-чужой.
Куда деться?
Так я к папе на руки хочу!
Но я не плачу и не кричу.
Если б тогда нас вместе убили,
Мы бы вместе были.

* * *

Пыль остыла на дороге,
холодит босые ноги,
а трава еще мокрей,
сразу холодно на ней.
Нам добраться бы скорей
до сушарни надо,
там земля вокруг теплей,
и вкусно пахнет садом.
А потом еще чуть-чуть,
и — под липу. И уснуть.
Там у нас лежит мешок,
в нем трава сухая
и хлеба толстенький кусок,
обгрызанный с края.

Сушарня — место, где вялили фрукты. Над ямой с тлеющими дровами, проклады-
вали веточки, на них рассыпали сливы. Земля вокруг ямы хорошо прогревалась.

* * *

Может быть, он вырвался от кошки,
но мышонок был живой немножко.

Так он тихо, бедненький, пищал,
и дышал, дышал, дышал, дышал.
В лопушок его я закрутила,
целый день его с собой носила.
И попить дала ему, и крошки,
и мышонок побыстрел немножко.
И не стала я его держать, —
если хочешь, можешь убежать.
Только никуда он не бежал,
ел и умывался, и дышал.

* * *

Мы в бумажки от конфет
камешки закрутим.
Это есть, другого — нет.
Подходите, люди,
Муравьиные,
пчелиные —
разные.
Вам кисленькие синие?
Вам сладенькие красные?.. —
Нам бумажки — наслаждение.
Мы играем в день рожденья.
А если немец подойдет...

Среди мусора мы нашли много красивых бумажек от конфет. Устроили на
пне «праздник».

* * *

Совсем дурные немцы эти стали:
стреляют в небо, как в людей стреляли.
А если пуля долетит до солнца,
и весь огонь из солнышка прольется?
И станет днем темно-темно, как ночью,
И даже птичка цвиркать не захочет?

Небо представлялось мне хрупким куполом, под которым все: звезды, луна,
тучи, солнце. И это — неприкосновенно.

* * *

Закричал нам дядя Митя:
«Здесь облава! Ну, бегите!»

А куда уже бежать?
Что, за печку, под кровать?
Есть в заборе дырка,
мы туда и ныркнем.
Полежим под лопухами,
а стемнеет — выйдем сами.

* * *

Я об ножку ножку грею.
Я сама себя жалею.
А когда себя жалею,
еще больше холодею.

После ночного инея земля отогревалась только к полудню. А обуви не было.

Я в белой ванне купаться хочу,
потом молоко пить из белой чашки,
потом в белой пушистой рубашке —
к папиному плечу.
Столько сразу хочу.
А тут в сарае во все щелки
ветер просовывает иголки.

* * *

Очень жалко, очень жалко,
мы в кустах нашли скакалку.
Только мне не скачется,
а смотрится и плачется.

Я ослабела так, что и ходить уже не могла. Скакалку с красными ручками Мэрочка повесила на ветку и ушла искать что-нибудь поесть. Я лежала на земле под кустом и плакала. Очень хотелось попрыгать.

* * *

Не ходят уже мои ножки.
Никак не подняться мне.
И Мэрочка на спине
таскает меня осторожно.
Идет — идет и качается,
пока день не кончается.

Когда я совсем ослабела от голода, Мэрочка носила меня на спине, не оставила, как ей советовали.

* * *

Почему мы в клетке
здесь сидим в колючей?
Почему нас немцы,
как хотят, замучивают?
А другие девочки на широких улицах
бегают, смеются, с мамами целуются.
Я спрошу у главного,
кто всех главней на свете:
«Разве это правильно?»
Что он мне ответит?

Из лагерного двора, высоко огороженного колючей проволокой, была видна улица со всей ее обычной жизнью.

* * *

На луже бабочка лежала.
Лежала вся и не дышала.
Я под нее ладошку сунула
и подняла, в лицо подула,
рукой махала.
Я хотела,
чтоб улетела.
А немец, он в тени сидел,
смотрел сюда, смотрел-смотрел,
И подошел, и сел на корточки.
И он не страшный был нисколько,
А может, просто он забыл,
Что немцем был.

*С согласия автора, использован материал интернет-издания:
Литературно-художественный журнал «ИЗБА-ЧИТАЛЬНЯ», <http://www.chitalnya.ru/commentary/6940/>*

Алла Айзеншарф

6.06.1936. Поэт, автор шестнадцати поэтических книг. Окончила медицинское училище и Литературный институт им. Горького. Член Союза русскоязычных писателей Израиля. Лауреат премии «Олива Иерусалима» (2005) и премии имени Давида Самойлова (2008). В Израиле с 1988 года. Живет в Ашкелоне. Участница первого сборника воспоминаний «Взрослое детство войны» (2012).

БОРИС АРЕНГАУЗ

КАК МЫ ОКАЗАЛИСЬ В ГЕТТО

До войны мы жили в местечке Станиславчик Жмеринского района Винницкой области. У нас был небольшой домик на две семьи. В одной половине жили мы, в другой – брат папы Пинхас Фурман.

Четкое воспоминание из детства – моя плетенная из белых прутьев кровать. Стоит она за «грубкой» – печкой. Вероятно, чтобы мне зимой не было холодно.

Прямо передо мной на стене висит «тарелка». Черная и круглая, она поет и говорит человеческими голосами. Перед домом – две березы, на которых висят качели. В сенях – лестница-стремянка, что ведет на чердак. Один раз, вслед за сестрами, я полез на чердак и на нашей стороне обнаружил огромный кувшин с двумя ручками. Он был такой большой, что мои руки едва доставали до края горловины. Так что я сам не мог, хотя очень хотелось, вытаскивать из кувшина «грудку» (комочек) душистого сладкого меда, как это делали мои сестры, тайком взбираясь на чердак...

Пришла война. Нас выселяют из дома и везут «в лагерь» – недостроенную свиноферму без крыши, без окон и дверей, в селе Затишье. Стоит эта ферма среди леса, обнесенная колючей проволокой.

Семьи с детьми оборудовали себе «нары»: клали на кирпичи, большие камни обломки оконных рам, дверей, досок. Из кирпичей сооружали примитивные очаги для приготовления еды... Ближе к осени, когда наступили холода и пришли болезни, мама решила бежать из лагеря в Жмеринку. Там жила её сестра Рахель, вышедшая замуж за Шмерла Бурштейна. В семье было восемь детей.

Решили, что мой брат, Миша, которому в ту пору было одиннадцать лет, пойдет в Жмеринку на разведку (а это 25 километров!), все узнает и вернется. Миша вернулся через неделю и, взяв с собой нашу старшую сестру Лизу, отправился в гетто. Там, по слухам, было менее голодно, была надежда выжить.

Через какое-то время вслед за Мишей (и по его объяснениям дороги) отправились сестра Клара и шестилетняя Зина. До гетто оставалось около семи километров, когда их поймали на дороге возвращавшиеся с продовольствием для солдат охранники лагеря. Девчонки сильно плакали, клялись, что они не еврейки, лопотали по-украински и, к их счастью, были почти блондинками. В итоге, пожилые немцы-охранники сжалились над детьми и отпустили их. Девчонки добрались до дяди Шмерла.

Последними бежали мама и я. Маме было тяжело нести меня всю дорогу, я был уже трехлеткой, она играла со мной:

– Сынок, побегии вперед, а я тебя буду догонять!

Так она играла со мной, чтобы хоть немного отдохнуть!

Помню оранжево-желтый цвет земли. Видимо, неубранный хлеб, и голубое с белым высокое небо.

В гетто брали не всех. Но дядя Шмерл незадолго до того приютил у себя в доме, несмотря на жуткую тесноту и болевшую жену, бессарабского юриста с семьей. Впоследствии этот человек стал во главе самоуправления еврейского гетто. Так что нам, с его помощью, приняв дядину фамилию Бурштейн, удалось поселиться в гетто.

Гетто возникло через неделю после отступления Красной Армии. Фашисты заняли город, а в начале сентября квартал, прилегающий к базару, обнесли колючей проволокой. Сюда должны были перебраться все евреи, а все неевреи обязаны были покинуть огражденную территорию. Вход и выход – по пропускам. На этом клочке земли проживали 3274 еврея. Мы прожили («прожили»!?) в гетто тридцать два с половиной месяца.

...Дядя Шмерл помогал многим. А был простым многодетным «балагулой». Только сейчас я знаю перевод этого слова с иврита – «БААЛЬ АГАЛА» – хозяин колес, телеги.

Удивляюсь, порой, как я – совершеннейший кроха – мог запомнить все это. Но моя память еще держит многое из той жизни. Если это была жизнь...

ВАФЛИ

Забор из колючей проволоки, которым обнесли гетто, проходил поперек улицы Максима Горького и одним краем упирался в угол водоразборной будки. В будке сидел человек, «ответственный за кран», – он открывал и закрывал вентиль.

Через дорогу, на «русской стороне», размещалась пекарня, в которой пекли вафли. За забор без «аусвайса» пройти нельзя. Но мы, мальчишки, всегда находили в заборах лазейки и пользовались этим удобством без всякого пропуска!

Возле будки рос большой тополь. Корневища его нависали над канавой, по которой летом и осенью текли потоки дождевой воды. Подлезая под эти мощные корни, мы с легкостью выныривали на другой стороне улицы.

Пекарня располагалась в полуподвальном помещении двухэтажного дома. Вход на второй этаж был со двора по деревянной лестнице с длинным балконом на всю ширину дома. А над этим балконом, как раз на уровне наших детских рук, были окна пекарни. Стекол в них не было, только решетки. Зато подоконники были широкими!

В пекарне работали четверо. Двое стояли возле печки, непосредственно занимаясь выпечкой. Двое других делали остальную работу: рубили дрова, замешивали тесто, носили из будки воду...

Вафли готовили на четырех чугунных формах. Это были толстые пластины, скрепленные шарнирами. К нижней и верхней пластинам крепились две ручки из толстой гнутой проволоки. Пластины сперва накалялись в печи, потом вытаскивались. Верхняя «крышка» быстро открывалась, в нижнюю заливали жидкое пресное тесто. Формы закрывались и вновь задвигались в печь. Как только мастер считал, что вафли испеклись, он вытаскивал форму из печи. Быстрыми движениями обрезались края ножом вдоль четырех сторон формы. Эти обломки сбрасывались в корытце возле печи. Форма опрокидывалась на широкий стол, вафельный лист выскакивал на полотенце и остывал... Когда деревянное корытце у печки наполнялось обрезками, кто-то из работников вываливал содержимое на широкий подоконник.

Тогда наступало наше время – уже не смотреть за чудом выпечки, а налетать на обуглившиеся ошметки и запихивать в рот!

Ссор между нами не было: на шум могли прийти полицей, и наше пиршество могло мгновенно закончиться. Только наши грязные лица и руки выдавали наш «СЕКРЕТ». Во всяком случае, как-то утоляли голод...

С тех пор я не люблю вафли!

ОСВОБОЖДЕНИЕ

18 марта 1944 года войска генерала армии Ватутина освободили город и большой железнодорожный узел Жмеринку. Первыми ехали кавалеристы в кубанках с красными лентами наискосок.

Убрали колючую проволоку, которой оградили фашисты гетто. Радость переполняла нас: мы выжили!!!

В ночь на 20 мая 1944 года фашисты совершили авианалет на город и станцию. Сперва с самолетов сбрасывались «фонарики», освещавшие при медленном спуске всю площадь предполагаемой бомбежки. Затем на цель сыпались бомбы!

Поняв, что внутри дома нам не спастись, мы, в чем были, выскочили на улицу. Побежали в сторону села Большая Жмеринка, находившегося рядом с базаром. Меня и сестру Зину мама крепко держала за руки (мне – шесть лет, сестре – девять!) Остальные – постарше – спасались самостоятельно. Рядом с нами бежали сотни людей. Я с ужасом смотрел на бегу на скачущих и ползущих безногих инвалидов. Им никто не помогал. «Спасайся, кто может!»

Наутро, когда воцарилась тишина, мы пошли к дому. От нашего жилья осталась только глубокая воронка – прямое попадание!

Поплелись к дяде Шмерлу. Тут уже нас ждали сестры – Лиза и Клара. А вот брата Миши нигде не было. Отчаяние и ужас охватили нас. Мы думали, что Мишка погиб. Очень плакали. Но вскоре он появился, воняющий за версту! Оказалось, что он прятался в какой-то помойной яме, в которую свалился, убегая от бомбежки. Просидел в ней до утра, пока не установилась тишина, тогда стал звать на помощь, и его вытащили. И вот такой «ароматный» он тоже появился в доме дяди Шмерла. Всю его одежду и обувь пришлось выбросить, он долго отмывался, а мы все радовались, что остались в живых!

Освобождение не принесло облегчения жизни. Жить было не на что, есть нечего. Мама решила отправляться в свое родное село Лука-Молчанская. С этим селом была связана семейная история.

Мой прадед был кантонистом. Отслужил царю и отечеству 25 лет! Так как был он сирота, то еврейская община по разнарядке отдала его в армию. Жизнь армейская была не сахар. А тут еще стали заставлять принять христианство, стать «выкрестом».

В ночь накануне обряда ему приснилась мать, которая не разрешала ему креститься и больно ущипнула за бицепс левой руки, чтобы не смог себя крестом осенить. Наутро, когда прадед проснулся, на левой руке его красовался

Борис Арнгауз. Похоронка. 1998.

большой синяк, который не исчез до самой прадедовой смерти (а прожил он до 96 лет!). Так мой предок и не поменял веру! Дослужился до унтер-офицера, что было для еврея большим чином. Дали ему пожизненно восемь рублей золотом в год и право на две десятины земли. Женившись в тридцать девять лет, он взял в спутницы вдову с двумя детьми и основал это село. В нем мама моя родилась и прожила тридцать семь лет.

Вернулись мы с мамой на её родину, село было свободно от фрицев, односельчане нас встретили приветливо.

Поделились половиной дома, утварью, дровами, одеждой. Мама была работающей колхозницей. А еще – умела шить на машинке. Шила всё: сарафаны, штаны, фуфайки... Так мы стали сельскими жителями.

Треугольники с фронта приходили в село редко. Один раз в неделю в сельраду (сельский совет – *прим. ред.*) прибывала почта. Каждый, кто ожидал вестей, набивался в этот домишко. Вечером 8 мая 1945 года должна была прибыть почта. Сестра Лиза пошла в сельсовет, а я побежал туда же через огороды и сады, так как мы, мальчишки, тоже были вовлечены в этот водоворот ожидания новостей!

Дверь в дом была открыта, чтобы ожидающие слышали, чьи имена выкрикивают для получения почты. Назвали нашу фамилию. Сестра вошла внутрь и через минуту появилась наружи с криком и плачем. Я понял, что отца больше нет. Пришла похоронка. Я пулей кинулся домой. Мне выпало принести семье ужасную весть: отец погиб в Польше 22 марта 1945 года.

А наавтра, 9 мая утром, по селу пропылила полуторка, и стоявший на ней солдат кричал:

– Побе-е-да!!!

ПРОШЛОЕ ОТОЗВАЛОСЬ...

Мы сидели за низким широким столом с легким вином и нехитрой закуской лицом к огромному – во всю стену – окну, которое лишь вчера вымыла моя жена. Она «никаенила», чтобы выжить в абсорбции (зарабатывала уборками).

Меня же пригласили в качестве «эксперта»: узнав, что я художник, попросили оценить старый холст. Мы уже выпили по первой, когда...

Жаркое дыхание рядом. Я вздрогнул, увидев слева от себя Сталина – черную овчарку герр офицера – начальника гестапо.

...Он всегда выгуливал свою любимицу, сидя на велосипеде. Собака бежала впереди него, пристегнутая к ошейнику на длинной цепочке. Где бы ты ни был – близко или далеко от этой пары – никто не смел переходить в это время дорогу!

Однажды, играя с другом на его балконе, я услышал сперва громкий лай, а потом – крик женщины.

Мы вскочили на ноги и побежали смотреть сверху на то, что произошло на выходе с Базарной площади.

На земле, обхватив голову руками, сгорбившись, сидела женщина. Над ней, склонив огромную черную голову, скалясь и рыча, как бы предупреждая о неминуемом наказании за любое движение, стояла черная овчарка.

Возле женщины я увидел старое, погнутое оцинкованное ведро и большой пятилитровый чайник. Моя мама или старшие сестры носили в этом чайнике воду.

Единственная работающая колонка была на другой стороне площади, на улице Урицкого. Из-за относительно высоких домов, окружавших площадь, видимость на выходе с площади была плохой, мама просто не заметила гестаповца. Да и был он от неё еще далеко – внизу улицы! Сделав пару шагов, чтобы перейти дорогу, она была атакована спущенной герр офицером собакой.

Эсесовец подъехал к маме, взял в руку собачью цепь и несколько раз хлестнул маму по голове и рукам. Затем – спокойно продолжил свой путь.

Мама через какое-то время встала и пошла через площадь к колонке за водой. Придя домой, она все еще продолжала плакать...

...Хозяйская овчарка – Джипси – дрожала от напряжения и тихо, но внятно урчала. Видимо, почуяла мое напряжение и насторожилась, охраняя свою территорию.

Хозяйка, извинившись, заперла её в спальне. Но там она громко лаяла.

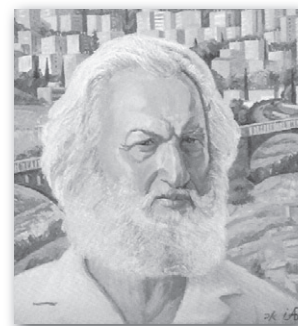
Мы распрощались и ушли. Больше не встречались. Эта история произошла в городе Хайфа, на Мерказ а-Кармель. Шел 1997 год.

**Борис Аренгауз.
Портрет матери. (1998)**

Борис Аренгауз

Родился на Украине в 1938 году. Получил художественное образование в Хабаровске. Его картины находятся в музеях и частных собраниях в России, Украине, Болгарии, Венгрии, Кубе, США, Израиле. Репатриировался в 1994 году. С 1996 г. Член Союза художников и скульпторов Израиля. Живет в Хайфе.

**Борис Аренгауз.
Автопортрет (1999)**

Одарка (вторая справа). Отличница учебы (1945)

ОДАРКА БЕРНАДСКАЯ (МАРШАК)

ПАПА ВЕРНУЛСЯ!

Хорошо помню первый день войны. Мы жили у Кривого Рога. Там были железорудные комбинаты. Семья жила на узловой станции. На третий день станцию бомбили. Все пути были разворочены.

3 июля папа зашел и сказал:

– Мы уезжаем, но через две недели обязательно вернемся. Возьмите смену белья и что-нибудь поесть.

Мама, папа, сестра (старше на семь лет) и я взяли узелки и пошли...

На первом железнодорожном пути ждали теплушки. Туда, стоя, набилась масса людей!

– Ну всё, – сказал папа, – я пошел. И ушел на фронт.

Сидеть было негде. Все стояли, прислонясь друг к другу. Как только эшелон тронулся, стали взрывать пути. Так мы и ехали, сопровождаемые криками, плачем, истериками... Ехали долго. На станциях нам иногда бросали в вагон яблоки, куски хлеба. Двигались мы к Ставропольскому краю. На одной из остановок в вагоне набили в три яруса нары, и мы почувствовали некоторое облегчение.

Отвезли нас в ставропольскую станицу. До войны я не помню деления на евреев, русских, украинцев... А вот в станице Советская мы узнали, что мы – евреи! Хозяйка – пожилая казачка – сразу в дверях спросила:

– Вы евреи?!

Было страшно. Казаки выглядели очень воинственно: в папах, с кинжалами. Через четыре дня хозяйка шепнула нам:

– Они хотят всех вас перерезать!

Васька отвезет вас на станцию. Васька был сыном хозяйки – парнишка тринадцати лет. Я помню, как он заматывал тряпками копыта лошадей – «чтоб не стучали». Мама в благодарность отдала хозяйке свои синие серёжки.

Эшелоны проходили один за другим. И в такой же теплушке, как мы прибыли в Ставрополье, – мы продолжили путь к Пятигорску.

Эшелон остановился на станции Иноземцево. То, что здесь происходило, не поддается описанию: подводы, крики женщин, плач детей, брань... Милиционеры «на штыках» загружали людей в подводы... Жестокое зрелище!

Это было выселение греков и немцев. Людей выгоняли из дому, в чем есть. В домах все было так, будто хозяева вот-вот вернутся: в шкафах оставалось белье и одежда, в буфетах – посуда и утварь... Нам пришлось заселяться в одну из оставленных квартир.

Но немецкое наступление на Кавказ продолжалось. Организованной эвакуации уже не было – каждый спасался как мог!

Я, мама, сестра стояли на дороге в надежде, что какая-то из машин остановится и подберет нас...

Одарка Бернадская (Маршак)

Родилась 25 июля 1932 года. Окончила Владимирский педагогический институт, физико-математический факультет. Тридцать лет проработала в Москве учителем математики и физики.

Есть дочь и внук. Репатриировалась в 1991 году. Живет в Ашдоде.

ФАИНА ВИТЕБСКАЯ**КАК МЫ ВЫЖИЛИ?**

Звакуация. Помню её хорошо. Нас – мама, папа, два моих брата и я – повезли на телегах в Алчевск, откуда должен был выходить эшелон.

Вагонов никаких не было. Семьи загрузились на открытые платформы, груженные какими-то огромными камнями. В холода на платформах выросло подобие шалашей. Строили их из всего, что попадалось на станциях во время остановок. Иногда на станциях удавалось не только «строительный материал» подобрать, но и кипятком разжиться, а то и поесть суп, чай попить...

После долгого пути прибыли на Урал в село Ново – Сергиевка. Нашу семью и остальных земляков расселили в хижине на краю села. Местные жители приняли нас прекрасно. Когда могли, помогали.... Но у них и у самих-то почти ничего для нормальной жизни не было.

Каждый день мама мазала глиной пол. А еще – заботилась о детях. Мне она сшила куклу, а братьям – из тряпья футбольный мяч! Стол сбили из досок, кровать тоже. Готовили «затируху» – кашницу из воды и муки. Я эту пищу не принимала. Сидела голодной. Отощала так, что однажды в снегопад, когда нога увязла в сугробе, я так и застряла в снегу. Не было сил вытащить ногу. Прохожие меня вытащили, уложили на какие-то сани и привезли домой.

Моему старшему брату было тогда всего шестнадцать лет. Он пошел работать на завод. Чтобы мальчик доставал до станка, ему подставляли под ноги ящики. А младший брат очень болел. Так что за один порошок «сульфедина» мама отдала почти все, что нам удалось привезти с собой и к тому времени еще не «проесть».

«Как мы выжили?» – пронизывает вопрос.... Наверное, очень верили в победу и в то, что однажды вернемся домой!

И Победа наступила! Помню, что мы не учились, и каждый получил хлеб с пастилой. Праздновали!

Фаина Витебская

Родилась 20 сентября 1932 года в г. Ново-Витебск Днепропетровской области. Окончила Харьковский университет. Жизнь прожила в Донбассе, проработав сорок семь лет педагогом. Есть два сына и внуки.

После репатриации живет в городе Кирьят-Гат.

СЕМЕН ГЛИКМАН

«СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ»

Благодатная жизнь в Аккермане закончилась с началом войны. Многие из восьми тысяч евреев, живших в городе, двинулись в путь.

Отца призвали в первые же дни, так что войну он прошел полностью, до июля 1945 года.

Мы же: я, тринадцатилетний, мама, маленький брат, пожилой дядя и две пожилые родственницы, – добирались до Одессы. Город у моря встретил нас налетом и сиренами «воздушная тревога». Разместились в скверике у Одесского железнодорожного вокзала. Но через какое-то время, с помощью дворничихи, получили крышу над головой: вселила она нас в квартиру эвакуировавшихся, которые оставили ей ключи. Спали на полу в кухне, а при бомбежке неслись в подвал.

Немецкие и румынские войска подошли вплотную к Одессе. Уйти из города можно было только по морю. 17 сентября 1941 года мы поехали на подводе в Одесский порт. Народу скопилась уйма! А тут – тревога. Люди бросились врассыпную искать пристанище, полезли прятаться под стоявшие неподалеку железнодорожные вагоны...

На нижние палубы трех кораблей, которые должны были нас эвакуировать, погружали раненых на фронте бойцов. Моряки по громкоговорителю просили население не беспокоиться и обещали, что груды багажа, находящегося на пирсе, будут погружены на борт!

В итоге, наш корабль «Днепр», вместе с двумя другими, вышел в море. Всю дорогу до Новороссийска нас сопровождали три военных корабля – прикрытия.

В Новороссийске – на эшелон и снова в путь! На больших железнодорожных станциях нам давали еду. Но все равно было голодно, и при любой возможности искали способ сбегать за водой и провизией. На станции Сызрань я пошел на вокзал за водой, а состав ушел...

Что делать?

Сказали:

– Иди пешком до следующей станции. Там, в Батраках, стоят товарные составы, среди них и ваш...

Семен Гликман.
Декабрь 1943 года

Ничего не поделаешь, так я и сделал. Пошел по шпалам пешком. Долго шел. Наконец, в Батраках, оказалось, что моего поезда нет! Дежурный по станции посоветовал:

– Попросись у проводника скорого пассажирского, чтобы взял тебя до Пензы!

Так я попал в тамбур вагона, едущего на Пензу. Подъезжаем к городу, вижу – товарный состав, а в тамбуре – моя мама!

В двадцатых числах октября сорок первого года мы оказались в колхозе «Советская Каракалпакия». Наша школа состояла из узбекского и русского отделений, называлась школой имени Алишера Навои. На стенах висели лозунги: «Отличная оценка – удар по врагу!»

Летом началось нашествие комаров. Жгли костры, чтобы дым отпугивал насекомых. Воду брали из арыка. Она была настолько грязна, что требовалось отстаивать ее в ведрах всю ночь. Наутро слой грязи на дне составлял порой четверть ведра.

Мои друзья были узбеки, казахи и один татарин. Никогда не слышал от них в свой адрес грубого слова. Никогда мы, мальчишки, друг друга не обижали. По-русски разговаривали плохо, но друг друга понимали. И взрослые демонстрировали гостеприимство: часто приглашали к себе домой попить с ними чаю, а когда варили плов, говорили мне:

– Сема, приходи сегодня вечером, плов будет!

И вот, все собирались, садились кружком на полу и начиналось пиршество. Ели пальцами.

25 января сорок третьего года в темную ночь кто-то рванул двери нашей комнаты. Ворвались два грабителя и напали на нас, начали душить. Так как жилье находилось вдали от остальных домов, на пустыре, – никто наших криков не слышал. Грабители унесли два мешка с вещами, сорвали с вешалки мамино хорошее пальто и мое зимнее. В милицию пришли мы все в синяках, со следами рук на горле. Тетя спала на мешках с вещами и пострадала больше всех. Грабителей не нашли, а я, оставшись без зимнего пальто, вынужден был перейти на телогрейку.

Тогда же у меня начались приступы малярии. Болезнь проявлялась ежедневно среди дня. Если приступ случался дома, то меня укладывали и укрывали. Трясло так, что зуб на зуб не попадал.. А если я находился где-то на улице, то не оставалось ничего другого как лечь возле какого-нибудь дома или забора. Приступ длился около 20-30 минут, затем проходил.

А чтобы полечить разболевшиеся зубы, мне, мальчишке, приходилось отправляться в город Ургенч: 4 километра пешком по пустырям до реки Амур-Дарья, оттуда узбек-лодочник переправлял на противоположный берег. Затем – пешком до маслозавода ловить попутку до города и трястись в кузове еще двенадцать километров...

В начале апреля 1944 года Одессу освободили, мы стали подумывать о возвращении в родной город. В те военные годы поехать куда-то семьей без пропуска было нельзя. Мы запросили вместе с еще несколькими семьями пропуск до Львова Курской области. Пустились в путь по Аму-Дарье в обратном направлении. В городе нас принять отказались – разруха, не так давно город освободили. Стоим мы – четыре семьи – на перроне. Вдруг видим – товарняк, на платформах которого – длинные железные трубы. Мы быстро заскочили на них с оставшимися нехитрыми вещами. Так и проехали часть Украины до Нежина, где нас милиция ссадила с поезда. Узнали, что у двух семей кормильцы погибли на фронте, у двух – мужья воюют, и выделили нам бортовую машину, отправив в совхоз «Малая Носовка» Черниговской области. В совхозе выращивали сахарную свеклу. Пошли мы – кто в совхоз, кто на сахарный завод. Тут я стал слесарем третьего разряда.

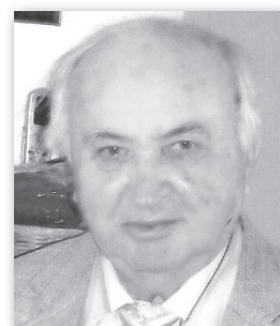
Начали мы бедствовать в Каракалпакии, продолжали в украинском совхозе. Зарплату не платили, а дважды в день что-то из съестного выдавали на кухне. Дрожали мы над каждым кусочком хлеба. Мама сама или с братом ходила по выходным в соседние села с торбой: вдруг добрые люди положат что-то из съестного. Клади почти всегда.

И все же, эту пору можно было назвать «сладкая жизнь»: работая на сахарном заводе, мы стали пить дома сладкий чай. В Каракалпакии мы сахар совсем не видели!

Как-то главный инженер на заводе увидел меня в порванной, изношенной до неприличия одежде. Вызвал к себе. Узнал, в чем проблемы, и распорядился выдать со склада новые кирзовые ботинки, а заводской портной из мешковины, из которой шили мешки для сахара, пошил мне брюки и пиджак. Вот так я стал «выглядеть прилично».

Семен Гликман

Родился в Бессарабии в 1928 году, в г. Аккерман (Белгород-Днестровский). По возвращении из эвакуации окончил рыбопромышленный техникум. Работал старшим мастером, начальником цеха на рыбоконсервном заводе в Белгород-Днестровском. Больше тридцати лет отдано этой деятельности. В мае 1990 году репатриировался с семьей. Дочка, сын, три внука, внучка и два правнука.

СЕРГЕЙ ГОЛЬДИН

ЗАКОНЧИЛОСЬ ДЕТСТВО...

Человеческая память подобна граммофонной пластинке, которая со временем стирается, сохранив лишь некоторые фрагменты...

Разумеется, всё вспомнить невозможно – а может, и не надо. И всё же постараюсь описать то, что сохранилось в памяти. Эти эпизоды повлияли на формирование не только моей жизни, но и на меня как на личность.

Я заранее допускаю, что некоторые факты и события могут не совпадать с хронологией, да и мои литературные способности не могут воспроизвести того, что было в моей жизни...

I

Первое, что возникает в моей памяти, – это улица, на которой я родился. Наш район назывался «Нижний базар». Он включал в себя территории многих улиц, начиная от Оперного театра и до Дворца спорта трудовых резервов. О том, что Минское подворье было культурным и торговым центром Старого Минска, говорят названия улиц: Новомясницкая, Старомясницкая, Торговая, Замковая, Немига, Слесарная и т.п.

Улица, на которой мы жили, называлась Старомясницкой. Я не случайно упомянул название. Это была многолюдная и многонациональная улица, где жили евреи, татары, немцы, белорусы, русские. Слышалась разная речь – в основном, еврейская, – но это никого не удивляло. Многие русские понимали еврейский язык (идиш)..

Дома в подворье были полуторазэтажные, расположенные так близко друг к другу, что по улице между ними могла проехать только телега.

Предполагаю, что на верхних этажах домов во многих случаях жили богатые евреи, а в нижних полуэтажах – прислуга. Догадки мои подтверждаются тем, что однажды мы с братом Гришей нашли спрятанную на чердаке очень красивую и ценную посуду. Возможно, это была специально хранимая кошерная пасхальная посуда.

Что представляла собой наша улица с точки зрения быта и занятости? Жили на ней преимущественно ремесленники и подсобные рабочие. На нашей улице было много магазинов (в том числе, мясных и рыбных). На углу нашего дома была маленькая слесарная мастерская, где старый еврей изготавливал ключи. Я мог часами наблюдать, как он работает.

Каждое утро на нашей улице собирались люди с колясками для перевозки мебели и других грузов, точильщики ножей и ножниц со своими переносными точильными устройствами, дровосеки с пилами и топорами. Все они предлагали свои услуги.

Наш дом был полутораэтажным, из красного кирпича. В доме было 3 подъезда. На первом этаже были три однокомнатные квартиры – в них жили русские семьи – и тёмный коридор без освещения. На втором этаже были две квартиры, жили там еврейские семьи. С первого этажа на второй вела широкая деревянная лестница, под которой был наш сарай, где хранились дрова. Второй этаж освещался дневным светом – в середине крыши был стеклянный купол. Помню фамилию наших соседей – Браверман (они мне казались очень богатыми)!

Наша квартира состояла из столовой и спальни. В квартире была также кухня с русской печкой и тёмный туалет (без окон). На кухне была чугунная чёрная раковина (горячей воды не было). Пищу готовила мать, в основном, на примусе. По праздникам разжигали русскую печь, и мама пекла различные булочные изделия... Мы спали с братом вместе, на одной кровати, что нередко приводило к дракам.

Мой отец, Мордух (Моттл), родился в 1908 году, в Минске, в районе «Комаровка».

Он был малообразованным человеком, после революции вступил в коммунистическую партию и был направлен на строительство кондитерской фабрики «Коммунарка». Моя мама, София, родилась в местечке Узда, Минской области, в многодетной семье. Выйдя замуж, в основном, была домохозяйкой, и до 1941 года имела троих детей. В отличие от отца, мать была очень мягким человеком, никогда не могла нас наказать, зато от отца нам доставалось часто (и было за что).

В школу дети тогда шли в 8 лет, но так как я родился в октябре, то в 1938 году ещё ходил в детский сад, который размещался в помещении клуба пицеевиков им. Сталина. После войны в этом здании был кинотеатр «Победа».

В 1939 году родители определили меня в 8-ю еврейскую школу, которая потом стала белорусской, а затем русской. В итоге, я не знал ни еврейского, ни белорусского, ни русского языков хорошо. Но не потому, что я был чрезвычайно бездарным, а потому что путь в школу проходил через площадь Свободы, а там в это время строили фонтан, что меня очень привлекало. Вместо учёбы я наблюдал, как работали рабочие, и как постепенно создавался фонтан. Была и ещё одна страсть, которая отвлекала меня от учения. Я очень любил ходить в детский кинотеатр. Деньги, которые давал мне и Грише отец на обеды, мы тратили по своему усмотрению. В итоге, я остался на второй год в 1-м классе, а Гриша в 4-м.

Перед началом войны было много разговоров, о том, что может начаться война. Во всех витринах магазинов и на стенах домов висели огромные плакаты и рисунки, восхваляющие мощь Советского Союза, показывающие разгром любого врага. Я по-детски воспринимал всё как действительность и был горд за нашу страну.

В июне 1941 года, примерно 10 числа, родители отправили меня и Гришу на отдых в пионерский лагерь. Сбор детей был во дворе клуба им. Сталина. Играл оркестр, было очень весело. Ребята познакомились между собой, рассказывали друг другу разные небылицы, каждый хотел показать себя героем.

На станцию шли строем, играл оркестр, настроение у всех было приподнятое. До лагеря ехали в пригородном поезде. Лагерь располагался примерно в 50-ти километрах от Минска, железнодорожная станция «Городище».

Пионерские лагеря строились по одному образцу: корпуса для мальчиков, для девочек, столовая, баня, линейка. Лагерь располагался среди живописной природы. Вокруг отличные хвойные леса, полные ягод и грибов. Была и речушка, узкая и мелкая. Помню, как нас первый раз повели на речку. Ребята спрашивали друг у друга, кто умеет плавать. Я крикнул, что умею и, раздевшись, кинулся в воду, принявшись молотить ногами и руками по дну речки. Все стали смеяться и поняли, и я в том числе, что никакой я не пловец. Я выскочил из воды, ощущая стыд, но вскоре об этом эпизоде все забыли.

Большинство детей, чьи родители работали на пищевых предприятиях, в отличие от меня, не любили лагерную пищу, особенно манную кашу. Большинство работников лагеря были евреями. Старшим пионервожатым был Цырлин Ефим Иосифович.

22 июня 1941 года было торжественное открытие пионерского лагеря и, соответственно, родительский день. Наши родители не смогли приехать – на то были причины. 22 июня в Минске было открытие Комсомольского озера, и присутствие на нём коммунистов было обязательным, а мама осталась дома с больным младшим братом Яшей. Нас взяли к себе приятели моего отца, приехавшие к детям, и мы целый день провели с их семьёй.

В тот же день, к вечеру, мы почувствовали, что взрослые чем-то взволнованы. Вдруг все заметили огромное зарево пожаров – это горел Минск. Все понимали, что происходит что-то необычное, но никто не говорил, что это война.

Назавтра, 23 июня, день проходил, как обычно, но не было веселья, взрослые между собой о чём-то разговаривали, не чувствовался установленный строгий распорядок дня. Некоторые из детей, собиравшие ягоды в лесу, рассказывали, что видели людей не похожих на местных. В дальнейшем мы узнали, что это был немецкий десант.

24 июня стало очевидно, что происходит что-то необычное. Работники лагеря часто звонили в Минск, не скрывая своего волнения. К обеду стали слышны

частые взрывы со стороны Минска. Старший пионервожатый, чтобы как-то успокоить детей и снять волнение, собрал всех детей на пионерской линейке. Как обычно, на флагштоке развевался красный флаг.

Чувствовалась во всём напряжённость, не было шуток и смеха. Вдруг над лагерем появился самолёт. Все подняли головы, а Ефим Иосифович говорит, что это наш скоростной бомбардировщик. Но не прошло и минуты, как самолёт пошёл в пике и сбросил бомбу. К счастью, она упала на баню, и никто не пострадал. Началась паника, многие дети плакали. Меня взял Гриша, и мы побежали в лес. В лагере начался беспорядок. Дети плакали; кричали, что хотят, чтобы родители забрали их. Я и Гриша, конечно, не думали, что не увидим больше своих родителей и брата.

25 июня до рассвета солнца всех подняли, предупредив, чтобы ничего с собой не брали, так как через неделю предполагали вернуться. Сонные, наскоро одевшись, не умываясь, – мы выбежали из корпуса и присоединись к остальным отрядам. Когда весь лагерь был собран, нас повели в сторону станции. Проходили мимо столовой и продуктового склада, но никто не предложил нам взять с собой что-нибудь из еды.

Молчаливым строем мы двигались, подавленные чувством неизвестности, без разговоров и смеха. Тревога подавляла даже мысли о родителях и брате, которые остались в Минске. Расстояние до станции было примерно полтора километра, и с рассветом мы подошли к товарным вагонам, стоявшим на запасных путях. Так закончилось моё детство, и начались военные годы.

II

Словно знавшие заранее, что необходимо делать в подобных случаях, мы быстро стали заполнять вагоны. Я оказался в одном вагоне с Гришей. Мы не осознавали, что происходит, а главное, – что нас ждёт впереди. Как только поезд тронулся, все ощутили чувство голода, как будто мы не ели долгое время, – даже те дети, которые обычно вообще отказывались от завтрака. Думаю, это был первый признак наступающего тяжёлого времени.

Эшелон двигался, не останавливаясь на железнодорожных станциях, а мы смиренно сидели на полу вагона, не пытаясь взглянуть через приоткрытые двери на происходящее снаружи.

Иногда слышались звуки летящих самолётов, – мы ещё не знали, что это немецкая авиация. К полудню мы подъехали к большому городу. Это был Смоленск.

Так как наш эшелон был товарный, то его завели на дальние от перрона пути, ближе к насыпи. Когда поезд почти остановился, и мы впервые открыли

ворота вагона, дети, мешая друг другу, стали выпрыгивать из вагона (после большого переезда нетерпелось справить естественные потребности).

Вдруг над станцией появилось несколько немецких самолётов, они стали бомбить стоявшие на станции вагоны. Стоял невероятный грохот от разрывов бомб и гудков паровозов. Поскольку наш эшелон был на краю насыпи, те, кто ещё оставались в вагоне, бросились вниз, пытаясь укрыться в высокой траве рядом с вагоном. Я лежал лицом к земле в высоком бурьяне, ни на кого не глядя и никого не видя. Казалось, все бомбы падают на меня.

Прошла вечность, состояние своё тогда я даже сейчас затрудняюсь передать. К счастью, я остался совершенно невредим, и недалеко от меня находился Гриша. Когда всё утихло, нас стали собирать наши воспитатели и начальник лагеря Фридман.

На станции появились военные, которые действовали быстро, собирая всех уцелевших. Приказали никому никуда не расходиться и ждать. Примерно через час нас покормили из походной «военной кухни» – то была пшённая каша, до сих пор помню её вкус.

Многие мужчины были тут же мобилизованы в Красную Армию. К вечеру сформировали новый эшелон, и всех, включая детей пионерского лагеря, разместили по вагонам. Поезд двигался медленно, часто делая остановки. Куда нас везли, – никто не знал. Вначале поползли слухи, что нас везут в Москву; затем выяснилось, что мы направляемся в глубинку России.

По мере передвижения мы немного осмелели, двери вагона постоянно были открыты, и мы наблюдали за происходящим. За дверьми была мирная жизнь. Точно помню, – еду нам выдавали сухим пайком.

Рано утром, 30 июня, поезд остановился на железнодорожной станции Аркадак, Саратовской области. Всех людей попросили немедленно покинуть состав, который через короткое время ушёл со станции. Народу было очень много. Детей без родителей, в том числе и минчан, собрали отдельно.

Теперь в нашей группе были и другие дети. Всю эту группу детей возглавлял Ефим Иосифович Цырлин.

Районный центр Аркадак представлял собой провинциальный городок. Центром его была привокзальная площадь, вокруг которой были школа, кинотеатр, столовая и другие административные здания. Всех детей разместили в помещении средней школы. Мы как бы заново вернулись в лагерный образ жизни: подъём, завтрак, обед, ужин. Питались мы в привокзальной столовой. Только совсем другими стали взаимоотношения между ребятами. Многие ребята (не минчане) разбежались. Те, кто остался, должен был приспособиться к новой жизни. Новые обстоятельства, люди, диалект – всё оказывало на нас определённое влияние, и мы тоже стали другими. Многие из нас вдруг узнали, что мы евреи.

Местное население, особенно молодёжь, относились к евреям предвзято (то ли не видели никогда, то ли представляли нас непохожими на других). Внешне

они не могли определить, кто из нас еврей, поэтому случалось так, что, поймав кого-нибудь из наших ребят, клали себе на ладонь горох или кукурузу и спрашивали, что это такое. Если несчастный не выговаривал букву «Р» – значит, он еврей. Нередко таких избивали. Постепенно вокруг нас сформировалось неприятие со стороны местных подростков, что, в свою очередь, объединяло и спланивало нас.

Мы прожили в помещении школы на привокзальной площади до конца августа 1941 года, когда нам объявили, что до 1 сентября нам придётся освободить школу. Сказали собрать свои вещи и ждать. 31 августа нас вывели из школы и разместили в скверике, рядом со школой, где мы прождали весь день. Вечером мы увидели огромную колонну людей с небольшими узелками.

В колонне большинство были старики и дети. По команде конвоирующих их военных всех посадили на землю. Мы не понимали, кто это такие и тревожно переглядывались, тут же собралось множество зевак, и пополз шепоток: «немцы-предатели». Мы от удивления не могли сказать ни слова, как бы онемели; тем более, их разместили недалеко от нас. Помню страдальческие лица, молитвы пожилых людей, плач детей.

С наступлением ночи нас построили; младших посадили на телеги, остальные пешком – в неизвестность. К утру мы пришли в небольшой посёлок (примерно 5 км от станции) и разместились в одном из зданий из красного кирпича.

Мы оказались в бывшем немецком посёлке, где жили до изгнания поволжские немцы. Дом, в котором нас разместили, был домом бывшего поселкового совета. Позже нас распределили по группам и разместили в отдельных деревянных домах. Так сформировался детский дом. Он разместился в пяти зданиях (включая административное), была также столовая, баня, стадион.

Детский дом – это особенное место проживания, где каждый обречён самостоятельно решать свои жизненные проблемы, где существуют свои законы, суд чести и строжайшая иерархия. Каждый знает своё место.

После высылки немцев из их мест в посёлке организовали колхозные бригады, так как оставалось много скота, поля пшеницы и приусадебные участки, пустующие дома. Естественно, в посёлок прибыло много эвакуированных людей.

Вскоре у нас появился директор. Это был человек, хорошо знавший детскую психологию, поведение детей и их потребности. Сам он был воспитанником знаменитой детской трудовой колонии ФЭД («Феликс Эдмундович Дзержинский»), руководимой опытным педагогом Макаренко.

Фамилию директора не помню, звали его Пётр Архипович. Замечательный был человек и педагог, умелый руководитель. Его девиз был – труд. Слов на ветер никогда не бросал, сказал-сделал. За провинность никогда не читал мораль, однако мог и ударить. Нам казалось это справедливым. Иногда доставалось и мне.

Работали и до приезда директора. Ежедневно работали на оставленных полях – занимались прополкой, пасли скот. Были работы и в самом детском доме: заготовка дров для кухни, доставка воды; девочки работали, в основном, на кухне и в столовой – мыли посуду и убирали помещения.

Вскоре на базе колхозной бригады был создан военный совхоз, где основные работы выполняли пожилые мужчины, а мы были в качестве подсобных рабочих. Вся получаемая продукция шла на фронт.

Директор детского дома заключил договор с военным начальством, что детский дом за определённую плату будет получать кое-какие продукты. В результате, мы стали постоянными рабочими. Продолжительность рабочего дня зависела от времени года. Так я освоил все сельскохозяйственные работы: пахота, боронование, обработка полей, сбор урожая.

Освоили мы и все работы по уходу за лошадьми: кормление, чистка лошадей и загонов. Даже стали неплохими наездниками, и иногда после купания лошадей устраивали набольшие скачки, что категорически запрещалось, – ведь это были рабочие лошади. Осенью убирали урожай и заготавливали сено для скота. После окончания осенних работ пасли стада коров, а по ночам – табуны лошадей. Это было небезопасно, так как поздней осенью в степи было много волков, и встречи с ними были нередки.

Я уже рассказывал, что детский дом – это закрытое общество. Нередко там проводились различные, я бы сказал, недетские игры. Например, искусственное удушение, после которого мальчик неосознанно бегал за всеми, как сумасшедший, и только после того, как он получал удар по щеке, – как бы просыпался. После чего обычно плакал. Периодически велись показательные драки для определения иерархии – кто кому подчиняется. При этом строго соблюдались правила: лежачего не бить, прекращение драки при появлении крови или если кто-то заплакал. Обычно, после драки, дети замыкались и в одиночестве плакали – не от боли, а от обиды. В такие минуты вспоминался довоенный дом и мама. Я тоже участвовал в драках.

Была и такая игра, которая называлась «на хопок». Надо было подстеречь одного из играющих (заключался договор между сторонами) и быстро вырвать у него еду.

Среди ребят были очень распространены наколки (татуировки).

При этом в качестве туши применялась жжёная резина и собственная моча.

Накалывали тремя иглами, связанными между собой нитками. Глубина втыкания игловок определялась местом связывания. Тому, кто явно боялся, втыкали глубже. После такой процедуры вся эта часть тела покрывалась опухолью. Все наколки у ребят были одинаковыми.

Неучастие в проводимых играх считалось трусостью и вело к потере авторитета среди всех товарищей.

Существовали также «должники» и «ростовщики». Одни попадали в зависимость к другим. Происходило это так: в холодное время года завтрак и ужин

приносили, как правило, в комнаты. Завтрак и ужин обычно состоял из 100 граммов хлеба и кусочка сахара. Одни поедали всё очень быстро, а другие разрезали неспеша хлеб на маленькие квадратики и ждали, когда начнётся торг. За один квадратик, проданный просящему, можно было получить в четыре раза больше. Среди детей были дистрофики и довольно упитанные мальчики.

Воспитатели обращали на это внимание, но от детей никогда ничего нельзя было узнать – доносы строго карались.

Уборкой помещения занимались сами дети. Мне казалось, что особенно грязно не было, но тем не менее были инфекционные заболевания: чесотка, туберкулёз, малярия и тиф. Я переболел всеми этими болезнями.

Когда я заболел тифом, меня положили в сельскую больницу. Палатой была большая комната, примерно 60 метров, где лежали и дети, и взрослые. Лечила нас всех врач, эвакуированная в этот посёлок. Я думаю, что это была палата обречённых. Когда состояние моё ухудшилось, меня перевели в отдельную комнату, откуда никто уже не выходил живым, но неожиданно я выздоровел.

Жизнь в детском доме продолжалась.

К началу 1943 года голод усилился. Военный совхоз ликвидировали, а подсобное хозяйство, кроме картошки и сахарной свеклы, ничего не давало.

Существование каждого зависело от его способностей достать (украсть) что-нибудь съестное. Воровали всё, что было более-менее съедобным. Рвали с грядок зелень и овощи, не давая им созреть. Небольшой заработок давало копание весной огородов, а зимой – подшивание войлоком подошв валенок.

Несмотря ни на что мы всё же учились в школе. Всё это выглядело очень условно: мы учились в тех же комнатах, где и жили.

Каждому давали грифельную доску и мел – это всё. Надо было записывать на доске и запоминать. Естественно, каждый думал в это время о своём: в основном, где найти что-нибудь поесть. Честно говоря, я и не помню, что мы тогда учили.

По мере взросления многих ребят забирали на фронт. В 1943 году Гришу направили учиться в железнодорожное училище, и до 1949 года я его ни разу не видел. Я уже был в старшей группе, и в 1945 году меня и ещё троих ребят направили в Саратовский нефтяной техникум-интернат, т.е. на полное государственное обеспечение. Перед отъездом директор пригласил нас к себе домой, покормил, пожелал нам хорошей учёбы и просил не забывать детский дом. По прибытии в техникум следовало пройти что-то наподобие собеседования; в основном, по общей школьной подготовке. Как и следовало ожидать, наши знания оказались чрезвычайно низкими. Из всей нашей группы приняли только меня, хотя я не мог понять, чем отличаюсь от других.

К сожалению, моя недалёковидность не позволила мне осознать, что могло ожидать меня в будущем, и я, в знак солидарности с остальными ребятами, вернулся обратно в детский дом.

Я с братом Гришей

Как сейчас помню то весеннее тёплое утро 9 мая 1945 года. В наших краях ещё не везде сошёл снег. Мы, дети, по дороге в школу слышали разговоры о том, что война закончилась. Вскоре нас собрали возле административного корпуса и объявили официально об окончании войны. Занятия в школе были отменены. Радость была всеобщая, но везде слышался плач женщин. О чём они плакали?

Конечно, это были слёзы радости, но также и скорби о невернувшихся с войны мужьях и сыновьях.

Лично я в полной мере не осознавал, что означает окончание войны. Вроде бы понятно – больше не будут убивать; и это – большая радость. В то же время я не мог глубоко осмыслить, что произошло; и что было бы, если бы этого не произошло.

...Я много думал об истреблении евреев во время войны. Была ли у моей мамы возможность уйти из гетто и спастись, как это некоторым удавалось. Или спасти младшего брата, отдав его в белорусский детский дом, – ведь он был блондин и не прошёл обряд обрезания (брит-милы). Нет ответов на эти вопросы... Поэтому, когда идёт речь о Дне Победы, я с трепетом вспоминаю то весеннее утро 9 мая 1945 года.

Сергей Гольдин

Родился 1 октября 1930 года в Минске. После войны жил в Минске, работал электриком, после окончания института – инженером. Одна дочка, две внучки.

Репатриировались все вместе из Минска в 1993 году. С этого времени живет в Беэр-Шеве.

ИОН ДЕГЕН

ВОЙНА НИКОГДА НЕ КОНЧАЕТСЯ

Отрывки из книги (Израиль, 1995)

*Для тех, кто ушел на фронт молодым,
война никогда не кончается*

ХРУПКИЙ ХРУСТАЛЬ

Пренебрегая правилами хорошего тона, я предупреждаю гостей быть очень осторожными с этими высокими узкими бокалами из тонкого хрусталя, хотя о более ценных вещах никто не слышал от меня предостережений.

Мы с Яшей родились в один день. Вместе пошли в детский сад, а потом – в школу...

Утром, когда нам исполнилось шестнадцать лет, мы сдали экзамен по алгебре, оторвались от одноклассников, купили бутылку «Алигатэ» и по традиции взобрались на ореховое дерево в нашем саду. Мы удобно расположились в развилках мощных ветвей, отхлебывали вино и обсуждали мировые проблемы.

Я закурил «гвоздик», горький, вонючий, дерущий горло. На лучшие папиросы у меня не было денег. Яша отмахивался от дыма и рассказывал о недавнем свидании с девочкой из десятого класса.

По календарю только завтра наступит лето, но теплое летнее солнце уже сегодня пробивалось сквозь тугие пахучие листья.

Нам было хорошо на ветвях старого орехового дерева, центра мироздания. Еще четыре экзамена – и начнутся каникулы. А там -десятый класс. А потом – вся жизнь. И границы ее неразличимы, когда тебе шестнадцать лет и все еще впереди.

Через две недели начались каникулы. Я устроился на работу в пионерский лагерь. Яша решил в июле поехать к родственникам, жившим на берегу моря. Но еще через неделю началась война. И рухнули планы. Ночью немцы бомбили город. Мне хотелось зубами вцепиться в кадык немецкого летчика.

Уже в первый день войны я не сомневался в том, что сейчас же, немедленно, добровольно пойду на фронт. У меня не было сомнения, что такое же чувство испытывают все мои товарищи и, конечно, мой самый близкий друг Яша. В первый день войны мне даже на минуту не удалось освободиться от работы в лагере. На следующий день, в понедельник, я заскочил к Яше с тщательно

обдуманном плане – сформировать наш собственный взвод, в котором будут ребята из двух девятых классов.

Он не успел отреагировать на мое предложение. Яшина мама обрушила на меня лавину нелепых обвинений. Больно и обидно было впервые услышать грубость из уст этой деликатной женщины. Она кричала, что я рожден для войны, для драк и для всяких безобразий, что, если я решил добровольно пойти на фронт, это мое собачье дело, а Яша – шестнадцатилетний мальчик, в сущности, еще ребенок. Пусть он сперва окончит школу. А потом, то есть когда ему исполнится восемнадцать лет, он пойдет в армию по призыву, как все нормальные люди.

Я возражал Яшиной маме. Я не спорил по поводу шестнадцатилетнего мальчика, в сущности, еще ребенка, и ничего не сказал о свидании с девочкой из десятого класса. У меня, к сожалению, таких свиданий еще не было. Но, кажется, я тоже не был очень деликатным. Я кричал о защите родины, о долге комсомольца, о героях гражданской войны. Я выстреливал лозунги, которыми был начинен, как вареник картошкой.

Не знаю, как Яша ушел из дома. Ни один из тридцати одного бойца не обсуждал эту тему.

...На одиннадцатый день войны наш взвод вступил в бой – первый бой против отлично подготовленных и вооруженных немецких десантников. Мы потеряли двух мальчиков. Одному из них шестнадцать лет исполнилось бы только через пять месяцев, в декабре. Конечно, мы переживали их гибель. Больше того, – она потрясла нас. Но – стыдно признаться – упоение победой помогло нам справиться с болью потери.

Четыре дня мы занимали оборону, не видя противника. У нас была уйма времени, чтобы обсудить детали прошедшего боя и получить удовольствие от доставшихся нам трофеев. У ребят появились первые в жизни часы. Яша в упор застрелил обер-лейтенанта и подарил мне его «парабеллум». Как и все в нашем взводе, я был вооружен карабином. Только сейчас, став обладателем пистолета, я мог по-настоящему почувствовать себя командиром взвода. А потом начались непрерывные бои. Мы теряли ребят и уже не радовались победам. Даже отразив все атаки, наш взвод вынужден был отступить или, что еще хуже, выбираться из окружения.

У нас уже не было недостатка в трофейных автоматах. В подарок от меня Яша получил «вальтер», хотя по штату рядовому не полагался пистолет. Но о каком «по штату» можно было говорить в те дни!

А «вальтер» я взял у пленного шарффюрера. Он целился в Яшу, и в этот момент с бруствера траншеи я ударил его прикладом карабина по каске. Нормальная голова от такого удара раскололась бы, как арбуз. Но этот здоровенный веснушчатый немец часа через два очухался и нагло смотрел на нас, и вид у него был такой, словно он взял нас в плен, а не мы его.

Допрашивал его Мончик, лучший во взводе знаток немецкого языка. До перехода в наш класс он учился в еврейской школе. Немец молчал, а потом словно выплюнул: «Ферфлюхтен юден!»

Я выстрелил в эту подлую веснушчатую морду. Все равно некуда было его девать, – мы выходили из окружения.

Наших ребят оставалось все меньше. Взвод пополнялся красноармейцами-призывниками и даже служившими срочную службу до войны.

Командовать становилось все труднее. Кухня и старшина роты редко бывали нашими гостями. В бою голод не ощущался. Но после – проблема пищи становилась не менее острой, чем проблема боеприпасов. Я уже не говорю про курево. Мы выкапывали молодую картошку. Появились огурцы. Созрела вишня. Случайно подворачивалась какая-нибудь курица.

Но непревзойденным мастером организовывать ужин оказался Яша. Стоило девушкам или молодкам взглянуть на его красивое лицо, пусть даже покрытое пылью и копотью, стоило только услышать его мягкую украинскую речь, и их сердца распахивались.

Его обаяние действовало не только на женщин. Даже новички во взводе, даже те, кто явно не жаловал евреев, а таких попадалось немало, даже они быстро полюбили Яшу. А как было его не любить? В бою он всегда появлялся там, где больше всего был нужен. Оказать услугу, помочь было не просто свойством его характера, а условием существования.

В ту ночь он возник внезапно, как добрый джин из бутылки, именно в ту минуту, когда мне так нужна была чья-нибудь помощь. Еще с вечера мы заняли оборону на косогоре. Земля была нетрудной. Часа за два – два с половиной у нас уже была траншея в полный профиль. Впереди до черного леса расстилалось белое поле цветущей гречихи. За нами метров на сто пятьдесят в глубину, до самой железной дороги, тянулся луг с редким кустарником справа и слева у насыпи, ограниченный небольшими вишневыми садами. В километре на юго-востоке в густых садах пряталась железнодорожная станция. Засветло отсюда, с косогора, была видна водокачка. Сейчас она угадывалась при полной луне, висевшей над железной дорогой, как осветительная ракета.

Казалось, гречишное поле покрыто глубоким свежавыпавшим снегом. Тишина такая, словно не было войны.

Железнодорожный состав мы слышали задолго до того, как он появился из-за вишневого сада. В это же время над лесом на светлой полоске неба мы увидели шесть черных «юнкеров». Они летели к станции. Один из них отвернул влево и спикировал на состав. Две бомбы взорвались почти у самого паровоза. Состав остановился, заскрежетав буферами. Мы слышали, как люди убегают к лещиннику на той стороне железной дороги. «Юнкеры» больше не бомбил состав. Он улетел на юго-восток, откуда доносились непрерывные разрывы бомб.

И вдруг на фоне отдаленной бомбежки, на фоне затухающих голосов за железной дорогой, на фоне щебетания проснувшихся птиц пространство пронзил душераздирающий женский крик, зовущий на помощь. Не было сомнения в том, что кричат в вагоне, стоявшем точно за нашей спиной.

Через минуту я уже взбирался в раскрытую дверь «теплушки».

Голубой прямоугольник лунного света из открытой двери освещал пустое пространство между нарами. Слева в темноте стонала невидимая женщина. С опаской я включил свой трофейный фонарик.

Из-за огромного живота тревожно и с надеждой смотрели на меня страдающие глаза молодой женщины. В коротких промежутках между стоном и криком я слышал, что она жена кадрового командира, убежавшая из Тернополя.

Я не стал выяснять, почему эшелон из Тернополя попал так далеко на юг, вместо того, чтобы следовать прямо на восток.

Женщина рожала в покинутом вагоне, а я стоял перед нею у нар, не зная, что делать, не зная, как ей помочь. Даже во время первой немецкой атаки я не чувствовал себя таким беспомощным. Ко всему, еще меня сковывал какой-то стыд, какая-то недозволенность.

Не знаю, как это произошло. Я действовал в полусознании. Женщина вдруг утихла, а у меня в руках оказалось мокрое орущее существо. Я чуть не заплакал от беспомощности и покинутости.

Именно в этот момент в проеме появилась Яшина голова. Он быстро вскочил в вагон. Через несколько секунд Яша вручил мне большой металлический чайник, забрал у меня младенца, укутал его в какие-то тряпки и отдал матери успокоившийся кулек.

– Давай, дуй за водой, – приказал он.

Видя, что я еще не очень соображаю, добавил:

– Колодец у вишневого садика в голове поезда.

Я быстро возвратился с водой. Яша развернул младенца, обмыл его и укутал в сухую тряпку.

Я не заметил, когда прекратилась бомбежка.

– Как тебя зовут? – спросила женщина уставшим голосом. Странно, вопрос относился не ко мне.

– Яша.

– Хорошее имя. Я назову сына Яковом.

Загудел паровоз. Помогая друг другу, в вагон стали взбираться женщины. Мы попрощались с роженицей и под фривольные шутки женщин соскочили из вагона как раз в тот момент, когда, залязгав буферами, поезд рывком дернулся и, набирая скорость, пошел на юг.

Именно в это мгновение из леса донеслись два пушечных выстрела. Мне показалось, что это «сорокопятки». Но откуда взяться в лесу нашим пушкам?

Уже из траншеи мы увидели два танка «Т-3» и около роты немцев, прущих на нас из лесу.

Было светло, как днем. Я приказал пропустить танки и отсечь пехоту.

Не знаю, сколько немцев мы уложили. Оставшиеся в живых залегли. Они были отличными мишенями на фоне белеющей под луной гречихи. Когда танки перевалили через траншею, Яша первым выскочил и бросил на корму бутылку с зажигательной смесью. Второй танк поджег кадровый красноармеец, новичок в нашем взводе.

Все шло наилучшим образом. Только нескольким немцам удалось удрать к лесу.

– Удачный бой, – сказал Яша. – Только двое раненых. И вообще хорошая ночь. Он хотел продолжить фразу, но внезапно остановился. Я даже не понял, что это имеет какое-то отношение к пистолетному выстрелу с бруствера траншеи.

Я успел подхватить Яшу, оседавшего на дно траншеи. Я обнял его правой рукой.левой – заткнул фонтан крови, бивший из шеи. Казалось, что Яша что-то хочет сказать, что он смотрит на меня осуждающим взглядом. Раненого немца, выстрелившего с бруствера, мы закололи штыками. Яшу похоронили возле вишневого сада, недалеко от колодца. У меня не было карты, и я начертил схему, привязав ее к входному семафору на железной дороге. Всю войну в планшете я хранил схему с точным указанием места могилы моего первого друга. Даже сегодня по памяти я могу ее восстановить.

...Прошло четыре года. Я вернулся домой. В первый же день я хотел пойти к Яшиной маме. Но когда я взял костыли, дикая боль пронзила колено. Ни обезболивающие таблетки, ни стакан водки до самого утра не успокоили этой боли. Я пошел к ней только на следующий день.

Не успел я отворить калитку, как Яшина мама возникла передо мной на тропинке. Я хотел обнять ее. Я хотел сказать ей, как я люблю ее, как вместе с ней оплакиваю гибель моего первого друга. Четыре года я готовился к этой встрече. Но я ничего не успел сказать.

Маленькими кулаками она била по моей груди, как по запертой двери. Она царапала мое лицо. Она кричала, что такие мерзавцы, как я, уводят на смерть достойных мальчиков, а сами возвращаются с войны, потому что негодяев, как известно, даже смерть не берет. С трудом я неподвижно стоял на костылях, глотая невидимые слезы.

Из дома выскочила Мира, Яшина сестра, оттащила маму, платочком утерла кровь с моего лица и только после этого обняла и поцеловала. Даже Мире я не решался рассказать, как погиб Яша. Еще дважды я приходил к ним. Но мое появление доводило до иступления добрую женщину...

Вскоре я навсегда покинул родные места.

...Новые заботы наслаивались на старые рубцы. Новые беды притупляли боль предыдущих. Но в день Победы все мои погибшие друзья выстраива-

лись в длинную шеренгу, а я смотрел на нее с левого фланга печального построения, чудом отделенный от них непонятной чертой. Яша всегда стоял на правом фланге. А спустя три недели, в день нашего рождения, он являлся мне один. Кто знает, не его ли невидимое присутствие делает этот день для меня неизменно печальным?

Вот и тогда... В операционной я забыл, какой это день. Но в ординаторской, заполненной букетами сирени, тюльпанов и нарциссов, товарищи по работе напомнили, что мне сегодня исполнилось сорок лет, и выпили по этому поводу. Я возвратился домой, нагруженный множеством подарков, самым ценным из которых оказалась большая, любовно подобранная коллекция граммофонных пластинок.

Я как раз просматривал эти пластинки, не переставая удивляться, где и каким образом можно достать такие записи любимых мной симфонических оркестров, когда у входной двери раздался звонок. Вечером придут друзья. А сейчас мы никого не ждали. Возможно, еще одна поздравительная телеграмма? Жена открыла входную дверь.

– Это к тебе, – позвала она из коридора.

Я вышел из комнаты и обомлел. В проеме открытой двери со свертками в руках стояла Яшина мама.

– Здравствуй, сыночек. Я пришла поздравить тебя с днем рождения.

Я молча обнял ее и проводил в комнату. Когда я представил их друг другу, жена поняла, что произошло. Мы развернули свертки. Торт. Muskatное шампанское. Шесть высоких узких бокалов из тонкого хрусталя. Мы пили шампанское из этих бокалов. Яшина мама разговаривала с моей женой. Видно было, что они испытывают взаимную симпатию. Я только пил. Я не был в состоянии говорить. Но и потом, когда приходил к ней, и тогда, когда сидел у ее постели, когда держал в своих руках ее высохшую маленькую руку и молча смотрел, как угасает еще одна жизнь, я ни о чем не спрашивал и ни разу не получил ответа на незаданный вопрос.

– Сыночек ... – выдохнула она из себя с остатком жизни.

Кому она подарила последнее слово?

Я очень много терял на своем веку. Не фетишизирую вещи. Постепенно я понял, что значит быть евреем и как важно не сотворить себе кумира. Но, пожалуйста, не осуждайте меня за то, что я прошу очень бережно обращаться с этими высокими тонкими бокалами.

НА ТОМ БЕРЕГУ

Мы спустились к Днепру по крутому откосу, почти по обрыву. С распухшей негнувшейся ногой без помощи Саши мне бы ни за что не преодолеть этого спуска. И не только спуска... Я просто остался бы лежать на том огороде, где-то между Уманью и Днепром, где пуля из немецкого автомата навывлет прошла через мое бедро над самым коленом.

Вечерело. Сквозь густую вуаль мелкого, уже осеннего дождя едва угадывался левый берег. Тишина. Насколько охватывал глаз, ни одного населенного пункта, ни одной живой души. Мы стояли у кромки воды, черной, угрожающей. Что делать с оружием? Не плыть же с таким грузом? К тому же на том берегу оно уже не понадобится. На том берегу не может быть немцев. До моего сознания не доходило даже то, что они почему-то оказались на этом берегу. Еще в детском садике мне было известно, что на свете нет силы, способной победить Красную армию. И вдруг на третьем месяце войны Саша и я, последние из нашего взвода, стоим у широченного Днепра в раздумье – сохранить ли оружие. С тяжелым чувством мы бросили в воду немецкие автоматы и пистолеты. Мы уже сроднились с ними. Не раз они спасали нашу жизнь. Мы отстегнули под сумки с гранатами и побросали их в воду, даже не вынув запалов. Саша стащил с меня правый сапог. Левый не без труда я снял сам. Босые, но в обмундировании, мы вошли в холодную воду.

Спустя короткое время, впервые за девятнадцать дней, утихла боль в раненой ноге. Мы плыли молча, медленно, стараясь экономно расходовать силы. Сколько до левого берега? Где он?

Ориентироваться можно было только по черной полосе правого берега на фоне быстро темнеющего неба. Течение увлекало нас все дальше и дальше от места, где мы вошли в воду. Судорога стянула левую икру. Я был готов к этому. Я лег на спину, отстегнул английскую булавку от клапана кармана гимнастерки и стал покалывать ногу. Не знаю, сколько протемнела эта операция, но судорога отпустила меня. Я пристегнул булавку и оглянулся. Саши не было. Паника охватила меня. Мне показалось, что кто-то за ноги тянет меня ко дну. Девятнадцать дней, пробираясь к Днепру по немецким тылам, мы говорили только шопотом. Но сейчас, забыв об осторожности, я отчаянно закричал:

– Саша!

Днепр молчал. Вселенная должна была услышать мой крик. Я испугался его и стал звать уже тише. Саша не отзывался. Утонул, – подумал. Саша... Как же я не заметил?

Тридцать один мальчик из двух девярых классов. Взвод добровольцев в истребительном батальоне. «Детский садик», – смеялись над нами. Но это прозвище продержалось несколько часов. Только до первого боя. Потом о нас с уважением говорила вся дивизия. От границы мы отступали до Буга. Я не понимал, что происходит. Я не понимал, как немцы могли преодолеть быстрый широкий Днестр. Я не понимал, почему после каждого, даже удачного боя мы почему-то должны выбираться из окружения.

Взвод редел. В тот день на проклятом огороде только Саша и я, последние из тридцати одного, остались в скудно пополнявшемся взводе. Я хотел подползти к умолкшему «максиму» и заменить убитого пулеметчика. В этот момент что-то тупо ударило меня по ноге. Я почти не почувствовал боли. Я успел расстрелять две ленты. Мы отбили немецкую атаку. Только тогда я заметил в брюках над коленом два отверстия, из которых медленно струилась кровь. Саша достал индивидуальный пакет, наложил тампоны на оба отверстия и перебинтовал ногу. Было уже темно. Кроме нас двоих, на огороде не осталось ни одного красноармейца. Возле пулемета валялись пустые ленты. Патронов не было. Мы вытащили затвор и выбросили его в выгребную яму.

Я шел, опираясь на Сашу. С каждым шагом все сильнее и сильнее болела нога. Первую ночь мы провели в большом яблоневом саду. Утром позавтракали недозревшим ранетом. И пообедали недозревшим ранетом, потому что засветлонельзя было выбраться из этого сада. Весь день по грунтовой дороге, пересекавшей бесконечное открытое поле, сновали немцы – автомобили, подводы, танки.

Только ночью мы двинулись в путь. Деятнадцать ночей мы пробирались на восток, надеясь добраться до фронта. Но фронта не было. Были только немцы. Даже сегодня утром на берегу Днепра, где-то южнее Чигирина, мы увидели немцев и должны были пробраться к крутому откосу, по которому уже под вечер спустились к воде. Деятнадцать дней мы питались тем, что находили на заброшенных огородах, или ягодами – в лесу, или зернами пшеницы. Мы подбирали колосья на убранных полях, мы срывали колосья на неубранных, мы растирали колосья в ладонях, сдували полосу и ели зерно. Я сделал себе палку. Но основной опорой был Саша.

На второй или на третий день раны начали гноиться. Тампоны пришлось выбросить. Саша срезал мох, насыпал его пеплом и прикладывал к ранам. Только трижды за деятнадцать дней мне удалось постирать бинт.

И вот сейчас, когда после всего пережитого нас ждала радостная встреча со своими на левом берегу, Саши не стало. Двадцать деять мальчиков из двух девярых классов были убиты или ранены. Двадцать деять раз я ощущал боль потери. Но никогда еще эта боль не была такой пронизывающей, как сейчас, в тридцатый раз.

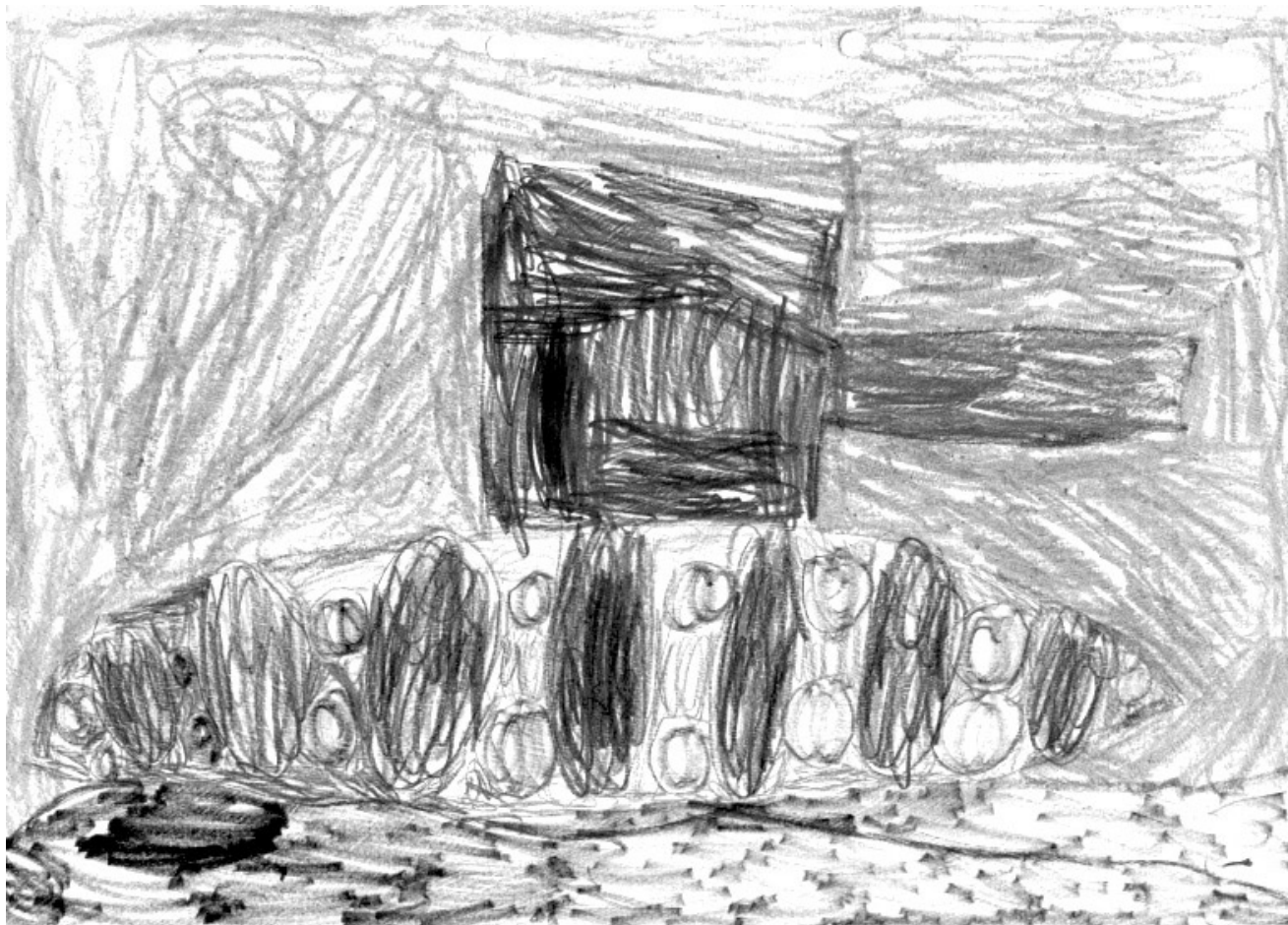

Рисунок Леры Шутман, 6 лет

Сколько времени я был в воде? Не знаю. Я плыл очень медленно. Я не боролся с течением. Если бы не холод, я не вылезал бы из воды, потому что в воде нога отдыхала от боли.

Дождь, моросивший весь день, не прекращался и сейчас. Я плыл на спине.

Вдруг спина коснулась тверди. Я сел и оглянулся. В нескольких метрах от меня в темноте угадывался берег. Сидя, опираясь руками о дно, я выбрался из воды и, обессиленный, растянулся на мокром песке.

Тишина была абсолютной, словно на Земле исчезла жизнь. Если бы не дождь, не холод, не мокрое обмундирование, я лежал бы так вечно. Я не был в состоянии сделать ни шагу. Да и незачем. Отдохнуть до утра, а там будет видно.

За мелким кустарником или за камышом в нескольких метрах от берега кто-то шел. Сперва я услышал только шаги. Я уже собрался окликнуть идущих, как вдруг до меня донеслась немецкая речь. А еще через мгновение на фоне ночного неба я увидел два черных силуэта в касках, и в какой-то миг блеснула бляха на подбородке одного из немцев. Я притаился. Вдавил себя в песок. Немцы пошли на север, вверх против течения, не подозревая о моем существовании. И тут я заплакал.

Не плакал, когда мама била меня, восьмилетнего, смертным боем за то, что вопреки ее запретам я слушал пение кантора в синагоге. Я подавлял слезы над могилами убитых одноклассников. Я только сжимал зубы, когда отдирав тампоны от ран на ноге. Я даже не заплакал в Днепре, когда не стало Саши. А сейчас я плакал, и слезы текли по мокрому от дождя лицу. Не боль, не потери, не страх были причиной тех слез. Не это.

Как могло случиться, что немцы оказались на левом берегу Днепра? Где фронт? Есть ли он вообще? Идет ли еще война? Зачем я существую, если рухнула моя страна? Почему я не оставил себе хоть одну гранату? Я бы взорвал ее, потащив с собой на тот свет хотя бы одного немца. Не знаю, какая сила подняла меня на ноги. Я добрался до тропы, по которой только что прошли немцы, и, почти теряя сознание от боли, пошел туда, на юг, откуда они пришли. Тропа в нескольких метрах отвернула от берега и выбралась из камыша. И тут я увидел окраину села. Ближайшая хата стояла за невысоким плетнем. Я дохромал до перелаза, но преодолеть его не смог, хотя обеими руками держался за жерди. Я лег животом на планку и на руках перелез во двор.

Здесь меня уже ждал огромный лохматый пес. Кольцо цепи, на которую он был посажен, скользило по толстой проволоке, протянутой через двор по диагонали. Я погладил пса и, почти опираясь на него, добрался до прысьбы (завалянка – укр.)

Я сел на нее под вторым окном от двери, у самой собачьей будки. Пес внимательно обнюхивал мою раненую ногу, потом зашел с другой стороны и положил голову на мое левое колено. Я почесывал собачье темя, лихорадочно оценивая обстановку.

В мире исчезли звуки. Даже не кричали петухи, хотя сереющий рассвет обозначил их время. Немецкий патруль вышел из этого села. Несомненно, он вернется сюда. Фронт, если он еще существует, в недостижимой дали. В хате могут быть немцы. Я безоружен и не могу передвигаться. Единственный выход – если на мой стук выйдет немец, успеть по-волчьи впиться зубами в его горло и погибнуть сразу, без мучений. Я не находил другого решения.

Нерешительно я постучал в окно, под которым сидел. Тишина. Я постучал чуть громче. За стеклом появилось женское лицо. А может быть, мне только показалось? Но уже через минуту приоткрылась дверь, и я увидел старую женщину в длинной льняной рубахе, а за ней – такого же старого мужчину в кальсонах.

– Лышенько! Божа дытына! – тихо сказала женщина. – Подывысь, Сирко не чыпае його.

Я еще не догадывался, что огромный лохматый пес, которого звали Сирко, оказал мне неслыханную протекцию. Только потом выяснилось, что это не пес, а чудовище, что даже хозяйка, кормящая его, не смеет к нему прикоснуться, что никого, кроме хозяина, этот бес не подпускает к себе. И вдруг, как

ласковый щенок, он сидел, положив морду на колено незнакомого человека, и этот человек безнаказанно почесывал голову чудовища. Но когда Григоруки выглянули из двери своей хаты, я еще не зал этого.

Тетка Параска растопила печь. Ни лампы, ни свечи не зажгли. Вскоре в этом уже не было необходимости. Серело. Григоруки поставили посреди хаты деревянную бадью и наполнили ее теплой водой. Дядько Фэдор велел мне раздеться. Я мялся, не представляя себе, как я могу раздеться в присутствии женщины. Но тетка Параска деликатно отвернулась, и я залез в бадью. Еще до этого Фэдор разрезал бинт, превратившийся в веревку. Он только свистнул, увидев раны. А еще он увидел, что я еврей. Если только до этого у него были сомнения. Параска вытащила из печи глечик с мясом и картошкой. В жизни своей я не ел ничего более вкусного! И краюха хлеба, отрезанная Фэдором, была лучше самых изысканных деликатесов.

В селе стоял небольшой немецкий гарнизон. Немцы всюду искали коммунистов и евреев. Никто точно не знал, где фронт. Ходили слухи, что немцы уже взяли Полтаву. А может, не взяли. Кто знает?

Дядько Фэдор был еще призывного возраста. Ему едва перевалило за сорок. Но из-за какого-то легочного заболевания призывная комиссия забраковала его. Из мужчин в селе остались только дети и старики. Правда, несколько дизертиров на днях вернулись в село. Говорили, что ушли из плена. Кто его знает?

Параска испекла в печи большую луковицу, разрежала ее пополам и приложила к ранам, укрепив половинки чистой белой тряпкой. С помощью Фэдора по приставной лестнице я взобрался на горище (чердак, – укр.)

На душистое свежее сено постелили рядно. Я лег на него и тут же провалился в сон. Когда я проснулся, сквозь щели в стрехе пробивались солнечные лучи.

– Дытынку мое, ты проспав бильше добы (сутки, -укр.), – с удивлением сказала Параска. – Я вже думала, що, може, що трапилось. Алэ Фэдько нэ дозволив мени тэбэ чипаты.

Странно было слышать, что я проспал более суток. Мне показалось, что только что уснул. Я был голоден. Но меня уже ждана крынка молока и огромная краюха хлеба.

Григоруки снова перевязали меня. По-моему, раны выглядели не так угрожающе.

Григоруки успокоили меня, сказав, что ни одна живая душа в селе не знает о моем существовании. Завтра под вечер, сказал Фэдор, он отвезет меня к своему куму. Это километров двадцать-двадцать пять к востоку от их села, от Грушевки.

За двое суток я привязался к Григорукам. Мне нравилось у них все, даже то, как они говорили. Их украинский язык отличался от того, какой я привык слышать с детства. У них было мягкое «Л». Правда, еще во втором или в третьем классе мы тоже читали «плян, лямба, клясс». Но потом «я» заменили на

«а». Нам объяснили, что националисты, враги народа, стараются вбить клин между русскими и украинцами. Я не знал, что значит националисты, но ненавидеть врагов народа меня уже научили.

Вечером Григоруки помогли мне спуститься по наружной лестнице к сараю. Я настороженно ловил каждый звук. В селе было тихо. Корова жевала жвачку. Лошадь, переступая, шлепала копытами по луже, единственной среди двора, уже подсохшего после дождей. Мне очень хотелось попрощаться с Сирком, но Фэдор опасался, что меня могут увидеть возле его дома. На мне уже была гражданская одежда. И возраст мой был еще не армейский. Но вдруг во мне разглядят еврея.

Я не помню кума. Не помню еще четырех или пяти славных украинцев, которые, рискуя жизнью, передавали меня, как эстафету, с подводы на подводу, простых селян, которые давали приют в своих хатах, кормили и перевязывали меня. Виноват. Я не помню никого, кроме Параски и Фэдора Григорука из села Грушевки Полтавской области. И Сирка.

Я не помню, где и когда мы пересекли линию фронта. Из густого тумана едва проступают первые дни в полевом госпитале и эвакуация в тыл.

Но в госпитале на Урале, и потом на фронте, и снова в госпитале, уже в Азербайджане, и снова на фронте, и в госпиталях после последнего ранения, и в институте доброе тепло наполняло мое сердце, когда я вспоминал Григоруков. Мне очень хотелось увидеть их и выразить им свою неиссякаемую благодарность. Но я был студентом, бедным, как церковная крыса. Мне было стыдно явиться к ним с пустыми руками.

В 1947 году мне вдруг открылось, что я вовсе не гражданин великого и могучего Советского Союза, а безродный космополит. Нет, никто мне прямо не указал на это. У меня даже не было псевдонима, скрывавшего еврейскую фамилию. Я еще не успел причинить вреда своей стране на идеологическом фронте. Но тем не менее я ощущал себя очень неуютно только потому, что моими родителями были евреи.

Как-то ночью, когда боль в рубцах не давала мне уснуть, я закрыл глаза и построил мой первый взвод, мальчиков из двух девятых классов. Со мной тридцать один человек. Удивительная получилась перекличка. Двадцать восемь евреев и три украинца. В живых остались четверо. Из украинцев – только один.

Из двадцати восьми евреев – трое. То ли усилилась боль в рубцах, то ли новая боль наслоилась, но уснуть мне не удалось.

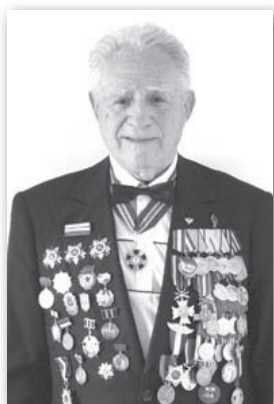
Что-то оборвалось во мне после этой ночи. Стал выветриваться из меня пролетарский интернационализм, на котором я был вскормлен. С подозрением я относился к неевреям, на каждом шагу ожидая от них неприязни. Я стеснялся самого себя. Стыдно, что во мне могла произойти такая метаморфоза. Я понимал, что необходимо вытравить из себя эту патологическую подозрительность. Для этого надо встречаться с людьми, порядочность которых вне

Рисунок Никиты Митьковского, 7 лет

сомнений. Я почувствовал непреодолимую потребность встретиться с Григоруками. Летом 1949 года, во время каникул, я поехал в Грушевку, Полтавской области.

Я смотрел в окно вагона, когда по мосту из Крюкова в Кременчуг поезд пересекал Днепр, и с недоверием вопрошал: неужели шестнадцатилетний мальчик, раненый, девятнадцать дней без медицинской помощи и почти без пищи, ночью, в дождь, смог преодолеть эту водную ширь? Сейчас, днем, летом, достаточно сильный, я бы не решился на это. Из Кременчуга я направился на север вдоль Днепра. На месте бывшей Грушевки я нашел развалины, поросшие бурьяном. Кто разрушил Грушевку? Немцы? Красная армия? Какая разница. Я не нашел Григоруков...

Ион Деген

Мой товарищ, в смертельной агонии
 Не зови понапрасну друзей.
 Дай-ка лучше согрею ладони я
 Над дымящейся кровью твоей.
 Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
 Ты не ранен, ты просто убит.
 Дай на память сниму с тебя валенки.
 Нам еще наступать предстоит.

Многие, в том числе большие поэты, сами фронтовики – Александр Межиров, Борис Слуцкий, Евгений Винокуров, Михаил Дудин, – называли эти строки лучшим военным стихотворением.

Еще с войны оно ходило в списках, без имени автора. Считалось, что он погиб, стихотворение нашли в полевой сумке, извлеченной из подбитого танка. Впервые оно было опубликовано в 1988 году в «Огоньке». Его поместил в своей антологии русской поэзии «Строфы века», печатавшейся тогда в журнале, Евгений Евтушенко – так же, без имени автора. Но автор был. И есть. Ион Деген, доктор медицинских наук, хирург-ортопед, известный в своей области ученый. Родился в 1925 году в Могилеве-Подольском (Винницкая область). В 1941 году, после 9-и классов школы, ушел на войну добровольцем.

Всю войну провел на передовой – сначала в разведке, затем – командиром танка Т-34, до конца войны – командиром танковой роты. Несколько раз его машины подбивали. Получил серьезнейшие ранения, каждый раз, послеправки, непременно возвращался в строй. Перенес семь пулевых ранений, в мозгу остался осколок, верхняя челюсть собрана из кусочков раздробленной кости, изуродована правая нога.

Награжден боевыми орденами: Красного знамени, Отечественной войны I степени, двумя орденами Отечественной войны II степени, медалью «За отвагу» (которой очень дорожит), польским орденом Крест Грюнвальда, многочисленными медалями. Был дважды представлен к званию Герой Советского Союза. И дважды отставлен, как еврей.

С отличием окончил Черновицкий медицинский институт. Защитил кандидатскую, затем докторскую диссертацию. С 1977 года живет в Израиле. Профессор Ион Деген – один из ведущих специалистов Израиля в области ортопедии и травматологии. Автор 90 научных статей, художественных произведений – девять книг прозы и стихов. Живет в городе Гиватаим.

*В публикации,
 с любезного согласия автора,
 использованы материалы
 с сайтов Либ.Ру, Стихи.Ру.*

ИРИНА ГУСЕВА (ВЕРГИЛЕСОВА)**«МАМА,
А ШОКОЛАД ЕСТЬ?!»**

Наша семья жила в Ленинграде. К началу войны мне было чуть больше года. Отца не взяли на фронт по состоянию здоровья. А в сентябре уже началась блокада и голод.

Если до войны я уже довольно резво бегала, то к январю уже и не ходила! Отец и две моих бабушки умерли от голода. Мне как малолетке где-то давали каплю манной каши. Не помню, где её выдавали, но знаю, что мама несла её домой с единственной мыслью: «Только бы не съесть самой!»

Во время бомбежки мама брала меня и брата, садилась в нишу в маленькой комнате... Выживем – хорошо, а если суждено погибнуть, – все вместе! Братику было пять лет, он тоже уже не мог ходить от истощения. Его забрали в детский дом, там он немного поправился.

Из Ленинграда нас эвакуировали в Свердловскую область. Жили мы в какой-то деревне, в избе, полной клопов. Потому-то и решили мы с мамой перебраться в сарай, к курам. Как-то мама пошла в дом принести воды, а в это время закричал петух. Я страшно испугалась и заревела.

Главное чувство – это не проходящий голод. Если перепадал кусок дуранды – это было счастье! У меня развилась цинга, потом золотуха.

Рисунок Максима Субботина, 7 лет

Мамин брат забрал нас в Боровичи. Мама устроилась на кирпичный завод, я иногда ходила в детский сад, хотя большей частью из-за болезни оставалась дома. Мама нередко оставалась на заводе до утра: возвращаться ночью домой было небезопасно, по улицам шныряли голодные собаки и волки. Было голодно и людям. Вечером, если мамы не было, а у меня был кусочек хлеба, я, чтобы растянуть удовольствие и забыться, лепила из хлеба зверушек и человечков. А потом съедала.

Помню возникшую в один из дней горку капусты в углу комнаты. Этот было счастье!

Думаю, что когда-то я пробовала и шоколад. Потому что я знала его вкус и все спрашивала у мамы: «Мама, а когда будет шоколад?!»

– Когда кончится война, – отвечала мама.

Майским утром, мы еще спали, когда в дверь забарабанила соседка:

– Кира, вставай! Война кончилась! Победа!!!

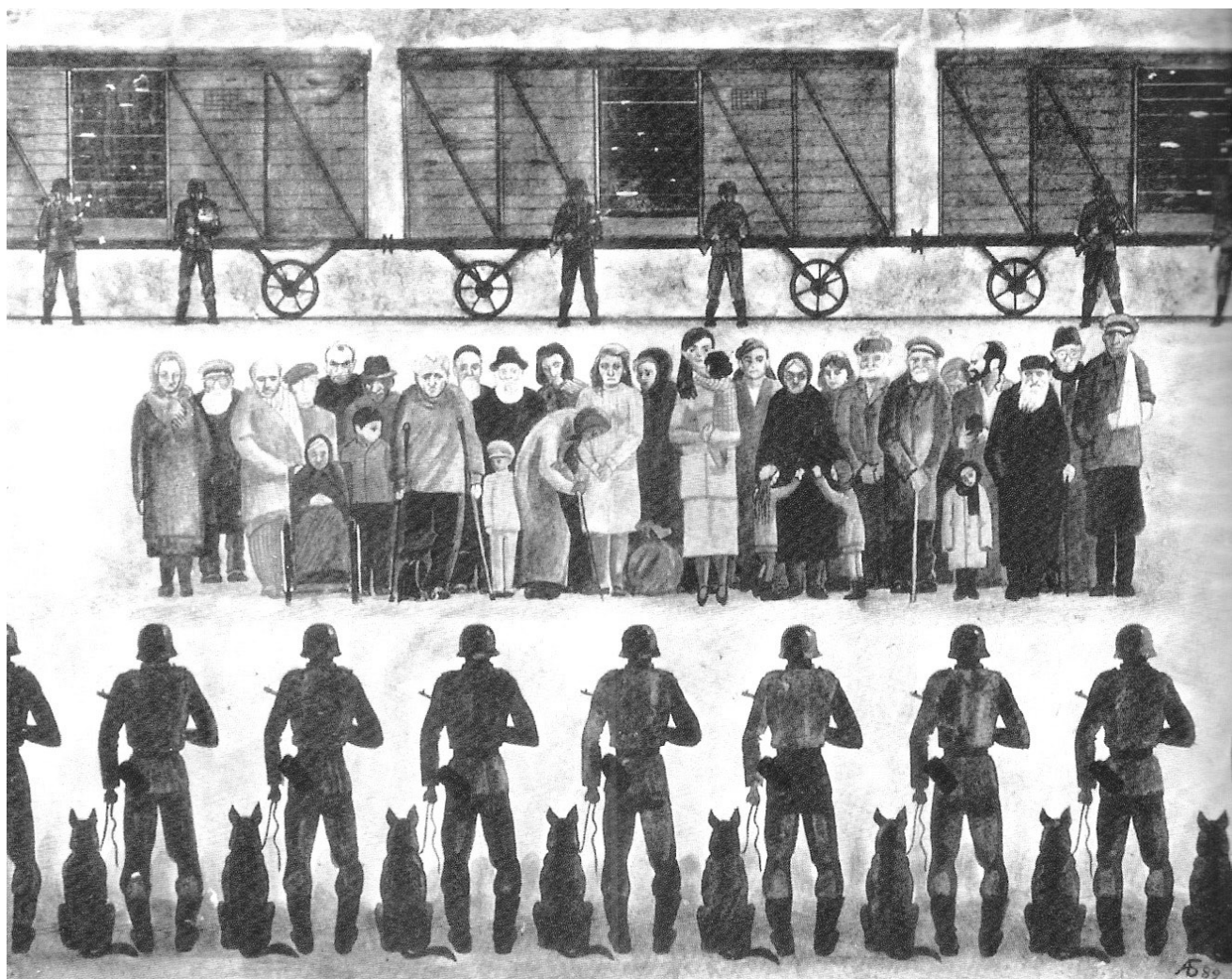
Мама рассказывала, что я, услышав это радостное известие, вскочила, как пружинной подброшенная, и спросила:

– Мам, а сейчас шоколад есть?!

Ирина Гусева (Вергилесова)

Родилась в Ленинграде в 1940 году. В марте 1943 эвакуировались на Урал. После войны закончила десятилетку, затем Ленинградский политехнический институт и всю жизнь работала в Главном управлении автомобильного автотранспорта в Ленинграде. Репатриировалась с мужем в 1998 году. Живет в Ашдоде. Девять правнуков.

«Депортация» (1995). Художник Борис Аренгауз

СОФИЯ ЗАБОЛОЦКАЯ (ГОРДОН)

АКЦИЯ!

Я и наша семья жили в городе Радошковичи, Минской области, в Белоруссии. Там нас и застала война.

Жители городка были свидетелями воздушных боев советских летчиков. Однажды мы видели, как охваченный пламенем самолет с красными звездами на крыльях был направлен летчиком на немецкую колонну. Лишь после войны мы узнали, что это был самолет Гастелло.

Из города мы уйти не успели. В Радошковичи вошли немецкие войска. Наступили черные для всех евреев дни. Всем евреям предписывалось нацепить на одежду желтые звезды. Немцы ходили по домам, выявляли работоспособных и угоняли на работы. При первой «акции» убили мою бабушку Хаету и маминного брата Носела. Потом было еще много убитых...

Рис. Борис Есельсон

Для меня, ребенка, все было окружено страхом. Я всего боялась: идти по улице, просто гулять, мне вообще не хотелось играть ни в какие игры. В душе царила тревога! Особенно по ночам, так как все нехорошее происходило чаще всего именно ночью.

Однажды всех евреев городка согнали в один переулок. Там стояло всего несколько домов. Жуткая теснота. Жили впроголодь. 11 марта 1942 года – первая акция. Убиты восемьсот шестьдесят человек. После этого «еврейский переулок» обнесли колючей проволокой и создали гетто. У ворот стояли часовые. Из гетто не выпускали никого. Каждый день начинался с утренней проверки – люди стояли рядами, все – со «Звездами Давида». И не дай Б-г, если какой-то номер не отвечал! Держали людей стоя в любую погоду, пока пропавшего – будь то взрослый, старик или ребенок – не находили.

Затем в нашу семью пришла еще одна беда. Мой старший брат Ича и двоюродный брат Хаим каким-то образом вышли за пределы гетто. Там Ичу убили, а Хаим бежал. Брату было всего одиннадцать лет!

Так мы прожили до марта 1943 года, когда пришла очередь второй «акции» фашистов.

Мои родители, как оказалось, готовились к этому заранее. В доме под полом они вырыли яму – схорон – так это называлось. Куда и как они выносили пе-

сок, землю, – я не знаю. Делалось это тайком не только от постороннего, но и от нашего, детского, взгляда.

Акция началась. По домам с овчарками пошли фашисты, сгоняя всё население на площадь. В схорон спустились я с мамой, мамины двоюродные брат и сестра, мальчик Миша Искович с тетей Хаей. Мои бабушка с дедушкой поставили поверх крышки над ямой тяжелый комод. Так мы и просидели под полом, пока всё не утихло. Помню, что меня сильно мучила жажда. Мама давала мне из кувшина скисшее молоко. Через щели в фундаменте дома мы видели костры, в которых сжигали людей. Мы слышали крики, детский плач, команды немцев. Было очень страшно!

Слышно было, как в дом ворвались немцы, искали нас, но не нашли...

Когда все затихло, взрослые с большим трудом отодвинули комод и освободили нас. Кто из близких остался в живых, мы не знали. Была ночь. Мама надела на меня белую папину рубашу, и мы вышли наружу. Я не знала, куда она меня ведет.

Так мы вышли из гетто и оказались на «гражданской стороне», выбравшись в партизанскую зону. Здесь мы встретили бабушку и дедушку, тётю Цилю с Хаимом. Папа ушел в действующий отряд Пономаренко бригады «Народные Мстители» и погиб в районе озера Палик 28 июня 1944 года, выходя из окружения.

София Заболоцкая (Гордон)

Родилась в городке Радошковичи Минской области в сентябре 1937 года. Туда же вернулась после войны. Там окончила школу, поступила в институт и успешно закончила его. Проработала 40 лет врачом-стоматологом. В 1997 году с семьей репатриировалась в Израиль. Живет в Ашдоде.

ТАТЬЯНА ЗАХАРОВА (РЕМИЗОВА)

ДВА «НАШИХ ЧУДА»

Началу войны мне было пять с половиной лет, я была с детским садиком в Сиверской – 70 км от города, а моя сестра – в пионерском лагере в Луге – 140 км от города. В первый же день войны нас привезли домой, а где-то 7-10 дней спустя мы оказались в детском лагере в Пикалево – с восточной стороны города, в районе Тихвина. А Сиверская и Луга были уже у немцев – с той стороны шло наступление. Мы, казалось, были в стороне от боевых действий, но ненадолго: во второй половине августа нас эвакуировали в Ленинград, а вскоре – 9 сентября – замкнулось кольцо блокады.

В моем восприятии изменения шли постепенно, незаметно снижались нормы продуктов, было еще не холодно. В промежутках между бомбежками (они были обычно ночью) я гуляла и собирала обломки снарядов – т.е. была еще почти нормальная «детская жизнь». А потом неприятности пошли по нарастающей.

Нас было четверо: мама, бабушка и мы с сестрой. Это означало 500 г хлеба в день. Хлеб был не совсем хлебом – в нем было много примесей. А еще был продукт под названием «дуранда» – запеченная в плитки масса чего-то очень напоминающего опилки и солому. Я это есть не могла. Сейчас я понимаю, что мама и бабушка ели это, чтобы как-то заглушить голод, т.к. часть (и большую) хлеба они отдавали нам с сестрой. Пока в доме была горчица, делали «бутерброды». И еще было «изобретение» – из оказавшейся в доме пластины столлярного клея изготовили студень. И тут я опозорилась – не смогла преодолеть тошноту и рвоту. Прошло около пятнадцати лет, пока я снова смогла взять в рот эти продукты: студень и горчицу. А до того – не могла, военные воспоминания не позволяли!...

Я спала вдвоем с мамой, а сестра – с бабушкой (так было теплее). Просыпались рано: голод не способствовал крепкому сну. И дальше следовал ритуальный вопрос:

– Когда будем пить чай? (Это значило, что я получу кусочек хлеба).

И обычный ответ:

– Вот рассветет так, что будет виден кран самовара...

Я лежала, не отводя глаз от самовара, чтобы не пропустить заветный момент.

За хлебом с карточками ходили бабушка или сестра. По возвращении – торжественная акция разрезания хлеба на 4 части – условное деление, потому что часть маминой (особенно) и бабушкиной доли потом переходила к нам.

И, наконец, моя ежедневная озабоченность вслух:

– Кто будет есть крошки? – я замороженно смотрела на образовавшиеся при резке хлеба крохи.

И каждый раз «справедливое» решение:

– Ты... (то есть Я!)

Что же нас спасло? Прежде всего, то, что нас в конце февраля эвакуировали. Это отдельный разговор, особенно уместный в Хануку, т.к. это было именно ЧУДО. А до этого мы продержались, так как у нас было немного дров в собственной кладовке на лестнице, оставшихся с прошлой зимы. Зверского холода мы не испытали, только звериный голод.

И второе. В начале сентября моя 70-летняя бабушка, привычная к крестьянскому труду, поехала на колхозное поле, на котором, как обычно, после уборки капусты на земле были брошены верхние листья. Она собрала их и заквасила. Думаю, что помогла этим нам выжить.

Муки голода были страшнее обстрелов и бомбежек. Сперва мы спускались в бомбоубежище, но к январю сил на это уже не осталось. Совсем рядом разбомбили два дома. От одного остались одни руины, а у второго полностью отсутствовала передняя стена – на высоту 4-5 этажей. В разрезе были видны комнаты (как декорации в театре). В одной из этих комнат на самом краю стоял стол, а под ним – стопка фаянсовой посуды, непонятно, почему не разбитой, – что запомнилось мне на всю жизнь.

Помню и первого увиденного мной покойника на улице на саночках. Это была девочка чуть постарше меня.... Помню и открытые грузовики, загруженные доверху покойниками. В нескольких домах от нас был двор, куда свозили трупы со всей округи – хоронить не было сил или уже не было кому.... Родителей отца, моих еврейских бабушку и дедушку, мы похоронили, но после войны не смогли отыскать это место, – на Охтинском кладбище...

В конце февраля мы уехали по «Дороге Жизни» (по Ладожскому озеру). Ехали до эвакупункта в Волховстрое, там – осмотр, обед и распределение для дальнейшего передвижения. До сих пор помню потрясающую картину – тарелка пшенной каши. Ее много, очень много, с янтарной лужицей подсолнечного масла в центре!!! А через три недели – поездка в теплушке до Омска; но уже не голодные, а полуголодные! На остановках меняли вещи на картофельные очистки и еще на какую-то еду. На одной кратковременной остановке наша бабушка отстала от поезда: выскочила на минуту, не одетая, а поезд ушел. Мама ее «похоронила». И вдруг, по приезде в Омск, выяснили, что она жива. Добралась до места раньше нас и предупредила о нашем приезде, благодаря чему за нами прислали телегу. Это было второе наше чудо.

К моим детским впечатлениям теперь добавилось осознание глубины потери моих бабушки и дедушки, которые могли бы так много мне дать. И второе, самое страшное, – душевное состояние моей мамы: страшный голод, смерть

на каждом шагу, мать и двое голодных дочерей в доме. А еды практически нет!... Бессилие и ужас. Казалось, конец неизбежен....

Когда теперь я сталкиваюсь с чем-то, что возвращает к тому времени: экспозиция в музее, документальные кинокадры, посещение блокадных мемориалов, – ужас в душе возникает вновь, душат слезы.... Фильмы о войне не могу смотреть до сих пор...

Единственный положительный момент – в этой, теперешней, израильской жизни я совершенно спокойно отношусь к обстрелам из Газы. Я понимаю, что этого не должно быть; сочувствую людям, которых это пугает; мне жалко детей, которых пугает родительская паника...., но... лично я – спокойна. После тех обстрелов и бомбежек меня сложно этим испугать!

Татьяна Захарова (Ремизова)

Родилась 5.01.1936 г. в Ленинграде. В 1958 г. окончила Ленинградский горный институт. Работала пять лет в Ленгипротрансе и около тридцати лет – в Невском производственно-геологическом объединении (поиск урана). В Израиле с 2005 г. Живет в Ашдоде с семьей сына и двумя внуками.

ЛЕВ ЗОР

Я – РЕБЕНОК ВОЙНЫ

Мне идет семьдесят девятый год. Так что родился я давно, в далеком тридцать пятом году прошлого века на берегу великой русской реки Волга. Войну я четко помню с первого и до последнего дня. А их было всего 1418. Мне было шесть лет и четыре месяца, когда началась эта страшная, уничтожившая миллионы, бойня...

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

22 июня 1941 года. Ясное, солнечное утро. Я отлично выспался, вышел во двор, где на скамеечке возле крыльца деревянного дома сидели моя мама и мой старший брат Мирон. Они слушали радио. Этот детекторный приемник смастерил сам Мирон, который был на 12 лет старше меня, по схемам из журнала «Радио». И мы слушали этот тихий голос из Москвы. Выступал нарком иностранных дел, товарищ Молотов, сообщавший о том, что немецко-фашистские войска вероломно в 4 часа утра перешли границу Советского Союза...

Мама с братом о чем-то между собой говорили по этому поводу, я тогда мало, что понял. Гораздо позже Мирон рассказал, что в те минуты он объявил маме, что пойдет в военкомат записываться в армию добровольцем. На улице группками собирались люди.

– Да что там, дайте две-три недели, и наша армия разгромит их!

Мы, действительно, победили. Только через 1418 дней.

Наш семейный приемничек – «чудо» было приказано сдать. Мирон отнес его на какой-то склад, и больше мы нашего радио не видели. А новости узнавали из радиорепродукторов – развешанных на каждом углу черных тарелок.

Наш отец был арестован в 1937 как «литовский шпион» (наша семья была из Литвы, родители лишь в 30-е годы переехали в Россию), до 1946 года валил в Сибири лес. Так что меня, старших братьев – Матвея и Мирона – самоотверженно, в одиночку, «поднимала» мама. Тогда, в первый день войны, никто из нас еще не знал, что в сорок первом уйдет на фронт Матвей, через год за ним последует Мирон, который на Курской дуге лишится ноги... Но все останутся в живых.

ДЕНЬ ПОСЛЕДНИЙ, 1418-Й

9 мая 1945 года. Этот день так четко врезался в мою память, как будто, все это произошло со мной лишь вчера.

По сводкам Совинформбюро мы знали, что Красная Армия ведет бои на подступах к фашистскому логову. 8 мая над Рейхстагом заколыхалось Знамя ПОБЕДЫ. Утром 9 мая из репродукторов я услышал, что немцы подписали акт о капитуляции. Это означало одно – «капут» войне! Я выглянул во двор. Было солнечно, но прохладно: после ночного дождя земля была влажная. Я оделся и решил купить газету. На площади Фрунзе находился газетный киоск. Там уже вытянулась длинная очередь. Люди расхватывали газету «Коммунист» с портретом Сталина на первой странице и сообщением о капитуляции фашистской Германии. Я встал в очередь, и когда до окошка осталось 2-3 человека, газеты закончились!

Мне было так досадно, что я едва не расплакался. Но, глядя на толпы людей, которые стали заполнять улицы, я подключился к их чувствам, забыл о своем разочаровании и ликовал вместе с ними.

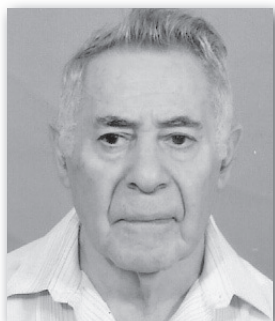
Нужно было видеть эту Реку Радости! Женщины с медными тазами и кастрюлями, в которые они колотили изо всех сил половниками и колотушками, палками... Смех, звук гармошек слышались отовсюду. На площади развернулся духовой оркестр, люди танцевали. Если рядом появлялся человек в военной форме, его окружали, обнимали, расцеловывали, подбрасывали вверх... И так – весь день, – я тому свидетель!

Буквально накануне этих событий мама мне из салатового сукна английской шинели (где же она его раздобыла?!) сшила китель и брючки – настоящий костюм! Так что я весь праздничный день «форсил» в этом костюме с настоящими золотыми пуговицами на кителе. Я чувствовал себя настоящим «суворовцем», разгуливая по Саратову в таком виде. В этот день пришла к нам в гости Рохэ – Мэрке – эвакуированная из Литвы и спасающаяся от литовских бандитов мамина знакомая. Мы втроем отправились бродить по ликующему городу. Несколько раз попадали под дождь, но кто на это обращал внимание?!

А вечером на площади Фрунзе мы смотрели салют Победы. Во дворе воинской части грохотали пушки, в небо взлетали яркие ракеты, много ракет.

– Ура! Победа!!! – кричали люди...

Вот так «сфотографировался» в моей памяти тот исторический день.

Лев Зор

Родился 17 февраля 1935 года в Саратове. После войны жил в Вильнюсе. Окончил Каунасский Институт физкультуры. Двадцать один год проработал учителем, воспитателем в интернате № 2 г. Вильнюса. В 1996 с семьей репатриировался в Израиль. Есть дочь. Живет в Ашдоде.

«Уходим из дома», рисунок Дианы М., 5 лет. Детский сад «Савьен», Ашдод

ХАНА КАПЛУН

ЧУДО СПАСЕНИЯ

Когда началась война, мне было семь лет. Память сохранила все события этого страшного времени. Вечером начали бомбить Могилев. Люди искали убежища. Укрылись мы на горе у кладбища, недалеко от моста через Днепр. Но именно этот мост и бомбили! Утром мы вернулись в пустой разрушенный город... Дома стояли без окон, улицы завалены каменными обломками и стеклом.

В начале июля мы грузились на один из последних эшелонов. Нас отправлял отец, сам он остался в обороне города. На вокзал папа привез меня, маму, двух старших сестер, а еще – свою маму и старенькую тетю и маминых отца и сестру. Теперь нас было восемь человек. Подали товарные вагоны. Началась посадка.

В пути нас часто бомбили. На железнодорожном узле станции Орша бомбежка продолжалась всю ночь. Люди бросали вещи, кидались из вагона прочь. Нам мама не разрешила оставить вагон. Мы все забились в угол и ждали, ког-

да закончится этот кошмар. Кругом все горело. Рвались бомбы, кричали люди... Когда все закончилось, мы подумали, что случилось чудо. Но только выйдя из вагона, поняли, что так и есть: из всего эшелона наш вагон – единственный, который остался цел!

Дорога наша сперва лежала в Тамбовскую область, потом, когда немцы подошли к Москве, двинулись в Казахстан.

ДЕДУШКА АБРАМ

Разместили нас – тринадцать человек – в казахском ауле в одной комнате. Спали все на полу, а зима 1942 года была ох, какая холодная!

Как-то вечером дедушка стал перед сном вспоминать своих детей. У него было три дочери и два сына. Старший сын – Мота Сегал – был членом социал-демократической партии. Уехал в 1913 году в Америку и сделал карьеру, став фабрикантом. Младший – Исроел был в партии Бунд. В доме, по маминым рассказам, братья спорили, ругались, доказывая свои позиции и политические взгляды. В 1914 году Исроел ушел на войну. В 1918 году какой-то человек пришел к деду и рассказал, что в Австрии в военном госпитале лежит его сын, без ног. Просит забрать его на родину... Но граница к тому времени была уже закрыта...

Я очень любила дедушку – глубоко порядочного, мудрого и очень доброго человека. Любила его рассказы. В ту ночь я спала рядом с ним, на полу, как всегда.

Ночью он умер. А я не могла понять, почему же дед с утра не встает, как обычно.

Не помню, как меня увели из дома... Когда вернулась, его уже не было. Умер дедушка Абрам от голода. Человеком он был религиозным. С собой взял в эвакуацию талес. В него дедушкино тело и завернули.

Хоронили деда Абрама Сагала его внуки: моя сестра Ирина, ей было шестнадцать, и двоюродный брат Гиля, которому исполнилось четырнадцать.

ЦИНГА

Хозяин не хотел прописывать у себя 13 человек. Потому-то и карточек продуктовых у нас не было. Мама и сестры не работали. У меня от недоедания началась цинга. Ирочка, моя старшая сестра, понесла меня на руках через реку

Урал к врачу. Тот посмотрел меня и сказал, что нужно удалить несколько зубов. Я не плакала, просто тихо попросила его оставить мне зубы.

– Просто уже три дня я не ела, – пришлось мне объяснять ему.

Я и сегодня помню глаза этого уже немолодого человека и слезы, катившиеся по щекам его молоденькой помощницы.

Зубной врач выписал мне талон на продукты. Мои сестры – Циля и Ира – отправились искать продуктовую базу, где можно было «отovarить» талон.

Не зная дороги, они обратились за помощью к прохожему. Тот показал им направление и шел не遠деке от них.

Сестры шли, горячо обсуждая наше бедственное положение. Смерть бабушки, брюшной тиф, которым переболела мама. Они говорили обо мне, об отце, который был на фронте...

Когда пришли на базу, отправились искать управляющего. Им оказался тот самый прохожий, который стал их помощником и невольным свидетелем разговора. Мужчина велел им вернуться домой и принести наволочки, мешки – все, что может служить вместилищем для продуктов. Домой сестры принесли муку, крупу, сахар, масло... Этот щедрый подарок поддержал всю семью, спас нас от голодной смерти!

Чтобы купить хлеб, очередь сестры обычно занимали уже с ночи. Перед дверью лавки они были первыми. Но утром, когда магазин открывался, все жители казахского аула оказывались впереди. Хлеба нам, конечно, не доставалось. За буханку мама как-то отдала шубу из колонка!

Как-то в поисках еды мама пришла в город. У хлебного магазина ей встрети́лась знакомая женщина из Могилева. Сели здесь же, на ступеньках, мама рассказывала о нашем житье – бытие и горько плакала. Проходившие мимо люди давали ей кусочки хлеба. Когда мама принесла домой эти кусочки и рассказала нам о встрече, мы не могли их есть.

НЕЗВАННАЯ ГОСТЬЯ

Мне уже 10 лет. Мы в Кемерово, куда нас смог перевезти вернувшийся из окружения отец. Живем в бараке. Мама и сестры работают на военном заводе, а я предоставлена самой себе.

Однажды, болея, я лежала на топчане. Сквозь дрему мне кажется, что наша кошечка покусывает, играясь, мои пальцы. Открываю глаза – у моей руки огромная крыса! Она съела оставленный мне рядом с кроватью хлеб и пару мороженных картофелин. Я так кричала от страха, что соседка, испугавшись моего крика, выбила закрытую дверь в комнату! Крыса медленно соскочила с топчана и спокойно ушла в угол. Соседка принесла мне «в награду» кусочек хлеба и горячий чай.

МОЯ СЕСТРА ИРА

Моей старшей сестре Ирине было шестнадцать, когда она пошла работать в военный госпиталь. Убирала и мыла операционные, туалеты, кормила раненых. Когда Циля заболела холерой, то Ира пошла к начальнику госпиталя:

– Пожалуйста, спасите мою сестру!
– Что это за ребёнок? – с удивлением спросил окружавших его врачей начальник госпиталя.

Тогда ему сказали, что подросток, выглядящий так по-детски – это санитарка, которая самоотверженно работает в госпитале.

Этот начальник послал к нам домой врачей.

ОБМОРОЗИЛАСЬ!

В холодную зиму сорок пятого года я не знала, что отменили из-за морозов занятия – радио в бараке не было.

Утром надела своё пальтишко, тонкие ботиночки и побежала в школу.

Добежала, дернула за дверную ручку... Закрыто!

Что же делать? Я устала, возвращаться домой долго. Села на крылечко...

Очнулась я уже в школе. Сажу у печи. Полыхает огонь. Мои ноги в ведре с горячей водой. Надо мной стоит директор школы Анна Михайловна и техничка, которая меня спасла. Обе плачут, глядя на меня.

Стали узнавать, что с отцом, как здоровье мамы.

В итоге, школа выделила мне валенки, а завод – тулуп.

Хана Каплун

Родилась 15 сентября 1933 года. После войны получила высшее музыкальное образование в Ленинграде. Работала директором музыкальной школы, преподавателем Могилевского педагогического училища, педагогического института, Института повышения квалификации... С 1990 года живет в Израиле. Есть дочь, внуки.

ТАМАРА КЛЕЙНЕР

ПРИ ПРОЛИВНОМ ДОЖДЕ ЖДАТЬ СОЛНЕЧНОЙ ПОГОДЫ!

Началу войны мне было шестнадцать. Окончила девятый класс. Семья наша жила в Житомире. Я, младший брат Исаак, папа, работавший директором школы и учителем математики, и мама – библиотекарь.

В ночь на 22 июня мы слышали сильные взрывы. Вышли на улицу и оказались в толпе. Люди были возбуждены, встревожены, звучало слово «война». Официальное сообщение прозвучало только в полдень. В пригородах Житомира немецкой авиацией была полностью уничтожена летная часть. Мы видели, как везли убитых и раненых.

6 июля в разгар отступления советских войск из Новоград – Волынского (что в семидесяти километрах от Житомира) все мы вышли из дому, захватив с собой лишь документы. Дорога на вокзал была запружена людьми. Большинство – без вещей, с маленькими детьми на руках.

Внезапно над нами на бреющем полете прошел немецкий самолет. Он снижался все ниже, и из пулемета расстреливал людей, идущих по дороге. Падали убитые и раненые.

На вокзале упросили взять нас на железнодорожные платформы, – вагонов-теплушек уже не было. Наконец, медленно, по запасным путям, состав тронулся. Наступила ночь. Обессиленные люди дремали. По обе стороны дороги был молодой лесок. Вдруг над ним взвились в небо разноцветные ракеты. Кто-то показывал на движение нашего состава как на цель для авиаудара. И вскоре уже над нами был слышен характерный гул немецких самолетов. Машинист, пытаясь маневрировать, дал задний ход... Ему это удалось. Восемь бомбовых ударов легло как раз там, где состав находился еще несколько минут назад. Толпа, решив, что машинист – предатель, выскочила из вагонов и двинулась к локомотиву.

Машинист по рупору, не выходя из кабины, обратился к людям:

– Я сдавал назад, чтобы спасти вас, а не подставить под бомбы. Посмотрите, самолеты бомбили с учетом нашего продвижения вперед! Там, где должен был быть сейчас состав, – воронки и разбитая железнодорожная колея!

В итоге, он и еще несколько мужчин рабочих специальностей в три часа ночи, найдя необходимые инструменты, ушли чинить железнодорожные пути. Потом, с большой осторожностью пройдя восстановленный участок, состав двинулся на Фастов. Под утро мы въехали на станцию Белая Церковь. Городок горел, трудно было дышать от дыма. Люди с детьми на руках бежали за нашим составом, умоляя взять их. Картина эта была ужасной. Дважды машинист тор-

мозил, чтобы подобрать семьи с маленькими детьми. Все страдали от жары и жажды. А ведь первая десятиминутная остановка была лишь на третий день в Днепропетровске! Люди бежали к составу с ведрами молока, воды. Нас буквально «отпаивали». Состав продолжил движения и на пятый день прибыл в Сталинград. Машинист объявил, что поезд дальше не идет.

Мы остались сидеть на вокзале, а папа отправился в город, в отдел образования, – просить работу. Вернулся он с направлением в город Калач-на-Дону, инспектором школ.

Но уже через несколько месяцев нам пришлось бежать и оттуда – немцы продвигались вперед. И вновь вся семья на вокзале. Холодно, а мы в рваных телогрейках и в летней обуви. На станцию прибывают эшелоны с военной техникой. Вывозят зерно и скот... Выбраться невозможно – мы оказались в мышеловке. Никому до нас не было дела – шла подготовка к битве за Сталинград.

Три дня и три ночи на вокзальных скамейках вымотали всех. В три часа ночи мы с братом вышли на перрон в надежде найти выход из этого положения. Стояли платформы, груженные зерном, но никто не решался нас взять. В конце концов, мы нашли молодого парня, который уступил нашим уговорам. Побежали за родителями и погрузились на платформу. С нашим спасителем договорились, что мы зароемся в зерно, он накроет нас сверху брезентом, и так доедем до первой же узловой станции, чтобы тихонько покинуть платформу. Парню по законам военного времени могли грозить серьезнейшие неприятности, попадись мы кому-то на глаза!

Поезд не останавливался, тянулся медленно. Мы жевали сырое зерно, страдали от жажды и холода. Прощались с жизнью.

К концу второго дня поезд остановился. Мы с огромным трудом встали на одеревеневшие ноги. Выбрались на перрон.

Город Пенза. Шел дождь со снегом, а наша семья стояла на пустынном перроне в совершенно незнакомом городе... Вскоре к нам подошла молодая русская женщина и позвала в дом обогреться. Потом с нами же вернулась на вокзал и упросила взять нас в теплушку, уходящую в тыл.

В теплушке было полно людей, еще больше – вшей. На остановках выносили больных сыпнотифозных пассажиров. Кого – живыми, а кого уже и умершими от болезни. На незнакомых полустанках хоронили тела. Помню и матерей, хоронивших у дороги своих младенцев.

На одной из остановок четырнадцатилетний Исаак побежал на вокзал, чтобы принести теплой воды. Поезд тронулся. Падали хлопья снега, а Исаак в легкой летней курточке остался где-то на станции! На первой же узловой мы вышли из поезда. Это была станция Кинель. Здесь поезда сортировались по направлениям: часть – на северное направление, часть – на южное. Много часов прошло, пока мы попали к начальнику станции. Каждые десять минут

репродуктор на платформе объявлял о мальчике, оставшем от семьи в Сызрани. Наконец, Исаак появился. Ну и натерпелся же он!

В конце концов, после долгого пути мы оказались в районном центре Благовещенск, недалеко от Уфы. В первую ночь спали на скамейках в райисполкоме. Наутро получили разрешение вселиться в заброшенный домик. Беда была в том, что денег у нас не осталось абсолютно. Лютый холод – морозы доходили до сорока! А дров нет. Старая соседка дала мне и братику сношенные валенки. Мы с Исааком на санках отправлялись за хворостом в лес. Отыскивали отработанный уголь – нужно было как-то топить! В пятнадцать лет, закончив училище, брат встал к станку. Получал 800 граммов хлеба. Я вязала сетки для маскировки танков. Тоже – 800 граммов хлеба. Голодали мы отчаянно! Через проходную не выпускали, часто приходилось оставаться на заводе дополнительные часы. Спасала молодость...

... Мой биологический возраст сегодня – 89 лет. Я продолжаю читать медицинские журналы, переписываюсь с друзьями и родственниками, читаю мемуарную литературу, составила генеалогическое древо... И сама удивляюсь, – как вынослив человек! Перенеся все невзгоды, войну, эвакуацию, голод, лишения, смерти близких людей, – мы продолжаем жить!

Конечно, сказалась наследственность. Но и характер тоже: доброжелательность и оптимизм. Главное, – тренировать свой мозг, быть терпеливым, и при проливном дожде ждать солнечной погоды!

Тамара Клейнер

Родилась 8 ноября 1924 года. Закончила Винницкий медицинский институт. Сорок два года отработала врачом-педиатром. Тридцать семь лет из них – в городе Могилев-Подольский, Винницкой области. Была заведующей отделением, вела интернатуру Винницкого мединститута, преподавала в медицинском училище. Отличник здравоохранения Украины. В феврале 1993 г. репатриировалась в Израиль. Живет в Беэр-Шеве.

МЭЛЕСТАНА КРАВЧИК (ПАСАРАР)

«С НОВЫМ, 1944 ГОДОМ!»

Я, семилетняя Мэлестана, моя сестра Лена и наша мама Валентина Израильевна уезжали из Львова на второй день войны. В декабре добрались до села Обер-Дорф в двухстах километрах от Сталинграда. Дома все заняты. Работы для мамы нет.

Только в 1943 году через папиных друзей мы узнали, что в тот же день, что мы оставляли город, погиб под Львовом наш отец! Мама, услышав эту страшную вест, упала без сознания. Болела она более двух месяцев. После болезни её вызвали в райком партии и предложили работу в саду – яслях. Мама начала работу как нянечка, а затем, до августа 1944, – была заведующей садика.

Время было тяжелое. Половина детей – инвалиды с задержкой в развитии – последствия военного времени, недоедания и лишений.

Перед новым, 1944 годом, решили в садике устроить праздничную новогоднюю ёлку. Дерево привезли из леса. А вот игрушек не было совсем. Работники садика и их дети взялись за работу. В конторе колхоза, на чердаке, нашли стопки старых книг и газет. Эту макулатуру стали красить: зеленкой, йодом, хинином, марганцовкой, соком красной свеклы, тыквы... Из этой «цветной бумаги» делали игрушки: гирлянды, корзинки, грибочки; из яичной скорлупы – клоунов. Игрушек получилось много, так что наша ёлка выглядела очень нарядно!

Дело осталось за подарками детям. В цветные красивые кулечки насыпали конфетки-драже, полученные к празднику жареные тыквенные семечки и коржики, которые испекли детсадовские повара.

Я тогда училась во втором классе. Мне досталась на новогоднем утреннике роль Деда Мороза. Меня нарядили в костюм и посадили под ёлку. Когда я вылезла из-под елки, дети очень испугались и стали плакать. А один мальчик – Вова – встал и говорит:

– Дети, не бойтесь! Это же наша Перестана (так он меня называл).

Дети успокоились, и я стала с ними водить хоровод вокруг ёлки. Затем все от меня получили подарки. Видели бы вы их счастливые лица!

Мэлестана Кравчик (Пасарар)

Родилась 20.08.1934, в Киеве, в семье военного. В начале войны семья была эвакуирована, жили 3 года под Сталинградом. Вернулись на Украину. Воспитала сама троих детей. Всю жизнь проработала педагогом. С 1963 года и до репатриации в Израиль в 1999 г. жила в Молдавии.

Участница первого сборника воспоминаний «Взрослое детство войны» (2013).

ИТА ЛЕЙЗЕРЗОН (НИЛОВА)**СЕМНАДЦАТИЛЕТНИЙ
ГАЛЬВАНИК**

Война пригнала нас из Киева в город Чкалов. Зима суровая. Нас поставили на учет и разместили по квартирам. В начале января 1942 года я, мама и старшая сестра поступили работать на завод «Красный штамповщик» № 12 города Чкалова. Меня направили в гальванический цех. К тому времени мне уже исполнилось семнадцать.

Оборудование было изношенное, давнее, на ходу приспособляемое к военному производству. Чтобы обезжирить детали, готовя их к процессу гальванизации, нужно было работать с кислотами, песком. Эта был изнуряющий и нездоровый труд! Затем изделия сушили в горячих шкафах, а для этого нужно было топить печи.

Я и еще трое молодых рабочих пилили и рубили дрова, разбивали глыбы антрацита, дыша угольной пылью...

Работа шла в три смены по 12-14 часов.

Такая работа привела к ревматическим болям рук и ног, острому нефриту... Да, нелегким был этот «рабочий кусок хлеба» с января сорок второго по март сорок седьмого годов!

Ита Лейзерзон (Нилова)

Родилась в 1925 году, с 1942 по 1947 год работала на заводе «Красный штамповщик» г. Чкалова. За работу в тылу награждена медалью «За доблестный труд». После войны и учебы работала долгие годы секретарем-машинисткой. Есть сын и дочь, три внука, правнук и правнучка. С 1991 года живет в Израиле.

МАЙЯ ЛИВШИЦ

ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА

Войну я, тогда восьмилетняя девочка, запомнила, как картину: небо, сигнал тревоги, вой грузенных бомбами немецких самолетов...

Папа, хотя по возрасту уже не подлежал призыву, ушел в военкомат и был отправлен на фронт. Мама с тремя девочками – тринадцати, восьми и четырех лет – с колонной беженцев двинулась на Восток.

Вой пикирующих самолетов, крики и плач детей, тревога и... безысходность сопровождали нас все долгие дни пути. Черный горизонт с красными языками пламени. Горит Смоленск. Добрались до Вязьмы, а там – толпа людей, штурмующих в панике вагоны. С большим трудом в товарный вагон втиснулись и мы. В Мордовии, в г. Саранск, мама решила остаться.

Нас поселили в маленькой комнате, потеснив местную семью.

Я сразу вышла в общий двор. Там играли местные дети. Внезапно в небе появился самолет. Я, как уже опытная беженка, бросилась в кусты и оттуда в тревоге стала кричать детям:

– Ховайтесь в бульбу! (т.е. «прячьтесь в картошке» – белорусский – Прим. редактора). Но Саранск не бомбили, так что дети не понимали, в чем дело!

Со временем мама стала работать в военном госпитале. Мы, пионеры, навещали страдавших от увечий бойцов. Когда дети появлялись среди коек, лица раненых становились улыбчивыми, светлели.

Жила семья впроголодь. Как-то я слышу, что бабушка говорит маме:

– Люба, дай детям деньги, пусть идут в кино. Мне их сегодня нечем кормить!

Помню, как к моей подружке – мордовке приехала бабушка. Старушка почти не говорила по-русски. Моя бабушка тоже с трудом говорила по-русски. Но вижу перед собой картину: две старые женщины, такие разные, сидят на крылечке и изливают друг другу свои печали. Их объединяла общая тревога за детей и внуков.

Майя Лившиц

Родилась и жила в Белоруссии. Закончила в Могилеве машиностроительный институт. Инженер-механик, работала на авторемонтном заводе. Вырастила сына. В 1991 году репатриировалась в Израиль.

Участница первого сборника воспоминаний «Взрослое детство войны» (2013).

АРКАДИЙ ЛИПНИЦКИЙ**ТО, ЧТО ЗАПОМНИЛОСЬ...**

Сорок первый. Конец июня. Мой дядя – родной брат моей мамы – привел меня в построенное бомбоубежище. Это была яма с дощатым покрытием, и там валялась мертвая крыса...

Я бегаю по двору, изображая самолет, раскинув руки в стороны. В небе завис немецкий самолет, прямо над двором. На вираже я вижу в кабине немецкого летчика.

Крик мамы:

– Адик, немедленно домой!!!

Не обращая внимания, продолжаю «летать» самолетом по двору. Мама выбегает, хватая меня под мышку и уносит домой...

А родился я за три года до войны, в тридцать восьмом. Родильное отделение, в котором я появился на свет, после войны стало шоколадным цехом фабрики имени Карла Маркса.

В эвакуацию из Киева выезжали вместе с заводом «Арсенал», на котором фрезеровщиком трудился отец.

Помню весну сорок второго или сорок третьего(?) года. Мама одела меня в бархатный костюмчик с большим белым бантом и выпустила во двор. Недалеко от нас находился хлебный магазин. Я отправился к нему и сел на ступеньки. Вдруг кто-то положил мне в руку довесок от своей хлебной пайки. Я с благодарностью принял щедрый подарок и жевал неспеша. Мать звала меня, но я не слышал. Тогда она отправилась искать меня. Нашла, схватила меня на руки и быстро зашагала к дому. Помню, хотя семьдесят лет прошло, мамины слезы, капающие на мое лицо...

Именно в эвакуации я приобрел сохранившуюся до сего дня привычку грызть сырую картошку. Я делал это с удовольствием, если она мне попадалась! Уже через много лет, покупая картошку на базаре в Киеве, я пробовал её, как пробуют яблоки.

И еще об эвакуации и «съедобных воспоминаниях»... В эвакуации с нами жила двоюродная сестра Рахель. В тылу она работала подсобной рабочей на заводе «Арсенал». Помню, что всегда она была в засаленной телогрейке. Не помню на ней другого наряда. И вот, в конце 1942 года, радость – в ежемесячном пайке нам прибавили по полкуска мыла! Однажды Рахель решила порадовать меня, малыша. Она продала мыло, а на вырученные деньги...купила мне порцию мороженого (его вкус я до сих пор не забыл!) и два билета в кино. Шла картина «Волга-Волга». День этот стал для меня незабываемым на всю жизнь. Праздником!

...Конец сорок третьего. Мама оказалась в больнице. Аппендицит. Вернулась домой только в начале 1944 года. Восстановление было тяжелым, из шва постоянно сочился гной. Так вот, как диетическое питание ей выписали белый хлеб! А я помню серый. Из него, влажного, легко можно было катать шарики хлебного мякиша... Мамин же хлеб был ОСОБЕННЫМ. Я такого не ел никогда – или тогда казалось, что не ел. Увы, маме хлеб не помог. Уже в Киеве она умерла от перитонита, долго промаявшись после неудачной операции.

Аркадий Липницкий

Родился 30 июня 1936 года в Киеве. Окончил среднюю школу, затем – ЛИВТ – Ленинградский институт водного транспорта. Женат, двое детей, двое внуков. Репатриировался в Израиль в 1990 году. До настоящего времени работает по своей первой специальности – токарем-фрезеровщиком. Живет в г. Кирьят-Шмона.

ПОЛИНА МИЛЬШТЕЙН (ШНАЙДЕР)

ИЗ ДНЕПРОПЕТРОВСКА – В ОРСК

Мне 6 лет. 1941 год.
Днепропетровск

Когда началась война, я – шестилетка – осталась в Днепропетровске с мамой, бабушкой и дедушкой. Все родственники, работавшие на промышленных предприятиях, вместе с их заводами были эвакуированы в тыл. Папина часть стояла в Ворошиловграде, его призвали в самом начале войны.

Помню его приезд и требование:

– Собирайтесь немедленно, уезжаем!

Дед ехать не хотел. Он выстроил за жизнь в городе два особняка и один трёхэтажный дом, передал их Советской власти. Умоляли не уезжать, не оставлять всего...

– Если не поедете сейчас с нами, будете выбираться потом самостоятельно, – папа был категоричен.

Помню, когда мы ехали на вокзал в городском трамвае, Днепропетровск выглядел, как в метель: в воздухе летали обрывки бумаг, на тротуарах повсюду множество листов, документов – уничтожались, перевозились архивы.

...В Ворошиловграде в первое время даже успели походить по театрам. Меня, малышку, проносили на представления под шинелью.

Определили в садик. Бомбоубежища не было, вместо него – вырыта щель. Во время бомбежек детей спускали туда.

Недалеко от нас была станция. Помню вагоны с красными крестами – эшелоны с ранеными шли в тыл. Немцы бомбили эти эшелоны – я была тому свидетелем. А на следующий день отец сказал, что пришло время эвакуироваться, фрицы бомбят город.

Он посадил нас в товарный вагон. Из еды у нас были с собой только сахар и селедка. Наш знакомый был начальником эшелона, он приносил нам кипяток. Это помогало мне, так как я всегда боялась, что мама не успеет прибежать до отправки эшелона: на всех станциях люди выскакивали за водой, а потом бежали за составом после таких остановок. Рассказываю, и вспоминается это волнение, тревога за маму.

Приехали в Орск в суровую зиму. Помню, как хозяйка передавала нам круги замороженного молока.

В сад я пошла наголо бритая – вши были постоянными спутниками беженцев. Кормили плохо, но учили петь, лепить, рисовать. До сих пор помню «Грузинский танец» и мелодию его, под которую мы плясали.

Орск. Эвакуация. 1942 г. Я с мамой.

Моя старая шубка совсем истрепалась. Было холодно. Мама нашла какого-то портного, который пошил мне из своего старого пиджака нечто: какой-то балахон, который следовало надевать поверх шубки. Все очень смеялись.

Недалеко от нас жила семья начальника Днепропетровского мясокомбината, эвакуированного на Урал. Дочка их училась со мной в одном классе и любила списывать у меня домашние задания. Она предложила мне:

– Приходи после школы ко мне домой, будем вместе делать уроки...

Я пришла: картины, ковры.... А у меня на ногах бурки – матерчатые стеганые сапоги с ватой. А на бурках – калоши. Дома мне их помогала снимать мама, так как это была совсем не простая операция.

Заходим мы в дом, а хозяева мне:

– Снимай обувь!

Я объяснила им, что дома мне мама помогает.... Очень они были недовольны. И мне этот дом не понравился.

С тех пор я там больше не бывала, а подружка приходила к нам. Мы устраивались и делали уроки на табуретке.

...Потом, когда мама получила землю под огород, мы посадили картошку. Урожай удался, хотя мне до сих пор помнится усталость: девочкой я помогала маме копать картошку, затем – тащили мешки с картошкой домой.... Зато голода не было – была картошка с маслом! Мама работала на овощном складе, так что иногда у нас была к столу и мороженная морковь.

Полина Мильштейн (Шнайдер)

Родилась 11 сентября 1935 года в Днепропетровске. Окончила Днепропетровский транспортный институт. Инженер путей сообщения, строитель. Работала на Приднепровской железной дороге тридцать лет. В 1990 году репатриировалась в Израиль. Двое детей, пятеро внуков, одна правнучка. Живет в Ашдоде.

ЮРИЙ НОВИК

ДОРОГА В ШКОЛУ

Я родился в Харькове в 1936 году. Перед войной помню Первомайскую демонстрацию, когда папа с гордостью показывал мне мощь Красной Армии. И вот – война. Папа освободился от «брони» на заводе и в августе ушел на фронт радистом. Помню его, удаляющегося от нас в военной форме, ботинках и обмотках на ногах...

Немцы подходили к Харькову. Бомбили уже не только по ночам, но и днем.

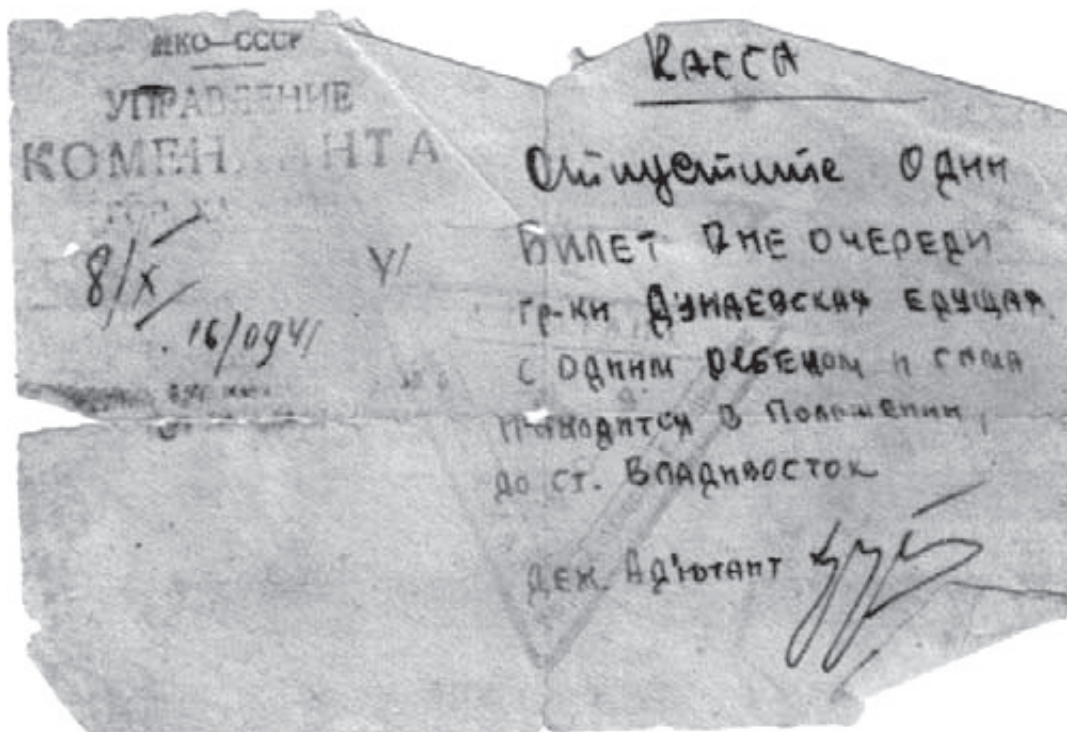
Мы, детвора, собирали осколки бомб и снарядов – это были наши игрушки.

Мама была на седьмом месяце беременности. Помню 8 октября 1941 года. Мама меня собрала, дала в руки портфельчик, в который положила фотографии и елочные игрушки. Сама взяла узел с вещами и продуктами. Мы отправились на вокзал. Идти было недалеко. Люди вокруг говорили, что скоро немца погонят, так что недели через две-три можно будет возвращаться по домам.

На вокзале были тысячи людей. Мама обратилась за помощью к военному коменданту. По его записке (она по сей день хранится у меня!) помощник начальника станции посадил нас в отходящий поезд. Маме как беременной удалось даже устроиться на полке, а я пристроился у нее в ногах на бауле с вещами. Это был предпоследний поезд с эвакуированными. Последний поезд попал под бомбежку, многие погибли. В наш же эшелон прямых попаданий не было...

Прошло немало времени, пока мы осели в Чкалове. Хотя эвакуационное решение было у нас до Владивостока, но туда уже не пускали, боясь нападения японцев. Через родственников маме удалось устроиться рабочей на завод, выпускавший ящики для снарядов. Она быстро освоилась, была передовиком производства и в 1943 году стала уже начальником цеха. Семья получила «во владение» землянку, в которой мы прожили до 1946 года. Стало полегче, появились у нас продуктовые карточки, мама посадила огород.

Так как работали без выходных, по 12 часов в день, то мама вставала в 4 утра, отправлялась на огород. А в семь уже надо было быть на заводе! Даже когда мы, дети, болели, – оставались в землянке одни. Взрослые работали не покладая рук!

В 1944 году я пошел в школу. Первоклассникам выдали кульки с конфетами, которые я впервые увидел за военные годы! Один букварь приходился на восьмерых учеников. Тетрадей не было вообще. Подобие тетрадей делали из газет и бумажных мешков. В наших головах не переводились вши и гниды. Восьмилетних детей в школу никто не сопровождал. А трехкилометровый путь в школу был нелегким: от землянки я шел через овраг, затем – через заброшенное башкирское кладбище, через пустыри – до железной дороги. Там нужно было попасть на другую сторону, зачастую – под вагонами.... Один из моих одноклассников был раздавлен военным эшелоном по дороге в школу!

Папа мой погиб 8 января 1943 года под Сталинградом. Вместе с ним война унесла еще шестнадцать наших родственников. Вечная им память!

Юрий Новик

Родился в Харькове в 1936 году. Закончил Политехнический институт, инженер-электрик. Работал начальником монтажного управления, руководителем предприятия радиопрома на Дальнем Востоке, принимал участие в строительстве и запуске десятков объектов народного хозяйства СССР. Принимал активное участие в возрождении еврейской жизни в Приморье. Репатриировался в 2002 г.. Имеет двух детей и пять внуков. Активный участник общественной организации «Дети Катастрофы» в Ашдоде.

СЕМЕН ОХМАН

КАК МЫ ВОЙНУ «ОТСИДЕЛИ» В ТАШКЕНТЕ

Мои воспоминания о военной поре отрывочны. Конечно, многое слышал в пересказах родных, от родителей. Но сейчас хочу доверить бумаге свое, увиденное через призму детской памяти.

К началу войны мне исполнилось три года два месяца. Ровно на два года больше было сестре. Родители учительствовали в средней школе деревни Обозовка, где жили поровну евреи и поляки с украинцами. Папа мой был инвалидом со времен гражданской войны, так что, в этом смысле, нам повезло: в армию его не взяли. Все лихолетье мы провели вместе с родителями.

Начало войны. Помнится лихорадочная погрузка на подводу, затем – мы едем куда-то. Река, поперек которой перетекает еще один поток – людской. Люди, животные, телеги, подводы... Отец в нижнем белье – по грудь в воде – ведет под уздцы испуганно рвущихся лошадей. Я с сестрой – на подводе, сзади – мама. А вокруг нас почему-то время от времени возникают столбы грязной воды; сквозь грохот слышны крики. Кричат люди, мычат коровы, ржут лошади. И все это безумие сопровождается криками стоящих на берегу солдат:

– Быстрее! Быстрее! Быстрее, мать-перемать!!! – они стоят на берегу, показывают людям брод, кого-то подхватывают из воды, иногда сами срываются с берега в речку.

Выбрались на берег, и тут же лишились телеги и лошадей, которых «реквизировали на нужды армии».

Следующая картинка. Нас заталкивают – да, именно так, – прессуют, втискивают в теплушку неизвестно откуда пришедшего поезда. Нехитрый скарб, находившийся на подводе, исчез. Единственное, что осталось, – металлический тубус, трубка-пенал, в который родители успели сунуть перед дорогой все документы. Это впоследствии их здорово выручило: паспорта, дипломы, трудовые книжки. Пенал этот прошел с нами всю войну. До сегодняшнего дня храним в семье эту реликвию.

Дорога привела на Урал. В Чкаловской области родители пришлось как нельзя кстати в школе. Учителей не хватало. Так что впряглись во все, что можно, благо были широко образованными людьми. Отец – физик по образованию – преподавал еще историю, географию, а когда требовалась замена, – подхватывал еще и математику. Кроме того, взвалил на себя хозяйственные заботы по школе. Мама – математик – преподавала и химию, и немецкий (вот где пригодился идиш!), а еще подменяла – химия, литература, физика... Работали родители всегда самоотверженно, не считаясь с усталостью, болезнями, на-

строением. Все отдавали, в первую очередь, работе. Потому-то мы не видели их ни в будни, ни в выходные.

Жили в татарской семье. Семью саму я не помню, а вот их козу запомнил отлично. Была она то ли излишне игрива, то ли – «антисемитка». Развлекалась эта коза, подкрадываясь ко мне сзади и бодая меня пониже спины. Ни с кем другим она себя так не вела!

Первое «нападение» случилось зимой. Снега было очень много. Мороз. Меня замотали-закутали так, что, похожий на мячик, я выкатился во двор. Вдруг – от сильнейшего толчка – полетел кубарем в снег. Выползаю из сугроба – а на меня уставилась страшная козья морда. И взгляд у неё по-человечески нагло-смеющийся!!!

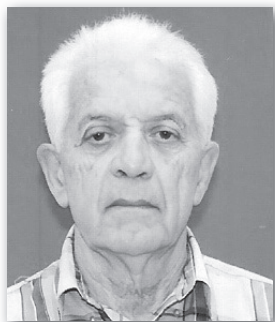
Со временем мы стали друзьями. Она по-прежнему бодала-роняла меня, а потом сразу же подставляла лоб, который я, видимо, из большой благодарности, должен был чесать между небольшими рожками...

В 1944 году, после освобождения Украины, мы попросили разрешения вернуться в нашу Ободовку. Село во время войны было оккупировано румынами. По этой причине даже кто-то из евреев выжил. Школа тоже сохранилась, но была очень загажена, так как в ней устроили казарму и конюшни.

Квартира наша была пустой. Мы вселились, соседи сразу же притащили нам наш шкаф-гардероб и родительскую двуспальную кровать с металлическими шарами. Больше ничего из брошенного имущества мы не видели, но рады были и этому.

В том же 1944 году я, шестилетка, пошел в первый класс. Здесь произошла «трагедия». Я узнал от ребят, что я еврей. Несмотря на то, что родители между собой часто говорили на идиш, я этого и не подозревал. И вдруг, ужас, я – еврей! Я – жид!!! Мы «отсидживались в хлебном Ташкенте», тогда как другие за нас воевали...

Ну что ж, через это многие из моего поколения прошли. И те, у кого родители не воевали, и те, кто воевал и погиб на полях сражений, и те, кто вернулся домой с заслуженными наградами, – «грудь в орденах»...

Семен Охман

Родился 22 марта 1938 года в г. Киеве. Учился в Московском индустриальном техникуме. Позднее окончил Пермский политехнический институт. Инженер-технолог, машиностроитель. Работал конструктором в различных конструкторских бюро на Урале. В 2000 году репатриировался с семьей в Израиль. Двое сыновей, четверо внуков. Живет в Ашдоде.

ВАЛЕРИАН ПОНОМАРЕВ**МОИ СТРАХИ**

Родился я в довоенное время в семье военнослужащего. Обожгла ли война мое детство? Да!

К моменту начала Великой Отечественной мы жили на Дальнем Востоке. В преддверии войны с Японией был отдан приказ: семьи военнослужащих эвакуировать в глубь страны. Так как отец был уроженцем Урала, то отправились мы в Пермскую область. Нашим прибежищем стала сперва деревня, где проживали родственники отца, а затем – городок Чердынь. Время было голодное. Помню, что мама в поисках пропитания для двух сыновей должна была объезжать близлежащие деревни в надежде получить в обмен на тряпки какие-то продукты.

Нас она помещала на печку. С одной стороны – горшки с какой-то едой, с другой – горшок, куда мы с братом должны были оправляться. Мама запирала нас в доме и исчезала на несколько дней, порой – на неделю. Было очень страшно, мы с братом плакали от голода, страха и одиночества... То время тяжело вспоминать!

К концу войны мы вновь переехали на Дальний Восток в Николаевск-на-Амуре. И вновь – наши отцы подняты по тревоге! Предстояла война с Японией. В городе оставались только женщины и дети. Вспоминаю, что по ночам вооруженные матери выходили на дежурство, чтобы защитить дома от грабителей.

Когда мы слышали по радио о Победе, радости не было предела! Я был тогда уже школьником, ходил во второй класс.

Я четко помню, что самым страшными детскими переживаниями для меня были мысли о том, как преодолеть голод, и что отец не вернется с войны...

Валериан Пономарев

Родился в 1937 году в городе Полтава. Окончил Харьковский сельскохозяйственный институт, доцент. В течение сорока лет, работая в высшей школе, готовил агрономов разных профилей и учителей биологии, географии и химии. Тридцать лет трудовой деятельности связано с Тираспольским педагогическим институтом имени Т.Г. Шевченко. Лауреат Государственной премии Приднестровской Молдавской Республики (ПМР) за создание атласа ПМР.

ШЕВА ПОРТНАЯ

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

Моя семья к началу войны жила в Виннице: родители – Моше и Нина, сестра Дусенька (Ида) – 16 лет, брат Боренька – 8 лет (он закончил первый класс и перешел во второй) и я – шестиклассница Шева – 11 лет!

Я обожала Новый год. Мы наряжали ёлку, ходили на новогодние утренники на папину работу. Была красивая добрая семья с любимыми родителями, которые о нас заботились и нас любили...

В школе я училась с удовольствием. На концертах танцевала «украинский танец», так что мама купила мне костюм: сорочку – вышиванку (она сохранилась у меня до сих пор), юбку и красный пояс!

Я любила помогать маме по дому – ухаживала за фикусами в кадках; любила играть в куклы. У меня были длинные косы и разных цветов ленты, висевшие в моем отделении в шкафу. Мама меня водила в кино. Помню, как мы смотрели фильмы: «Профессор Мамлок» и «Маленькая мама». Дома у нас был патефон и хорошие еврейские пластинки: Эппельбаум, Утесов, а еще песни Клавдии Шульженко, вальсы, танго... Моя старшая сестра собирала дома компанию подруг, и они танцевали вместе танго, фокстрот, вальс. До сих пор помню, какое впечатление произвели на меня тогда фильмы: «Искатели счастья» и «Веселые ребята»!

22 июня разрушило этот мир в одно мгновение!

Папу призвали на фронт. Дома остались мама и трое детей. А еще – дедушка Хаскель и бабушка Хая-Рива.

Дед ни за что не хотел уезжать:

– Жизнь здесь прожита, здесь и умру...

Но в итоге, как единственный мужчина в доме, достал лошадь, подводу, погрузил свой нехитрый скарб, посадил маленьких внуков на подводу, старшие – пешком, закрыл дом и двинулись в путь...

Уже бомбили. Уже начались проблемы с едой и водой. Порой приходилось пить вместе с лошадьми. Дедушка все жаловался, что, прожив жизнь, даже умереть спокойно не может...

– Куда мы идем? Что вы хотите от моей жизни?!

Но дорога скоро кончилась по причинам, зависящим не от нас. Фашисты продвигались в глубь страны быстрее, чем мы уходили от войны. И вот мы уже в окружении немецких мотоциклистов, солдат... Сразу на площади села, через которое мы проходили, собрали народ:

– Правила жесткие. Кто будет у себя прятать «юден», – расстрел!

Пришлось бежать, но через семь, приблизительно, километров находилась родина моих родителей и деда – Самгородок. Здесь жил брат деда – Гершл. Мы отправились к его старшей дочери – красавице Песе.

Немцы и здесь стали устанавливать жесткие порядки. Назначили председателя общины, который должен был отвечать за то, чтобы ни один из евреев местечка не оставлял территорию Самгородка. Ему же приходилось собирать в пользу захватчиков постоянную дань. Только это, по словам коменданта, могло уберечь евреев от неминуемой гибели. Ночью делали облавы – искали драгоценности, молоденьких девушек и женщин.

Моя мама, поняв обстановку, поснимала с зубов коронки, ножницами вспорола себе ногу, намочила вату в кровь. Такой вид, по её мнению, должен был «отпугнуть» от неё фрицев. Сестрички мои ночью прятались на чердаке. Сидели в полной темноте, было страшно.

Но на этом злоключения не кончились. Вышло распоряжение: всем беженцам, прибывшим в Самгородок из других мест, убираться из местечка «по месту жительства». И вновь наша семья в пути. Теперь – в обратном направлении. А до Винницы около пятидесяти километров! Передвигались от села к селу, ночевали в хатах или под открытым небом. Пришли в Винницу, а дом наш занят. Украинцы из окрестных сел сразу же после «исхода» пришли в город, растащили оставшееся имущество, заняли хорошие дома.... Пришлось проситься к сестре деда. Всем «юден» было запрещено выходить на улицу без повязки со «Звездой Давида» на рукаве. На домах, где жили украинцы, были нарисованы кресты. Так что дома евреев были сразу видны.

Я как-то шла домой августовским днем. В корзинке несла несколько пожелтевших уже огурцов. Вдруг мимо ведут колонну пленных красноармейцев. Я прижалась к забору. Смотрю – они измученные, в изорванной одежде, пьют воду из лужи, босые, больные. Кинула в колонну несколько огурцов – пленные кинулись хватать их. Тут – немецкая ругань, стрельба. Немцы стали лупить пленных прикладами. Только мама увидела это, схватила меня из-за забора за шиворот и силой втащила в дом. В эту секунду пролетела пуля, да так близко, что в ухе зазвенело от свиста!

Нужно было выживать. Мама научилась варить сапожный крем для обуви на основе сажи. С двумя щеточками и баночкой крема она выходила на улицу и кричала «пани пущен»! Иногда получала за чистку от немецкого офицера пфеннинг, а иногда – и сапогом в лицо без всякой оплаты. Я тоже нашла для себя заработок. Дом наш находился недалеко от базарной площади. Сюда на санях приезжали сельские жители с продуктами. Я с двумя ведрами, полными воды из колодца, бегала от дома на площадь и предлагала приезжим попоить их лошадей. Иногда таким образом удавалось заработать горбушку хлеба или даже кусок сала. Хотя работа для меня, девчонки, была очень тяжелой, я была счастлива, что хоть чем-то могу маме помочь!

Объявление: всем «жидам» взять смену белья и еду на день, и 16 апреля 1942 года собраться на стадионе. Все будут поселены в гетто.

В этот день в сторону стадиона шла река людей. Все еврейское население, не успевшее эвакуироваться, – женщины, дети, старики, молодежь...

Мама притянула мою голову к себе и сказала:

– Ты на стадион не пойдешь. Если мы будем в гетто, может, сможешь иногда помочь нам отсюда. Береги себя. Вот тебе часики золотые, выменяй на хлеб. Молюсь, чтобы ты выжила и увидела папу...

Это были последние слова, которые я слышала от своей мамочки!

Я надела свою сорочку – вышиванку, повязала голову платком, сорвала с курточки блестящие пуговицы, пришила черные, – чтобы меньше привлекать внимание, – натянула на ноги здоровенные (не по размеру) ботинки – что было в доме! – и с наступлением темноты ушла из города. Через двадцать километров дорога привела меня в село. Крайняя хата в селе стояла в вишневом садике. Такая мирная живописная картинка! Пришла я к добрым людям. Увидели меня:

– Что с тобой, дитина? Щотрапилось? Спрячемо на нич... («Что с тобой, ребенок? Что случилось? Спрячем тебя на ночь! – Прим. ред.»)

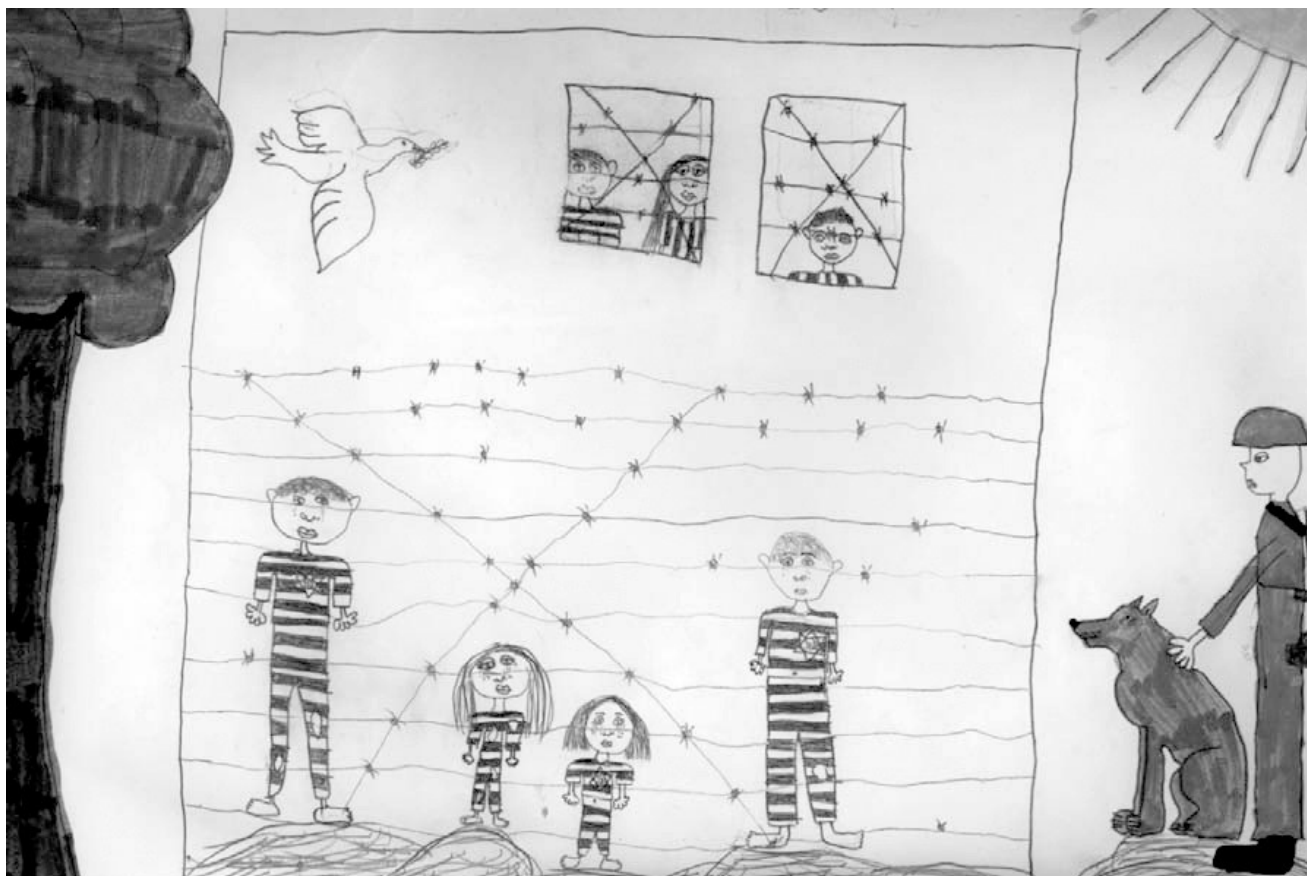
А утром «дядько» Сидор пошел «до миста» узнать в городе, какие новости. Когда пришел, стало понятно, что новости страшные. Все евреи были убиты на краю трех огромных рвов. Каждый длиной около тридцати и шириной около десяти метров. Стреляли в них почти в упор. Земля шевелилась на месте расстрела еще несколько часов. «Дядько» Сидор сказал, что выжили около двадцати мужчин, которых немцы оставили для работы как специалистов...

Находиться в доме, приютившем меня, было опасно. Узнают фашисты – сами или по доносу соседей – всю семью убьют. Надо уходить. И вновь я в ночных полях, иду одна почти босиком по снегу, по стерне. Как перекасти-поле, – от села к селу. Днем идти нельзя. Вокруг полицаи, немцы. Отсиживаюсь в лесах. Ночью – в дороге. Турбов, Прилуки.... Вот, наконец, Старгородок! Дождливым вечером пробралась в дом тети Песи.

Меня – сироту – обогрели, накормили и рассказали новости. Всех евреев переселили в гетто – на одну улицу, где в дома набили по 10-15 семей! По утрам гонят, как рабов, на работу.

За пределы гетто выходить нельзя. Ночью выходить из дому нельзя!

Однажды ночью Песя вышла из дома и сразу получила пулю. Ей прострелили бедро правой ноги. Домой она приволокла свое тело, ползя на четвереньках. В Старгородском парке была больница и врач хороший – Слободянюк. Но ему было запрещено оказывать помощь «юден»! К нему из Чернигова приехала в гости сестра, да и застряла из-за войны. Она-то и пробралась к нам ночью в гетто, чтобы помочь Песе: вытащила пулю, обработала рану, назначила лечение.

«За забором гетто». Рис. Лорен Лемашова, 10 лет.

Зловещее утро 4 июня 1942 года. В шесть утра гетто было окружено. Прибыл специальный карательный отряд. Пошли по домам. С криками, угрожая оружием, выгнали всех на улицу! Безумие!

Кто – то пытался спрятаться в погребе, кто – то сопротивлялся...

Я успела натянуть на себя свою украинскую сорочку, юбку; на шею надела крестик – и на черный ход. Уже выходя из дому, получила прикладом по голове и кубарем скатилась с высоких ступенек. Втолкнули меня в уже образовавшуюся на улице колонну. С двух сторон – полицаи. Я подхожу к одному, говорю:

– Меня за что сюда? Я украинка! – показываю на сорочку, на крестик.

– Стой коло мене! Жидив побьют, разберемося...

Стою я рядом с ним, всех гонят мимо нас к зданию школы. Сестра Рива увидела меня и кричит на идиш:

– Попроси, чтобы он тебя отпустил! – «мой» полицай был ее бывшим одноклассником.

Я виду не подаю, ведь сказала, что я украинка, – шла в село искать работу...

Все население гетто согнали между тем в школу. Затем оттуда – к готовым ямам. Бросали в ров и живых, и убитых... Земля сутками двигалась от человеческих душ...

Меня же забрали в полицию. Обнаружила я себя в камере. Посмотрела на свои разбитые в кровь ноги и руки и только тогда вспомнила, как летела по

ступенькам, как били прикладом. И вот сижу и казню себя страшно: зачем затеяла эту историю! Сейчас будут пытаться, лучше было бы погибнуть вместе со всеми.

Открывается окошко камеры.

– Ты кто?

– Я дочка сестры Слободнюка...

Ожидание длилось невероятно долго. Наконец, – видимо, пока ее привезли, – открывается окошко. Она заглянула в камеру. Что сказала полицаям, я не слышала. Но я ей крикнула в темноту:

– Тетенька, вы что, меня не узнали?!

Сейчас, думаю, будет очная ставка!!!

Вдруг дверь в камеру через несколько минут открывается, и я слышу:

– Иды... Иды до дому!

Нет, я не верю своим ушам!

И бежать из местечка. Опять полями, огородами, проселочными тропинками.

Встречала порой людей:

– А що, жидив бьють?

– Не знаю, я там не була...

Снова село – Погребище. Стучусь в знакомую хату, прошусь (в темноте, чтоб соседи не видели):

– Пустите переночевать!

Одинокая женщина пустила.

– Спать пойдешь на горище. А утром – пойдешь отсюда. Но до того – вычешь мне голову, вшей полно!

Весь вечер я была ей вшей. На рассвете – в дорогу. Прочь от Старгородка! Круг замкнулся. Я в Виннице. В городе, где родилась и прожила свои шестнадцать лет до того, как грянула война...

Из прошлого выныриваю в настоящее, услышав гортанные крики:

– Курка? Яйка? – никого в город не пропускают, не отобрав у сельских провизию. На входе в город немцы шарят в торбе.

У меня отбирать нечего!..

Шева Портная

Родилась в Виннице. После войны закончила Одесский технологический институт. Инженер-технолог пищевой промышленности. 30 лет проработала в Винницком областном управлении хлебопродуктов.

Двое детей, четверо внуков.

Живет в Ришон ле-Ционе.

ХАЯ РОЙТМАН

НЕСЛАДКОЕ ДЕТСТВО ВОЙНЫ

**Хая Ройтман в первые
послевоенные годы**

Ах, война, война! Что ж ты, подлая, сделала! Почти уничтожила мой народ, жгла его в печах, закапывала во рвах, топила в реках, убивала на фронтах, в партизанских отрядах, в подполье...

Но сегодня мне хочется рассказать о нас, чьи годы были далеко не безоблачными. О тех, кто пережил голод, холод, бездомье, кого родители сумели спасти из огня бомбардировок, подарив нам вторично жизнь.

Ох, несладкое же выпало нам детство! В сорок первом мне было всего пять лет. Жила я безмятежно в еврейском городке Бельцы, в Бессарабии, в доме бабушки и дедушки. Двадцать второго июня разрывы бомб выгнали нас из дома на улицу, – никто не понимал, в чем дело!

Бабушка взяла ключи, закрыла дверь дома и увела нас в чистое поле. Назад возвращаться было уже неку-

да: город горел, огненный шлейф тянулся по всему небу.

Мы уходили на юг, в сторону Кавказа. Я бежала, держась за маму, а у неё на руках был мой маленький братишка.

Телеги, товарные платформы, кюветы и рвы, в которые кидались люди при команде «Воздушная тревога!»...

Кадры мелькают в памяти, как фрагменты фильма ужасов.

Мы на пристани в Баку. Лежа на песке, люди ждут возможности переправиться в Среднюю Азию на каком-то старом судне. Дедушка, не выдержав испытания, скончался. Умер на маминых руках и маленький Давидка.

Потом – узбекский аул. Здесь нас разместили в мазанке у местного жителя. Вода была из прорытых через аул арыков. Наступила зима. Таких снежных зим не знала, наверное, эта земля! Мазанку засыпало снегом выше крыши. Мы сидели в центре, грелись у огня и ели черепах, макуху (жмых хлопковых стеблей и коробочек). Здесь умерла бабушка. Остались я и мама, вдвоем.

Мама устроилась работать в пошивочном цехе. Здесь шили для фронта теплую одежду. Цех стал моим домом – я спала здесь же, на только что сшитых телогрейках. Это помогало не замерзнуть. А рабочие подкармливали меня кто чем мог.

Вскоре я пошла в школу. Самым замечательным подарком для меня стали ручка с чернильницей и тетрадь!..

Несмотря на наше военное детство, послевоенную голодную и холодную юность, наше поколение выросло любознательным, работоспособным, не пасующим перед трудностями. Мы знаем цену хлебу насущному. А потому, когда видишь после шабата кульки хлеба и пит у мусорных баков, когда дети футболоят по тротуару булки и пирожки, вспоминается наше военное детство...

Хая Ройтман (1935-2013)

Родилась в Молдавии в 1935 году, в городке Бельцы. После эвакуации, вернулась в родной город в 1945 году. Закончила педагогический институт, десятки лет проработала учителем немецкого языка. В 1991 году репатриировалась в Ашдод.

ЛЮДМИЛА РЯШЕНЦЕВА-УМАНСКАЯ

РЫЖИЙ КОНЬ

ЛюдочкаРяшенцева.
1943 год. 6 лет.

Мне было три года, когда началась война. Фашисты бомбили Ростов – на – Дону. Как рассказывала мне мама, был теплый солнечный день, играющие во дворе дети...

Вмиг все изменилось. Черное от фашистских бомбардировщиков небо, залитые кровью улицы. От воя самолетов и разрывов бомб люди бросились к своим домам. И я, встав на четвереньки, как маленькая собачка, припадая животом к земле, поползла к двери нашего дома...

А вот звук сирены среди ночи я помню уже сама и не забуду до смерти. Из тарелки, висящей на стене, звенел голос:

– Граждане, воздушная тревога. Воздушная тревога!

Мама выхватывает меня из теплой кровати, заворачивает на бегу в одеяло и несется в бомбоубежище, а я скулю от холода и страха:

– Ну зацем эта ладива? Его нада выключить и выбросить!!!

А потом была эвакуация. Тогда уже началось мое военное осмысленное детство.

Беженцы уходили из города вместе с отступающими войсками. Наш нехитрый скарб умещался на телеге, которую тащили две лошади. Мама и бабушка шли пешком. Меня же иногда пристраивали среди своих или чужих узлов на телеге. А порой меня нес на руках усатый солдат, угощая булкой и объясняя моей маме:

– В мэнэ дома дочка така ж, як твоя!.. (– «У меня дома дочка такая же, как твоя!» – укр. – Прим. редактора).

Шли то лесом, то полем. В лесу отдыхали. А в поле нас бомбили. Крик:

– Воздух!!! – и все падали на землю. Мама прикрывала меня собой, а я пыталась высунуть голову, чтобы увидеть, куда летят эти страшные черные кляксы... Одну из лошадей убило. Солдаты гнали нас от себя:

– Уходите, они видят солдат, вот и бомбят. А вас, мирных людей, трогать не будут!

Потом – теплушки, вновь – бомбежки...

Запомнился больше всего один случай. Он потряс меня тогда.

Мы, толпа беженцев, шли за телегой, где сложены были пожитки. Вошли в совершенно пустое село: видимо, жители и войска оставили его после недавнего боя. Мама крепко держала меня за руку. Непривычная тишина пугала. И тут я увидела у обочины коня. Красивый, рыжий... Конь – единственное живое существо в деревне – спокойно стоял, покинутый всеми. Вокруг – только сгоревшие хаты...

Когда мы подошли ближе, я увидела, что по морде коня текут слезы. А в глазах было столько тоски и боли, что это дошло даже до трехлетнего ребенка!

Мама тащила меня за руку, пытаясь быстрее увести вперед, подальше от животного. И только тут я увидела, что в боку коня зияет огромная рана. Бок просто вырван, видны осколки снаряда. Я закричала, забилась в руках мамы, представляя, как же ему больно!

Эта картина часто встает перед моими глазами. Конь, обреченный, умирающий, стоящий среди разрухи, – остался навсегда символом жестокой и беспощадной войны...

Эвакуация запомнилась мне не страхом смерти (когда рядом мама, ребенку, наверное, не так страшно!), а постоянным чувством голода и ощущением неуютта, потерянного родного дома. Сегодня нас называют детьми Катастрофы. Только я думаю, что Катастрофу пережили не только мы. Катастрофу пережили наши родные – мамы, бабушки... Им нужно было не только выжить самим, но и спасти, сохранить нас, несмышленишей, голодных и холодных.... От этого их бедные сердца разрывались!

Людмила Ряшенцева-Уманская

Родилась в 1938 г. В 10 лет попала в г. Грозный. Там закончила школу, институт, вышла замуж, работала учителем литературы и французского языка. Во время чеченской войны потеряла мужа и сына – врача, которому было 34 года. В 1999 году с младшей дочерью репатрировалась в Израиль, в г. Ашдод.

ИДА СЛОБОДЕР (ДЖОХАДЗЕ)

«УРР-РА! МОЙ ПАПА ТОЖЕ ВОЕННЫЙ!!!»

Родилась и жила я в Одессе. У меня с братом были папа, «пять мам» – моя мама, четыре незамужние папины сестры и бабушка. Так что росли мы в атмосфере любви, и были детьми избалованными.

К началу войны я была пятилетней девочкой, брату исполнилось девять. Помню, как, бегая во дворе, мы встречали почтальона, узнавали у него, кому повестка – призыв на фронт – и с криками «Ур-РРА!» гурьбой неслись в указанную квартиру поздравлять новоиспеченного солдата... А моему папе повестка не приходила, а я так ждала и каждый день жаловалась, что у того и у другого из моих друзей папа уже военный, «а мой папка – еще не военный!!!» На что получала один и тот же ответ:

– У папы больные ноги, на фронт его не возьмут.

Но все же мой день настал! Я дождалась!

Пришел почтальон и спросил номер нашей квартиры. Я взлетела на второй этаж с криками «УР-РРА!!! Мой папа тоже военный!!! Мой папа идет на фронт!!!

Я увидела сразу всех взрослых – «мамы», бабушки, тети, и у всех на глазах слезы. Я не понимала, отчего они плачут?! Тут же я получила тумака по голове от своего старшего братца:

– Дура! – однозначно сообщил он. И тоже заплакал, и я вместе с ними: «Ну почему же я – дура?!»

Папа уходил на фронт добровольцем. Он позаботился о том, чтобы мы, отправлявшиеся с папиным заводом на Урал, выплыли из Одессы не теплоходом «Ленин», как было решено сначала, а обменяли билет на теплоход, выходивший из Одессы на день раньше. Так он мог отправить нас в дальнюю дорогу.

Мы благополучно доплыли морем до Новороссийска. Теплоход же «Ленин», на который у нас были билеты, попал под немецкую бомбежку и затонул со всем экипажем и пассажирами...

В КОЛХОЗЕ

В Новороссийске нас уже ждал железнодорожный состав-товарняк. Мы попали в предпоследний вагон эшелона. В каждом из вагонов было пять-шесть семей. Кушать было нечего. Взрослые терпели молча, но дети не понимали ситуации и просили еды. Тогда несколько женщин, в том числе, и моя мама, собрали всех детей вагона. Каждая вынула остатки пищи, и все это богатство поделили поровну между нами. Ели мы прямо на полу вагона и с таким удовольствием, что из корок сухого хлеба не потерялось ни единой крошки!

Недалеко от Новороссийска дорога проходила по лесному массиву. Вдруг – налет! Три бомбы попали в железнодорожный состав. Из всего эшелона остался лишь наш и последний вагон. В остальных – полно раненых.

Как раз в лесосеке вдоль дороги работали на заготовке дров на зиму колхозники. Они-то и пришли нам на помощь. На подводах повезли в ближайшее село. Это был колхоз, единственными работниками и жителями которого были женщины, старики и дети. Все мужчины ушли на фронт. Лишь председатель колхоза остался – это был пожилой уже мужчина на костылях.

Разместили нас по домам, по семьям. Мы попали в семью, где жила бабушка и молодая мама с грудным ребенком. Была у них в хозяйстве корова. Молоко сдавали в колхоз, и то, что удавалось надоить больше нормы, оставалось на пропитание. Каждый день мама получала от нашей хозяйки пол литра молока – для меня и для бабушки. Все остальные члены семьи, включая десятилетнего брата, пошли работать в колхоз. Меня же отдали в детский сад.

Что запомнилось? Кормили раз в день. На большой стол в обед ставили таз с какой-то кашей. У детей были деревянные ложки, и все лезли в этот таз за едой. Я была мала, и добраться до каши мне не удалось. Осталась голодной. Понятно, что назавтра в садик я идти уже не хотела. Как я ни вырывалась, ни плакала, а в сад меня все же отвели. Наверное, о вчерашнем «голодном опыте» кто-то рассказал воспитательнице. Только в обед меня посадили в углу отдельно и дали отдельную мисочку с кашей.

Если у колхозников было какое-то пропитание с огорода, то у таких беженцев, как мы, еды не водилось. В колхозе давали за работу чуть муки или зерна. За кражу даже пригоршни зерна можно было угодить под суд! Брат мой, работавший в конюшне, как-то наелся с голодухи овса. Заболел, поднялась температура...

Наш дом выходил фасадом на главную деревенскую площадь. На этой площади разбили цыгане табор. Несколько кибиток, повозки, лошади, полно детворы, грудные дети... Однажды молодая цыганка с грудничком постучала в нашу дверь. Мама открыла. Цыганка просила молока, но мама ответила, что в доме она не хозяйка, так что распоряжаться чужими продуктами не имеет права.

Цыганка разозлилась и пригрозила маме:

– Ты об этом еще пожалеешь!

Вскоре табор стал собираться в дорогу. Все подводы запряжены, кибитки выстроились перед отправкой. Нам, детям, все это было страшно интересно, мы крутились рядом, наблюдая за сборами.

– Эй, детвора, кто хочет покататься?! – бросила в нашу сторону цыганка.

Понятно, что хотели все! Но цыганка выбрала меня. Усадила на последнюю повозку. Я сидела спиной к лошади, свесив ножки вниз с телеги. Табор тронулся и стал набирать скорость. Тогда только дети сообразили, что меня увозят, и подняли крик. А я была счастлива!

Вскоре за повозками цыган бежала толпа – и взрослые, и дети, и моя мама. Кричали, чтобы цыгане остановились. Но никто не обращал на них внимания! Мама кричит мне:

– Прыгай! – Я плачу, тяну к ней ручки, но прыгать боюсь!

Мама сделала еще один рывок и почти нагнала повозку. Я потянула к ней руки и ноги, и она буквально выдернула меня из повозки за ногу. Я отлетела на обочину на несколько метров. Лежу и молчу. Вокруг собрался народ, а я молчу. Мама испугалась, что ребенок «убился», но тут, спустя несколько минут после падения, я заголосила. Ни синяков, ни царапин на теле не было, но страшно болели и спина, и ноги. Меня домой несли на руках. Через несколько дней все забылось. А вот через много лет я лишилась ног...

СНОВА В ПУТЬ!

Немцы подходили к нашим местам. Семья вновь собралась в путь. Кто-то довез нас до станции, где на две минуты останавливался поезд. Мы еле успели погрузиться в вагон. Конечно, билетов ни у кого не было. Мама и тети снимали с себя сережки, оставшиеся украшения... Доехали до города Пермь. А здесь уже холод, снег... Мы же выезжали из Одессы, как нам говорили, «максимум на два месяца» – никаких теплых вещей с собой! Одна из папиных сестер чудом смогла прикрепить нас к офицерской столовой. Она находилась на другом краю города. Нужно было физически появиться там два раза в день – утром на завтрак и в обеденное время. «На вынос» еду не давали. Пришел – поел, нет – оставайся голодным.

Нести меня через весь город было уже тяжело – шестилетка. А на ногах у меня – все те же сандалики, другого ничего достать было нельзя. Все вещи, какие было возможно продать или обменять, ушли на пропитание! Ножки мои от холода покраснели, распухли и болели. Я ревела и отказывалась идти в столовую через всю Пермь!

Тогда мама набралась решимости и пошла прямо к начальнику столовой. Она просила его разрешить её, мамину, порцию вынести из столовой для больной, оставшейся дома, дочери.

Маме повезло встретить хорошего человека. Он разрешил ей поесть самой и взять порцию домой для меня. Кроме того, предложил работать в столовой посудомойкой. Мама, конечно, согласилась!

Военных кормили неплохо, так что на столах оставались остатки еды, хлебные корки. Мама собирала их и наказывала мне с братом обходить соседние бараки с беженцами, чтобы поделиться с ними едой. Каждый день к дверям столовой приходила сухонькая старушка с кулечком мелких и очень кислых яблок. Их называли «дичкой». Солдаты иногда покупали у бабушки яблочко, давая ей взамен деньги. Порой мама давала нам кулечек с едой и говорила,

чтобы мы пошли к бабушке и обменяли на яблочко себе. И если мы приходили за яблоком повторно, то мама сердилась:

– Вы уже ели сегодня. Вот вам пакет с корками – отдайте бабушке, а яблочки раздайте детям в бараках!

Мы на маму сердились, но наказ её выполняли.

ШКОЛЬНИЦА

В 1943 году я пошла в первый класс. Учеба в пермской школе оставила у меня тяжелые воспоминания. С нами – детьми-беженцами – мало кто дружил. Мы были бедные, голодные, неухоженные, «дикие». Иногда, проходя мимо стайки местных детей, можно было услышать озлобленное или презрительное: «Понаехали!»

Однажды одноклассница попросила у меня карандаш. Она хотела не попользоваться им, а забрать себе, насовсем! А у меня был единственный карандаш. И я, конечно, его не отдала.

– Зачем он тебе нужен? Жидовка?! Понаехали сюда...

Слова «жид» я до этого не слышала. Не знала, что оно означает. НО так, КАК это слово было брошено, не оставляло сомнений в том, что это что-то нехорошее, постыдное.

В ответ я стукнула обидчицу пеналом. Та в крик, в слезы. Маму вызвали к директору. Мама работала, так что со мной пошла тетя.

Мама обидчицы задавала во встрече тон и требовала от учительницы, чтобы меня выгнали из школы. Тетя слушала эту перепалку молча, а потом громко сказала:

– Инночка! Если тебе еще когда-то кто-нибудь скажет слово «жид», то бей! И не один раз, а много!

В Перми я проучилась всего полгода, потому что 10 апреля 1944 года освободили Одессу, и мы отправились на родину.

Во втором полугодии я уже пошла в первый класс одесской школы. Помню, что на большой перемене учительница шла по проходу между партами и на салфеточку клала рядом с каждым школьником малюсенькую булочку и две чайных ложки сахара... Ой, как же это было вкусно!!!

За партой со мной сидела девочка по имени Флора. Она была постоянно голодна и буквально обсасывала «сахарную бумажку» после перемены. Однажды она спросила меня, варят ли у меня дома картофель.

– Конечно, бабушка готовит обед, – простодушно ответила я.

– Приноси мне лушпайки (картофельные очистки – прим. редактора)! – попросила Флора. Мы с мамой были в Одессе под немцами. Картофельные лушпайки нас от голода спасали. Знаешь, как за них дрались!?

МОЯ ЛЮБИМАЯ КУКЛА

Вернувшись в Одессу, мы застали наш дом по улице Карла Маркса, 44 полуразрушенным. В него попала бомба, так что для жилья он был непригоден. Но так как жилья не было никакого, то часть наших бывших соседей «полуподпольно» продолжали жить там.

Они-то и рассказали нам о судьбе моей любимой куклы.

Её из командировки в Москву привез мне перед войной папа. Подарок был роскошным – огромная, в мой рост, говорящая и почти совершенно «настоящая» кукла! Я так плакала, когда мне сказали, что в эвакуацию мою любимицу взять нельзя!

– Оставь, дочка, через два месяца все равно вернемся! Кукла подождет тебя в шкафу.

И куклу поставили в шкаф, закрыв дверь.

Когда немцы ворвались в дом, они искали не только людей, но и ценные вещи, драгоценности. В нашей квартире раскрывали все ящики, шкафы... И вот, внезапно, на фрица, открывшего дверь шкафа, падает кукла! От испуга он изрешетил её из своего автомата в крошки, а потом вместе с товарищами в отместку и со злости ходил по квартире и крушил все вокруг!

Ида Слободер (Джохадзе)

Родилась в Одессе 28 декабря 1935 года.

Закончила Одесский технологический институт им. Ломоносова, инженер-технолог. Работала на целине.

С 1994 года живет в Израиле.

ЕЛИЗАВЕТА СМОТРИЦКАЯ (ГВОЗДОК)**НАШ ПАПА ПРИЕХАЛ!**

В первые же дни войны папу забрали на службу в военную разведку. Старший по двору собрал всех жильцов и сказал, чтобы паковали вещи и увозили детей в эвакуацию. Немцы наступают.

Привезли на вокзал, посадили в теплушку и... поехали мы в никуда. Направление было неизвестно никому из нас. Когда начиналась бомбежка, мы с младшей сестрой прятались под вагонами от пулеметных пуль, которыми нас расстреливали с самолетов:

– Лиза, куда ты меня тащишь?! – кричала двухлетняя сестричка.

Что я, четырёхлетняя девчонка, могла ей ответить?!

Дальше – жизнь в Сибири. Помню, я вырывала у мамы изо рта вываренную просяную шелуху, которую она жевала. Мне хотелось хоть как-то приглушить жестокое чувство голода.

– Мама, мне, дай мне! – упрашивала я её. Мне шел тогда шестой год.

Не раз случалось, когда казанки с просяной кашей, которые мама готовила для нас, были украдены врывавшимися в дом подростками. Чтобы избежать этого, детей сажали рядом с печкой, чтобы, если опять ворвутся грабители, можно было позвать на помощь старших. Шуму наделаешь – убежали.

Затем был Ташкент. На второй день по прибытии мама заболела крупозным воспалением легких. Нас, сестер, было четверо. Младшую забрала бабушка, старшую – папины родители, а меня с младшей сестренкой сдали в детский дом.

Там ухаживали за нами очень хорошо: одевали в американские вещи, кормили американской жвачкой. Что это значит? На день выдавали пайку – 50 граммов хлеба и 3-4 пластинки жевательной резинки, полученные по «ленд-лизу». Их сладковатый вкус надолго оставался во рту.

Из-за того, что еды не хватало, мне приходилось часто наведываться на двор, где были козы. Их кормили очистками от картофеля, буряка, морковки. Я была коз по морде, чтобы успеть выхватить у них из – под носа дорогое угощение. Была я смелая: ставила «на шухер» других детей, а потом вместе с «охраной» мы отправлялись обдирать очистки стеклышками, промывали их под проточной водой и этим питались. Так продолжалось года три. Сестра стала дистрофиком, и я отдавала ей часть своей хлебной пайки.

Однажды воспитательница бежит с криком:

– Дети Смотрицкие, ваш папа приехал!

Смотрю на Галю (моя сестричка) – никакой реакции.

– Галя, слышишь, папа приехал?!

Воспитательница подхватила нас и повела в приемную. Папа сразу с фронта приехал в детдом, чтобы забрать нас.

Я увидела папу, мы расцеловались, и... я тут же упала в обморок. Закружилась голова... Потом привели в чувство. Я убедилась, что это – папа. Родной... Галя так и не вспомнила отца, осталась безразличной.

Папа вернулся с фронта в одной паре галифе. Тетя Бетя, мамина сестра, их постирала, развесила просыхать. А ночью их украли. И вот лежит папа в постели, прикрывшись простыней, а встать не может. И одеть больше нечего! Папа впал в депрессию... Так и пролежал в постели два дня. Потом ходил, обмотанный простыней, по квартире. Только через четыре-пять дней Бетя купила ему новые брюки. Для отца и для всей семьи история с галифе была настоящим шоком – денег на покупки не было!

Больше мы не разлучались. Дома ждала мама, привезли и двух наших сестричек, воспитывавшихся у родственников.

Елизавета Смотрицкая (Гвоздок)

Родилась 27.12. 1937 года в Никополе. Окончила школу, работала, училась параллельно в торговом техникуме, затем закончила Институт советской торговли. Всю жизнь проработала директором магазина.

В 1997 году репатриировалась в Израиль. Живет в Ашдоде.

ВЕНИАМИН ТОПОР

ПУТЬ В ДЖАНКОЙ

Ровно 15 лет исполнилось мне, когда началась Великая Отечественная война. В то время наша семья проживала в небольшом еврейском местечке Каушаны (Молдова), еще недавно находившемся под властью Румынии.

Меня с родителями и бабушкой посадили на подводу, запряженную двумя упитанными лошадьми, и повезли в неизвестность. С собой взяли самое необходимое, как тогда казалось: одежду, полотенца, чашки, ложки. Получилось два-три полных мешка.

По дороге нас сопровождало людское горе: люди – в основном, женщины, дети и старики, – бежали вместе с нами от верной гибели – на Восток, в надежде выжить. А немецкие самолеты поливали их сверху из пулеметов – пулями, из люков – бомбами... Дети орали, женщины плакали, а старики молили Б-га, чтобы (как ни странно

это звучит сегодня!) «отец всех народов – товарищ Сталин – в Кремле был здоров и долго жил»!

На каком-то разъезде в Украине подводы были оставлены, так как дальше в тыл нам необходимо было добираться по железной дороге. Нас пересаживали с поезда на поезд. Однажды, дожидаясь очередной пересадки, мы заночевали в каком-то садочке.

Ах, эта летняя крымская ночь, напоенная морской влагой и насыщенная разнотравьем! Я спал на мягкой сочной траве, подложив под голову вместо подушки мешок с пожитками, которые успели захватить с собой. Детский сон всегда и везде крепок, сладок. Даже сновидений не видел я в ту тихую теплую ночь. А утром обнаружил, что мешок разрезан, и часть вещей украдена.

Но это был сущий пустяк по сравнению с тем, что предстало перед нашими глазами: рельсы оказались разобраны, и дальнейший путь для нас был отрезан.

Среди эвакуированных началась паника. Говорили, что не сегодня-завтра придут немцы и всех нас расстреляют. И в то же самое время мы обнаружили, что наш отец исчез! Он буквально испарился! Как мы ни искали его, найти не могли. Как выяснилось впоследствии, он просто оставил семью, так как работать не мог, считал себя лишним и бесполезным ртом, да и думал, наверное, что так спасется в этом военном пекле.

Но несколько мужчин организовались, отправились в ближайшую деревню за помощью. В итоге, к вечеру того же дня, рельсы были снова уложены, и мы, несколько десятков человек, двинулись в теплушках в путь. И путь этот стал для нас кошмаром. То, что сейчас показывают в фильмах о войне, я, мальчишка, видел собственными глазами. Немецкие самолеты летели на низкой высоте, расстреливали и бомбили эшелоны.

И вновь дети орали, женщины рыдали, а старики молили Бога, воздев руки к небу, чтобы пули и бомбы не попали в живую мишень, чтобы мы остались в живых!

...С благодарностью вспоминаю, как помогали нам, беженцам, по пути в Джанкой. В тыл, подальше от пламени войны, нас везли товарные поезда. В перерыве между бомбовыми налетами нас сопровождали, кормили, поили, а в некоторых эвакуационных пунктах даже помогали денежными пособиями.

Вениамин Топор

Родился в Молдавии 26 апреля 1926 года. Принимал участие в строительстве оборонительных сооружений под Сталинградом, был тяжело ранен и эвакуирован в Самарканд. После окончания техникума работал зоотехником, бригадиром в совхозе. Репатриировался вместе с семьей в 1993 году. Живет в Ашдоде. Трое детей, 6 внуков и 5 правнуков.

ЕЛЕНА ТОРОПОВА (ФЕЙМАН)

ПРИКАЗАНО – ВЫЖИТЬ!

Отец прямо с работы был призван на фронт. Наша большая семья должна была бежать из Минска. Собрались все: бабушка, дедушка, мама, две её сестры, мы с братом, наша старшая двоюродная сестра.

Дальше воспоминания отрывочные: помню бомбежки, какой-то автобус, немцы....

Погибли мама и брат.

Добрались как-то до Сталинграда в середине войны. Боев уже не было, – Сталинград освободили. Помню разрушенные, черные – без окон – дома, приютившие нас, ставшие нашим жильем. Помню, как везли на санках гробы.

К лету всех беженцев разместили в военных палатках. К тому времени из всей большой семьи остались в

живых лишь я, бабушка и двоюродная сестра.

В 1944 году моя сестра прибежала в палатку и зовет:

– Пойдем, пойдем скорее! Твой папа приехал!

Она много раз разыгрывала меня таким образом. Так что в этот раз я ей не поверила.

– Клянусь!!! Твой папа!

Я вышла – идет навстречу мужчина на костылях. Я его не помнила, но бабушка папу узнала, и я поверила.

– Поедем, дочка, в Москву!

– Ой, не хочу! – я боялась уезжать от бабушки.

Папа рассказал, что узнал о нас случайно. После тяжелого ранения в живот он лечился в госпитале. Как – то пришел в гости к дальним родственникам. А там говорят, что из всей семьи Хейман в живых осталась лишь маленькая девочка. Папа упал в обморок.

С тех пор он начал меня искать и нашел!

Когда приехали в Москву, папа через какое-то время женился.

У меня не было никаких документов. Отправили на обследование. По заключению комиссии, мне, истощенной войной и переездами, нельзя было дать больше четырех лет. Хотели направить в санаторий, но я – в плач:

– Никуда я от вас не уеду!

Елена Торопова (Фейман)

Родилась в Минске в 1939 году. Получила высшее инженерное образование. Работала в конструкторском бюро в проектно-отделе ЗИЛа. Есть дочь и сын.

Репатриировалась в 1993 году.

Живет в Ашдоде.

АВРААМ ФАЙНБЕРГ

НЕЗАБЫВАЕМОЕ!

Авраам Файнберг в до блокадном Ленинграде (1939 г.) играет на музыкальном «треугольнике» в детском санатории «Удельное»

Жизнь каждого человека развёртывается во времени и пространстве – в системе координат определённой эпохи. В моей судьбе незабываемыми оказались легендарные дни и ночи ленинградской блокады. ...

Блокада Ленинграда продолжалась свыше двадцати восьми месяцев с 8 сентября 1941 года до 27 января 1944 года.

Со мной навсегда остались мои переживания – впечатления подростка, которому шёл двенадцатый год...

Я выжил в самый страшный период 1941-1942 годов, который унёс наибольшее число жизней. На моих глазах погибали люди от голода, холода, болезней, бомбёжек, артиллерийских обстрелов, пожаров. Я привык к ежедневному пиршеству смерти.

То, что в иных обстоятельствах потрясло бы, для блокадников стало бытом. Притупленность восприятия – защитная реакция человеческого организма в затяжные периоды лишений. Оттого не сумею рассказать всё. Но и сохранившиеся крупинки воспоминаний, надеюсь, важны для потомков.

ЖЕСТОКОЕ МЕНЮ БЛОКАДЫ

В сентябре 1941 года фашисты разбомбили Бадаевские склады, в которых хранились главные продовольственные запасы. Старые здания с деревянными перекрытиями горели, словно гигантский костёр. Запасов продуктов в Бадаевских складах хватило бы на случай осады. Склады сгорели. Десятки тонн пропитанной сахаром и маслом земли промывали на кондитерских фабриках, делая леденцы. Горожане рыли и ели эту землю, запивая водой.

Для ленинградцев главным источником информации являлось радио. Крутые чёрные репродукторы – «тарелки» имелись в каждой семье. Радиоприёмники население обязали сдать. Сохранивший приёмник рассматривался как диверсант. Радиопередачи изо дня в день поддерживали боевой дух осаждённых. Мама до позднего вечера работала. Я лежал, обессиленный, один в комнате и слушал радио.

Ослабевшие жители с жёлтыми лицами и остекленевшим взглядом передвигались, наклоняясь всем корпусом вперёд, тяжело переставляя ноги. Первыми умирали сильные, крупные мужчины, которым требовалось много пищи. За ними дети. Наиболее выносливыми оказались худощавые старушки, привыкшие к экономному питанию.

Ещё в августе 1941 года ввели продовольственные карточки – разного цвета для различных продуктов. Продавщицы ножницами отрезали талоны с напечатанными названиями продуктов и сроками отоваривания. Просроченный талон терял силу. Вместе с карточкой предъявлялся паспорт. Нормы выдачи несколько раз менялись. Наименьшая суточная норма составила с 20 ноября 1941 года двести пятьдесят граммов хлеба на рабочего и сто двадцать пять граммов на служащего, иждивенца и ребёнка. Хлеб наполовину состоял из ржаной муки и наполовину из смеси целлюлозы, жмыха, солода, отрубей и мельничной пыли. В итоге получался кусочек тяжёлой, серой, липкой массы. Потеря карточек означала неизбежную смерть. А с каким наслаждением мы, мальчишки, грызли твёрдые кусочки «дуранды» – подсолнечного жмыха, – как это казалось вкусно!

Бывало, голодные подростки вырывали в магазине хлеб у старушек и тут же запихивали в рот. Разъярённые женщины избивали виноватых, но чаще бесильно плакали, проклиная Гитлера.

Рис. Борис Есельсон

Ели собак, кошек, голубей, ворон. Мне довелось есть кошачье мясо, которое оказалось светлым, жёстким, безвкусным. В конце двадцатого столетия благодарные блокадники-ленинградцы в центре города на улице Малой Садовой, неподалёку от Невского проспекта, поставили памятник Неизвестной кошке.

До войны любимицей нашего двора была большая собака. Малыши садились на неё верхом, зимой запрягали в санки. В блокаду и она пошла в пищу хозяевам.

Долгое время мама хранила как неприкосновенный запас баночку с вишневыми косточками. Но и их раскололи и съели. От цинги спасались с помощью хвои. Дробили её и пили настой. Непрестижная профессия продавщицы овощного магазина оказалась для моей мамы (вдовы репрессированного) во время блокады удачной. С усилением голода получение продуктов по карточкам превратилось в проблему, а продавцам отовариться легче. Контроль за отпуском продуктов установили жесточайший. Всякое злоупотребление каралось по законам военного времени...

*(Публикация вдовы автора,
Ольги Файнберг, из книги «УРОКИ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ БЛОКАДЫ»)*

Авраам Файнберг (1930-2010)

Член Союза писателей Израиля и Союза художников СССР, Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан, академик Израильской Независимой Академии развития наук. Житель блокадного Ленинграда. Автор 25 книг, в том числе «Уроки Ленинградской блокады» (2008). В Ашдоде проживал в 1995-2010 гг. до своей кончины – светлая ему память!

Рис. Борис Есельсон

ОЛЬГА ФАЙНБЕРГ (ХАЙКИНСОН)

ИЗ ОСАЖДЕННОЙ МОСКВЫ — В ДЕРЕВНЮ ПАНОВКА

В начале июня 1941 года наша семья, как обычно летом, сняла дачу в деревянном деревенском домике подмосковного посёлка Лианозово. Мне было пять лет, и жили на даче, в основном, я и одна из моих бабушек

В солнечный воскресный день 22 июня я встала пораньше. Бабушка Малка уже приготовила завтрак, и мы ожидали прибытия моих родителей, по которым я успела соскучиться.

В это утро в посёлке былолюдно. К многочисленным дачникам присоединились гости. Было шумно, тут и там раздавались звуки патефона. Вдруг всё стихло. Казалось, и птицы перестали щебетать. Все взрослые сгруппировались возле телеграфного столба с «тарелкой» огромного черного репродуктора наверху. По радио зазвучал голос, как я позднее узнала, наркома иностранных дел В.М.Молотова. Он объявил о вероломном нападении Германии на Советский Союз.

Сразу заголосили женщины. Заплакала и моя бабушка Малка. Родители не приехали.

Мы прибыли в начале сентября на грузовике (я и бабушка сидели в кабине). Сельсовет подселил нас к многодетной колхознице. Спали на полу вповалку. Хозяйка с утра пропадала в поле или на ферме. Её годовалый сынишка бегал по избе без штанов, справляя нужду где попало, то есть, и на наши постели на полу. Мама попросила сменить адрес, и сельсовет переселил нас к сапожнику-единоличнику Степану. Он часто напивался и пугал своей жестокостью: при мне отрубил топором головы новорождённым котяткам.

Имущества у нас почти не было, запасов еды тоже. Сельчане питались дарами огородов. Держали коров, овец, свиней, другую живность. За заработную плату мамы и тёти мало что можно было купить, карточки отоваривались не в срок. Мама получала рабочую пайку хлеба (кажется, 800 граммов). Тётя – порцию служащих (400 граммов), остальные – иждивенческую (по 200 граммов). Выручала мамина рабочая карточка: меняли хлеб на молоко, творог, картошку. Спасала мамина профессия: она лечила скотину не только в колонии, где работала в подсобном хозяйстве, но и в колхозе, и у частных. Однажды помогла отелиться корове. Дело было суровой зимой 1941-42 гг. Бурёнку завели из сарая в избу. Телёнок лежал поперёк. Мама засунула обнажённую по локоть руку вовнутрь и повернула телёнка. Вскоре он появился из материнской утробы. Когда встал на слабые ножки, меня поразили копытца малыша.

Мама брала меня с собой, потому что в благодарность хозяева поили нас чаем с молоком и мёдом, заваривали в самоваре яички и иногда давали с собой несколько яичек и несколько картофелин или морковок.

Евреев в деревне Пановка, кроме нас, не было. Потом приехала с семьёй детский врач Лия Соломоновна. Так как евреи являлись диковинкой, то к нам навевались любопытные соседки. Они слышали, что у евреев рога, и с удивлением осматривали гладко причёсанную голову бабушки Малки. Видимо, кто-то помнил репродукцию со скульптуры Микеланджело «Моисей», где пророк изображён с рогами, символизирующими сияние ореола святости.

Как-то наш хозяин – сапожник Степан – так напился, что схватил топор и кинулся к бабушке Малке и ко мне: «Зарублю жидовок!». Наша горбатенькая русская няня Маня бросилась на защиту: «Ты что, Стёпа? Белены объелся?».

...На дворе морозный декабрь. У бабушки – осеннее полупальто (нам говорили: «Эвакуируетесь ненадолго»), у меня – бархатное пальтишко, из которого я выросла. Няня укутала меня платком, и мы с бабушкой направились в сельсовет. Няня сказала: «Я постерегу наши вещички, а то спяну Степан изрубит». В декабре в деревне в четыре часа дня темным-темно, зажигались только коптилки в избах. В сельсовете никого нет, кроме сторожа. Он от-

крыл дверь, зажёл большую керосиновую лампу и пошёл за председателем. Вызвали с работы маму и тётю. Появилась дочь Степана, член правления колхоза. Мы целой делегацией направились в избу дебошира. Он протрезвел, упал на колени перед бабушкой: «Мария Исааковна, прости, бес попутал!».

Вскоре приехал на побывку папа. Он писал, что везёт чемодан с продуктами, полученными по офицерскому аттестату, и красивую куклу. А когда открыл дверь, то в руках у него оказались только санки, а в кармане кулёк с черносливом. Оказалось, на вокзале в Казани, когда он спустился с подножки вагона поезда, к нему подошёл мужчина средних лет: «Товарищ капитан, разрешите, помогу?». Взял из рук чемодан – и был таков. Взрослые сожалели о продуктах, я – о кукле.

Весной мы засеяли огород, посадили картошку на выделенном участке. Мама купила инкубаторских цыплят. Крошечные жёлтые комочки служили лакомой пищей для ястребов, круживших в небе и, как камень, внезапно падавших на добычу. Но всё же часть цыплят выжила, у нас появились свои куры и свои яйца. Купили козу, которую доили мама и няня. Брат вырос на козьем молоке, но я не могла взять его в рот из-за своеобразного привкуса. В близлежащей роще я собирала грибы, в основном сыроежки, но встречались и подберёзовики. Бабушка жаривала.

Наступающий 1943 год решили отметить ёлкой. Из скорлупы яиц, содержимое которых вытекало через крохотную дырочку, изготавливали ёлочные игрушки. Разрисовывали и обшивали шёлковыми лоскутками, сохранившимися от довоенной поры. Смастерили Деда Мороза. Позвали к нам в комнату при больнице знакомых ребятишек. Угощением были пряники из ржаной муки, политые сахарной глазурью из сэкономленного взрослыми сахара.

А на Святках к нам ввалились ряженые с припевками и танцами. Няня каждому дала по конфетке-«подушечке» – главному лакомству «карточных» военных лет.

В начале мая 1943 г. наша семья переехала в пригород Казани – посёлок Каравеево. Подходило время поступать мне в первый класс. Начальная школа № 45 тоже размещалась в бараке, но с печным отоплением. Над нами шефствовали Казанские авиационный и моторостроительный заводы, усиленные рабочими и инженерами заводов, эвакуированных из Москвы и Воронежа. Как выяснилось позже, там была «шарашка», в которой трудились Королёв, Туполев и другие корифеи.

Шефы вспахали нам большой участок возле ТЭЦ, картошку сажали учащиеся, начиная с первого класса. Выкапывали шефы, учителя, родители, а собирали клубни в ведра школьники. В школе было всего четыре класса – один первый, один второй, один третий и один четвёртый. Нас кормили бесплатно. Каждый день уборщица Анна Степановна разносила на большой перемене

ведро с винегретом, накладывая в мисочки, которые, как и ложки, каждый приносил с собой. Учительница выдавала по куску белой булки и по две витаминки. Полпорции булки и одну витаминку я аккуратно завёртывала в чистую тряпочку и относила брату. Осенью 1943 г. мне было восемь лет, а братишке полтора годика. По карточкам выдавали только ржаной или, так называемый, пеклеванный серый хлеб.

Вскоре по карточкам стали выдавать американский яичный порошок, иногда сгущённое молоко, тушёнку (как узнала позже, полученные по ленд-лизу).

День Победы мы встретили в посёлке Караваево и жили там до конца 1948 года...

Ольга Файнберг (Хайкинсон)

В 1958 г. окончила с отличием историко-филологический факультет Казанского университета. Работала литературным сотрудником, затем редактором городской много-тиражной газеты «На стройке», художественным руководителем Центрального парка культуры и отдыха Казани. Активный лектор общества «Знание» и общества книго-любов. Член Союза журналистов СССР. Репатриировалась в 1995г. Мать троих детей и бабушка шестерых внуков. Активно участвует в литературной и общественной жизни г. Ашдода. Автор 5 книг, из них одна – в соавторстве с А.Файнбергом (двухтомник «Душ золотые россыпи»).

СОФЬЯ ФЕЛЬДМАН

КУЛЬТУРНЫЙ НАРОД

Родилась я в 1940 году. Отец, кадровый офицер, в начале войны был майором. Мама рассказывает, что в самые первые дни он писал, что нужно срочно эвакуироваться – на нас идет чума, страшная и жестокая. Но в семье никто не мог в это поверить, особенно мамина золовка.

– Немцы – это культурный народ. Ничего страшного они собой не представляют!

Она была расстреляна этими «культурными людьми» вместе с трехлетним ребенком в Бабьем Яру.

Когда мама с родственниками все же решила эвакуироваться, по соседству с городом уже ухали взрывы. На одной из станций был очередной налет, его я запомнила особенно ярко. Вой самолетов звучал в ушах много лет. Во время бомбежки погиб мой братик, которому было всего два года, и двоюродный брат, – тому еще не было и трех. Мама, легко раненная, не могла понять, как остальные остались в живых. Ей было всего двадцать три года, но в тот день она поседела. Бабушка оглохла от канонады. Тетя, потерявшая ребенка, металась, обезумевшая от горя...

НАШЕ ДЕТСТВО

Вырастают люди все из детства, –
Нам оно оставило свой след.
От войны детей спасало бегство,
Много горя принесло и бед...
Родились мы пред войной Великой,
Нам всего-то было до пяти.
Отправляли в тыл: вагон безликий,
Вой бомбежек, взрывы на пути.
Были мы малы в час нападения,
Обожгло дыханье злой войны.
Нам не отмечали Дни рожденья, –
С детством распрощались пацаны...
Отняла игрушки, книжки, сказки.
Не до игр нам было – шла война!
Горе, боль. Забыли песни, пляски,
Выживали мы, как вся страна.
Трудности, страдания мы терпели,
Поняв жизни хрупкую черту.

Не играть, а лишь поесть хотели,
Потеряли радость и мечту.
В нас оставили свой отпечаток
Голод, холод, страх тупой войны.
Ощущали ласки недостаток,
Рано без отцов выросли мы.
Много выстрадало наше детство.
То, что ранний возраст пережил,
Памятью все схвачено в наследство,
Чтобы каждый жизнью дорожил!
И открылось нам потом внезапно,
Как же часто детством человек
Жизнь свою определяет – «завтра», –
Но уж детства не вернуть вовек!

Софья Фельдман

Родилась 3 июля 1940 г. в Киеве. Эвакуацию вместе с мамой провела в Узбекистане, в Коканде. Проработала на Киевской обувной фабрике, пройдя путь от рабочего до заместителя начальника цеха. Репатриировалась в Израиль в 2000 году. Две дочери, двое внуков и правнучка. Живет в Ашдоде.

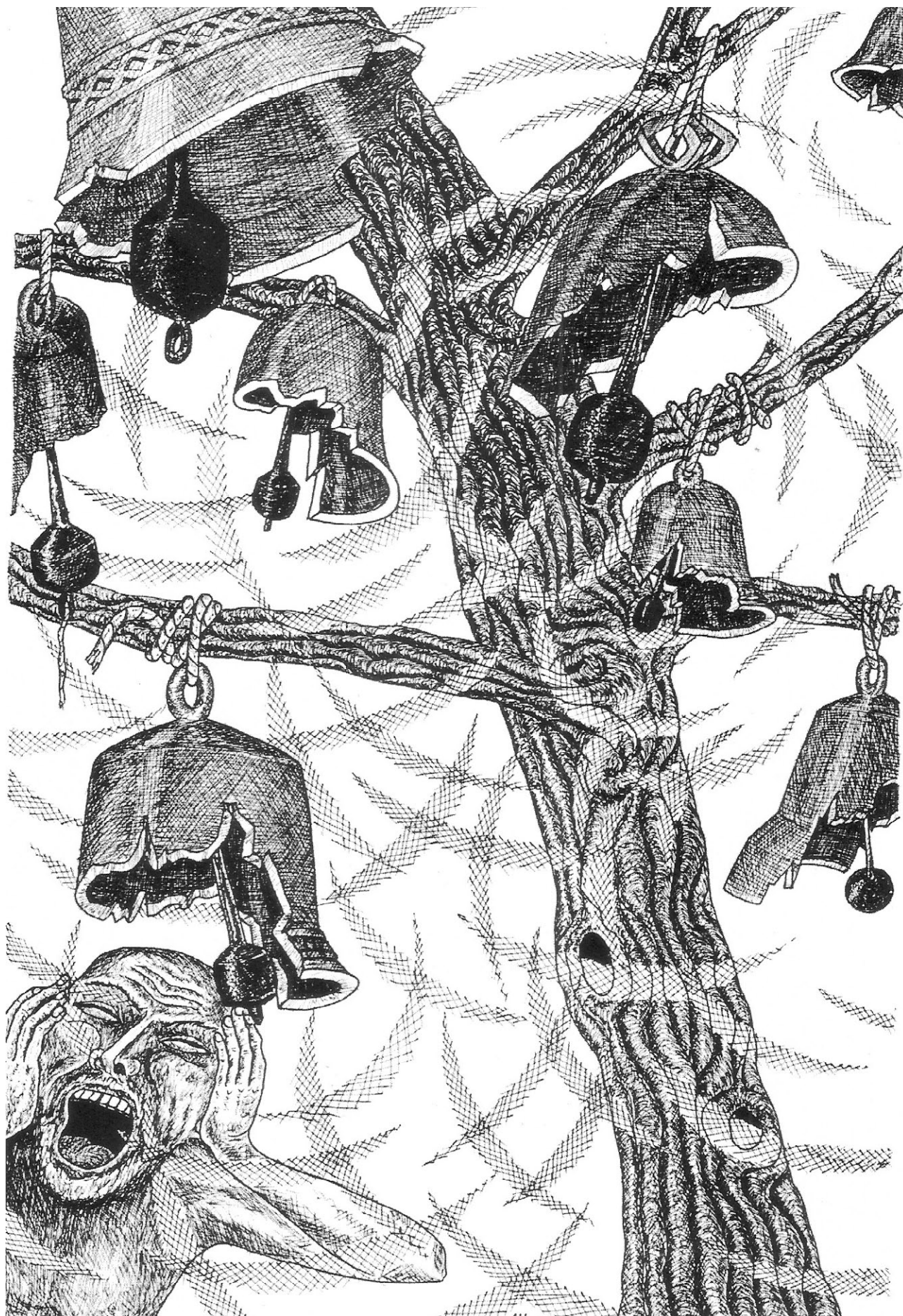

Рис. Александра Жукова

ДОРА ФРАДКИНА

МАМОЧКА, РОДНАЯ, СПАСИБО!

**Газета «Труд» 1 сентября 1940 года.
«Первый раз – в первый класс».
На переднем плане – Дора Фрадкин**

Помню, как ночью мы бежим через лес на вокзал, откуда должен уйти последний эшелон с эвакуированными... В нашей семье пятеро детей. Самой маленькой – три месяца. Моя тетя – её мама – передает девочку другой женщине, так как у тети нет молока. Та женщина кормит и своего младенца, и мою сестричку...

Дорога через лес, множество стариков и матерей с детьми. Запомнилась картина, как в замедленной съемке: молодая женщина бежит через лес, высокая, прекрасная, с длинными, до пят, распущенными волосами, они развеваются на ветру. В руках у нее сверток. Вдруг она слышит визг, наклоняется над свертком, а там – щенок... Не описать тот ужас, который запечатлелся на её лице. На моих глазах, в один миг, – ее волосы стали белыми. Она металась по лесу с криками:

– Витенька! Витенька!!!

Она билась в истерике, вырывалась из рук людей. С большим трудом удалось усадить ее в вагон. Окружающие рассказывали, что ее дом прямым попаданием был разрушен бомбой. Ребенок был в доме...

Поезд двигался медленно. От бомбежки к бомбежке. Во время налета все кубарем слетали с насыпи в ближайший лесок – искали укрытие. В одну из бомбежек какой-то солдат, падая, прикрыл своим телом моего брата Бореньку. Солдату оторвало ногу. Первым делом – после отбоя воздушной тревоги – мама сорвала с себя рубаху, разорвала и наложила жгуты на страшную рану солдата. Лишь затем вытащила из-под него Бореньку. Она была в шоке...

При другом налете мамочка, которую выбрали старшей по вагону, захлопнула дверь теплушки и сказала:

– Суждено погибнуть, – погибнем все, а выживем – наше счастье. По крайней мере, избежим осколков!

И вдруг наступила какая-то нереальная тишина. Дверь теплушки отъехала, и перед нами предстала страшная картина: половина паровоза и следующего за ним вагона, а также весь хвост состава были разбомблены. Наш вагон – единственный – уцелел в этом аду. Люди обнимали маму и рыдали от счастья, что остались в живых...

А ведь мамочка моя была совсем молода – ей было тогда всего двадцать семь лет. В пути на каждой станции она пыталась обеспечить нам пропитание. На остановках удалось добыть свечи. Их ставили между рельсами, зажигали и таким образом подогревали еду для грудничка. Если свечей не было, то молоко в бутылочке грели по очереди под мышкой.

Мыться в пути было негде. Всех замучили вши. Мы страшно чесались от нестерпимого зуда! И вот, после очередной бомбежки, мы ждали формирования нового состава, а тут для солдат устроили баню, и нас тоже пустили в санпропускник помыться. Лето, жара... Можете представить, какое это было счастье – встать под струи воды!!!

Солдаты как-то дали маме для нас роскошный подарок – ведро с яйцами и молоко. Невероятное богатство! А тут на станции к вагону подошли двое мальчишек. Грязные, изможденные, в каком-то тряпье, кожа покрыта коростой. Мальчишки были очень истощены. Оказалось, что это два чуваша, братья-погодки. Остались без родителей, жили в лесу, питались ягодами и листьями... Мама взяла этих ребят в наш вагон, покормила, и мы увезли их с собой в эвакуацию. Так у нас появились еще два брата. Они стали частью нашей семьи. Вместе с нами добрались до Иркутска, где закончили семилетку, поступили в техникум, призвались в армию... И моя мамочка была для них всю жизнь «МАМОЙ»!

Дора Фрадкина

Училась в Иркутске, закончила мединститут, работала педиатром, главным врачом Железнодорожной больницы, была народным депутатом городского и областного Советов. Отличник здравоохранения, Заслуженный врач России, почетный железнодорожник. Имеет ордена и медали за труд. Живет в Ашкелоне.

Семья Кандель. 1940 г.

СОНЯ ФРИДМАН (КАНДЕЛЬ)

ТО, ЧТО ПОМНЮ...

Ногда началась война, мне было восемь лет. Первая эвакуация – конец июня 1941 года. Все семья: родители, я, сестренка и брат на открытой товарной платформе поезда вместе с другими беженцами движемся на восток.

Часто бомбят, так что останавливаемся, чтобы переждать налет. В эвакуацию мы успели захватить с собой одну буханку хлеба и одну курицу. Понятно, что вся еда очень быстро закончилась!

На одной из остановок поезда папа увидел стадо коров недалеко от железнодорожного полотна. Где-то папа нашел ведро и бегом бросился к стаду. Пододол корову и принес нам и другим сидящим на нашей железнодорожной платформе молока. Сколько же было радости и благодарности!

... В село Келлер Сталинградской области мы попали зимой. Кушать нечего, дома пустые – живших в этих местах немцев Поволжья эвакуировали.

Мама отправилась в соседнюю деревню просить хлеба. Принесла домой несколько кусочков. Поделила между нами, а сама ничего не ела.

Я – самая экономная – оставила «на потом» маленький кусочек корки. Но мой брат и сестричка были голодны и корочку съели. Как я плакала тогда! Я подошла к маме и спросила:

– Будет когда-нибудь такое время, что будет хлеба вдоволь?

– Придёт такое время, но вы тогда не захотите кушать только один хлеб! – ответила мама.

Нам было трудно в это поверить, ведь в лучшие дни мама варила суп из «ма-кухи» – желтого жесткого жмыха. Суп тот был совсем невкусный – без жира, без соли...

...Прошло несколько лет. Папа был ранен, и его оставили в резерве на заводе. С большим трудом он нашел нас и отправил вызов. И вот в 1943 году я, брат, сестричка и мама поехали в г. Чкалов на Урал.

Поместили нас в летнем рабочем бараке – одна комната, где, кроме нашей семьи, отлично жило множество клопов. Зимой сорок градусов мороза, при том, что отопления не было! По утрам ведро с водой стояло полностью замерзшим!

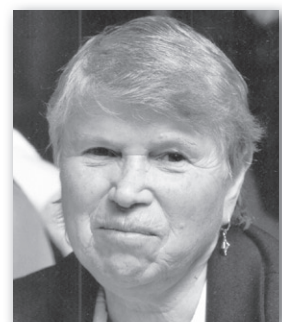
Я, десятилетняя девчонка, начала учиться на токаря. Как и брат, ушла жить в общежитие, так что кормили нас в столовой ФЗО. А мама с сестричкой оставались в бараке. Однажды пошла я их проведать.

Вижу, рядом с «тарелкой» радио столпился народ. Передают, что война закончилась. Вы представляете, что там творилось?! Люди плясали, кричали, пели, подбрасывали в небо все, что попадалось под руки, обнимались...

Радость эту мне не забыть никогда!

Соня Фридман (Кандель)

Родилась в Молдавии 9 августа 1932. Работала бухгалтером на межрайонной базе. Репатриировалась в 1991 году из города Бельцы. Мать троих детей, бабушка шести внуков и двух правнуков. Живет в Ашдоде.

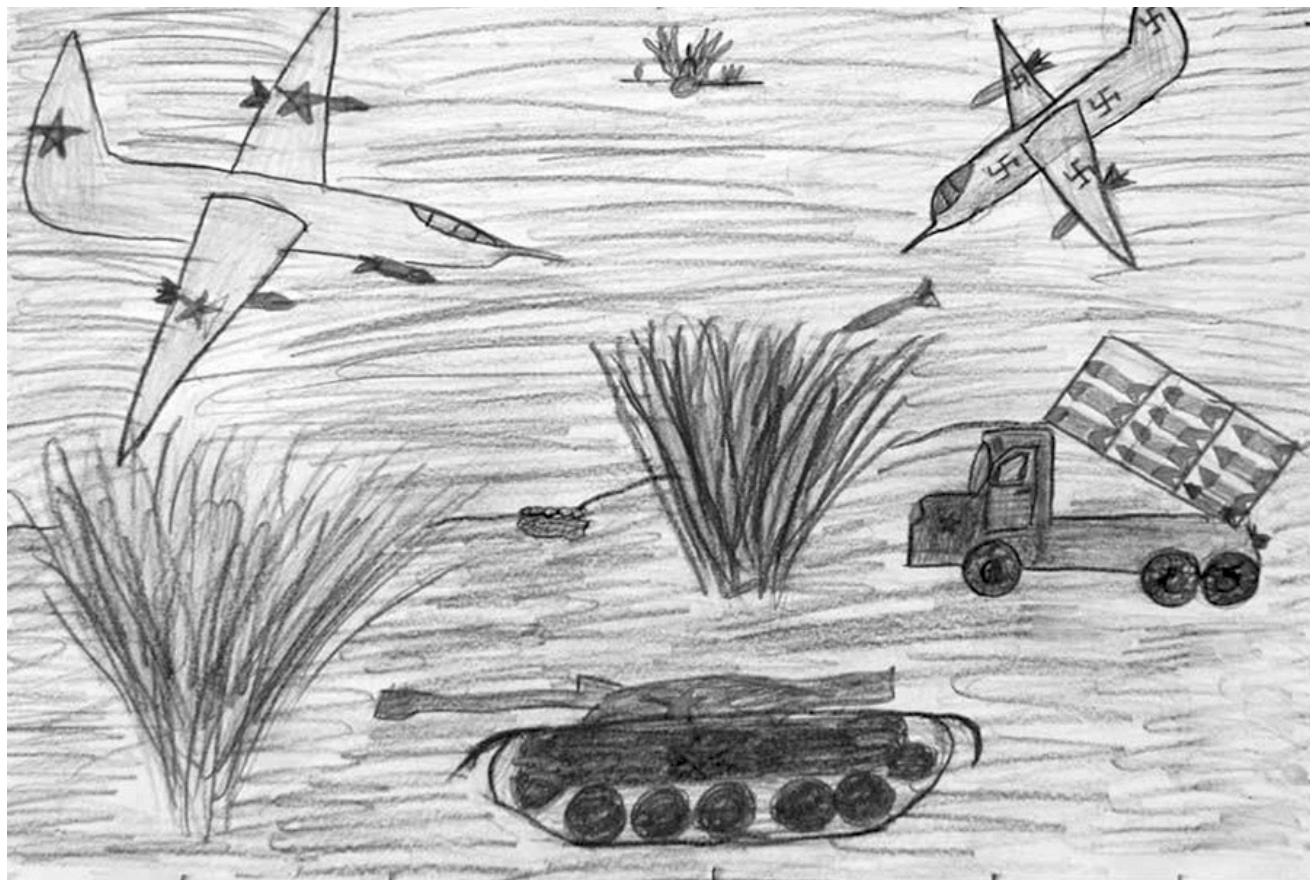

Рисунок Дениса Фрадкина, 10 лет

РОМАН ХАНУКАЕВ

ВОЙНА ДВЕНАДЦАТИЛЕТНЕГО МАЛЬЧИШКИ...

К началу войны в семье было пять человек: родители и нас, детей, трое. В первые же дни отца и брата сразу же забрали на фронт. Брату еще не исполнилось и семнадцати лет! Таких, как он, было в колонне несколько десятков. Дали ему трехлинейную винтовку со штыком на конце и одну обойму – пять патронов – на двоих. Так что ребятки эти уходили на фронт, как скот на бойню.

Я был на проводах брата и все это видел. Из Парка культуры и отдыха Грозного они отправились пешком до Гудермеса. Я пошел за ними, со мной – еще двое мальчишек. Через два часа новобранцам сделали привал. Сварили большой котел каши. Нас тоже позвали поесть. Насытившись, мы ушли в сторонку

и уснули. Проснулись – над костром еще дымок колышется, а солдат уже нет... Хозяйка-чеченка сказала, что чуть свет всех подняли, и колонна ушла...

Когда началась война, всех тех, кто держался на ногах: детей, женщин, стариков, – отправили на рытье окопов. Мне было всего одиннадцать лет. Привезли нас в поля за десять километров от города. Там – куча лопат, металла.

Мы, дети, копали окопы. Более взрослые – строили дзоты. Помню, как незнакомые люди – женщины, старики – проходили мимо нас. Кто по голове погладит, кто словом подбодрит... Это очень много значило для нас.

Немцы были уже в тридцати пяти километрах от города. А мы продолжали работы. Спали в тех же узких окопах, что вырыли в течение дня. Вповалку. Конечно, спали одетые. Работы продолжались около двух месяцев.

Город бомбили. Горели нефтяные хранилища. Светло от огня была настолько, что можно было иголку найти ночью.

Мои товарища погибали – падали с ног от голода и больше не вставали. Пайка была – 150 граммов хлеба. Да и ту не подвозили вовремя! За ребят этих душа болит до сих пор.

Помню, был у меня друг, Петя Нафталиев, 30-го года рождения. Остался там, «на окопах», навечно. Хоронить было некому. С трудом сами стояли на ногах и не верили, что останемся в живых.

Уже не помню, как я вернулся назад, в Грозный. Пришел в себя в больнице. Мне назначили усиленное питание. Встал на ноги.

Нужно было кормить семью. Я брал пятилитровый чайник с водой, отправлялся на базар:

– Кому воды холодной?! – Поил людей водой за яблоко или горсть кукурузной муки... В сумку от противогаза собирал то, что давали на пропитание.

Роман Ханукаев

Родился 10 марта 1929 года. Получать образование закончил в одиннадцать лет: когда перешел в третий класс, началась война. Потом выживал, заботился о семье. Жил и работал на Северном Кавказе. Имеет большую семью. Живет в Сдероте.

СВЕТЛАНА ЦЫСАРЬ

ЭСТАФЕТНАЯ ПАЛОЧКА

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ: В проекте «Взрослое детство войны» мы стремились дать возможность услышать рассказ «от первого лица» о военном детстве наших героев. Когда сборник был уже готов к печати, к нам поступил очерк активного участника проекта, члена редколлегии первого сборника «Взрослое детство войны» – Якова Хелмера. Рассказ Светланы Цысарь, легший в основу очерка «Эстафетная палочка», показался нам интересным, и мы решили поместить воспоминания о юношеских годах матери Светланы в этом сборнике.

***Посвящаю светлой памяти моих родителей,
бабушке, всему роду Николаевских.***

Моя мама. 1936 год.

Мои предки жили в тяжелое время еврейских погромов на Украине, но несмотря на это выжили.

В доме моего деда, в 1924 году, родилась моя мама Женя. Мама росла красивой и умной девочкой. Ей ни в чем не отказывали.

Одевали ее, как ангелочка. Она играла на пианино, скрипке, каталась на велосипеде (в то время это была большая редкость).

С началом войны все это пропало.

Дедушку и его брата забрали в армию, а бабушка осталась с тремя детьми: с моей мамой Женей (ей было семнадцать), ее сестрой Лизой и трехлетним братом Мишей. Да еще осталась с ними 82-летняя свекровь.

Пришли черные времена. По рассказам бабушки, немцы вели себя, как варвары: рушили, грабили, расстреливали.

В декабре 1941 года около 3000 евреев колонной отправили в лагерь Печора (Мертвая петля). Дорога заняла двое суток. Это была дорога смерти: больных и отстающих расстреливали. Трупы никто не подбирали.

В лагере удавалось за мзду полицаю выходить за ограждение и в окрестных селах добывать что-то съестное.

Лагерь Печора размещался в бывшем дворце графа Потоцкого. При Советской власти там был санаторий для военных. Очень живописное место: в не-

большом лесу, река Южный Буг протекает по территории лагеря. В реке мылись, стирали и брали воду для питья. И вот это живописное место стало могилой для 4,5 тысяч евреев.

В один из походов за продуктами папа познакомился с моей мамой, вспыхнуло чувство, и он остался в этом лагере ради мамы

Каждый день выгоняли на работу. В бараках проживание было ужасное. От голода, холода, болезней ежедневно умирало много людей. Их сбрасывали в сарай, а затем загружали в сани и вывозили за пределы лагеря. Кто не мог подняться, – расстреливали. В лагере был талантливый мальчик – музыкант, который чудесно играл на скрипке. Он заболел и не смог подняться. Его выволокли и бросили в яму, где гасили известь. Эта яма была сделана, чтобы избавляться от трупов. В один из дней заболела мама. Остаться в бараке – это верная смерть. Отец взял ее с собой на работу, там он соорудил снежный домик и посадил ее туда, а сам с бабушкой пошел разгружать вагоны: он свой, а бабушка – свой. Когда закончил свою работу, побежал помогать бабушке. Когда полицейский увидел, что папа разгружает не свой вагон, он стал хлестать папу нагайкой. Папа не выдержал, вырвал у него нагайку и готов был его убить, а полицейский выхватил пистолет..., но не выстрелил. Непонятно, что его сдержало.

Светлана вспоминает рассказ матери: «... иногда начальник лагеря выстраивал узников и производил селекцию: показывал на каждого пятого. Их уводили и расстреливали. Я стояла рядом с отцом, а бабушка стояла в другом строю.

Я увидела, что комендант указал на бабушку, я хотела закричать, но отец закрыл мне ладонью рот, что спасло меня.

Утром лагерь был поднят по тревоге – группе узников удалось бежать. В лагере началась суматоха, охрана начала стрелять, одна из пуль попала в Мишеньку, и он мгновенно скончался. А затем новый удар – Лизу отселили в другой барак, и я за ночь поседела».

«Папа говорил, – вспоминает Светлана, – что он все время настаивал на побеге, но мама и бабушка были настолько истощены, что о побеге не могло быть и речи. Тогда папа решил бежать один, но сделал это продуманно. Когда стали набирать на работу в другой лагерь, он попросился туда. Это давало ему возможность бежать без риска последствий для мамы и бабушки. И, действительно, побыв в лагере несколько дней, он бежал, и попал в гетто города Умань. Кормили шелухой из проса, выдавали 50 г. хлеба. Ночью полиция насильовали женщин и грабили.

**Мамин брат Миша.
4 года. Застрелен
полицаем.**

Моя семья: мама, папа и я.

Мама с бабушкой остались в Печоре. Ежедневно их выгоняли на работу. В один из дней кто-то перерезал колючую проволоку, и кто смог, – бежал. Так они добрались до Умани. Бессарабская община лагеря их не хотела принять, и тогда мама спросила, нет ли среди узников Йосифа Грумана. Это было спасение. На вопрос кто он им, они ответили, что родственник. Произошла долгожданная встреча. Встал вопрос, куда их разместить, и отец, не задумываясь, сказал: «Это моя жена».

Их определили в конуру, где жил отец, но маме и бабушке это показалось раем. Было холодно и голодно, но не убивали, не били, папа был рядом и заботился о них. Так, по

воле случая, мама стала женой моего отца.

«В этом лагере, – вспоминает Светлана рассказ матери, – мы прожили два года. Там я и родилась в 1944 году».

Светлана Цысарь

Закончила экономический факультет Кишиневского университета. Вышла замуж, родила сына и дочь. Репатриировались в 1991 году, живет в Ашдоде.

Яков Хелмер, автор очерка

Родился в 1935 году в местечке Джурин, Винницкой области. Закончил Винницкий педагогический институт. Работал учителем математики в школах Джурина и Джуринаского района. С 1969 года по 1999 год работал в средней школе №2 города Кузнецка Пензенской области – два года в должности учителя математики и 28 лет в должности заместителя директора школы. Награжден значком «Отличник народного просвещения РСФСР» и значком «Отличник просвещения СССР».

Во время войны находился в гетто местечка Брацлав, в концлагере в Печоре «Мертвая петля», а затем в гетто местечка Джурина.

Репатриировался в 1999 году. Живет в Ашдоде.

Рис. Борис Есельсон

АЛЕКСАНДР ШАХМЕЙСТЕР

САХАРОК «ВПЕРЕДВИЖКУ»
И «ВПРИГЛЯДКУ»

Я был свидетелем того, как в первый день войны, 22 июня 1941 года, в небе над Бердичевом состоялся воздушный бой между немецким самолетом-разведчиком и двумя советскими «ястребками». Немецкий самолет был сбит, летчик катапультировался и приземлился в черте города, где и был взят в плен. Мы с братом бежали следом и смотрели, как врага вели в комендатуру.

В тот же день Бердичев подвергся бомбардировке. В пятнадцати километрах от города находился аэродром, на котором размещался авиационный полк. Почти все боевые машины были уничтоже-

Саша Шахмейстер.
1944 г.

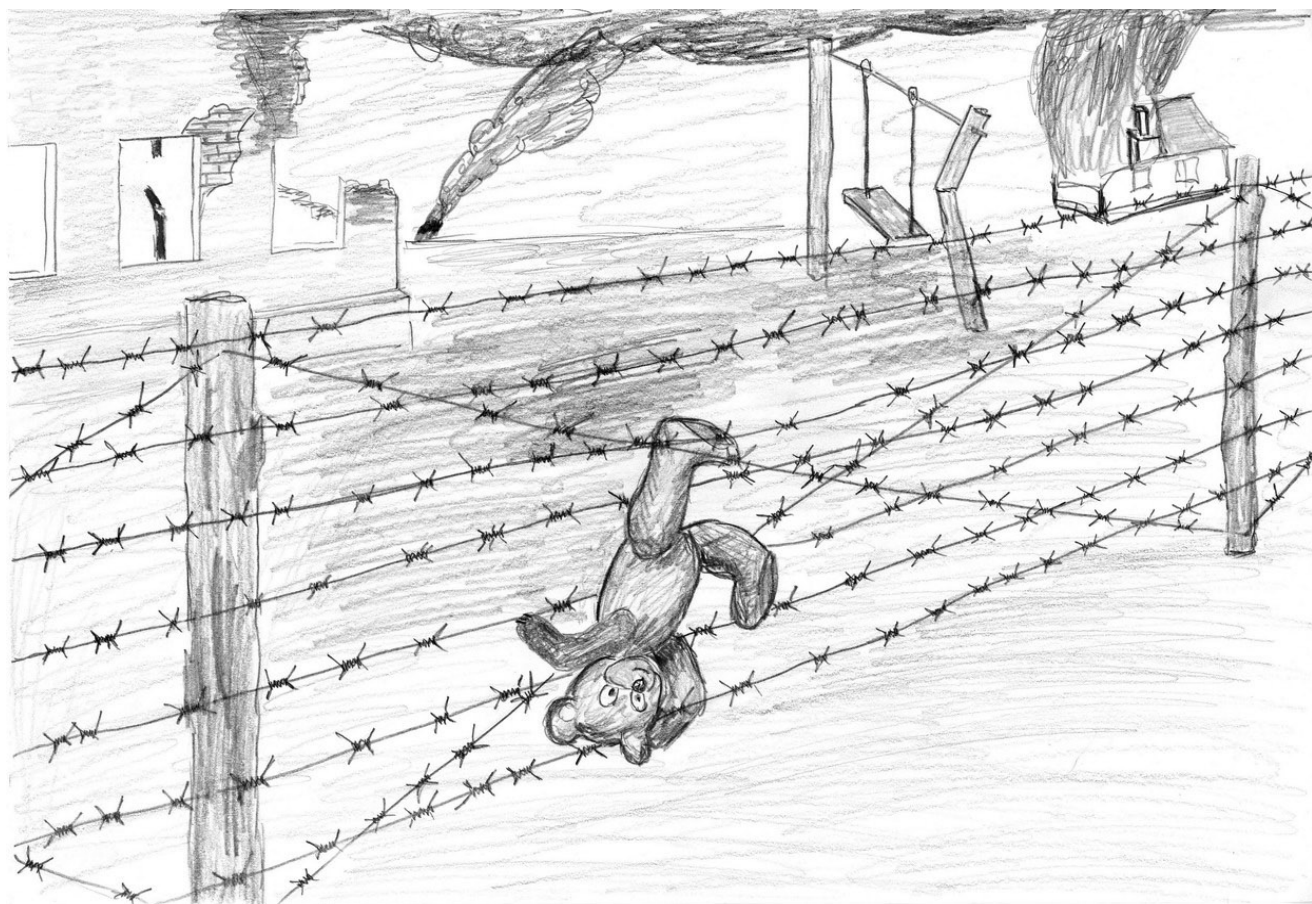

Рисунок Димы Шульгина, 10 лет

ны, так как не смогли подняться в воздух – ни один самолет не был вовремя заправлен горючим. Этому аэродрому еще суждено было сыграть трагическую роль в еврейской истории города. Бердичевское гетто, созданное в начале июля – после захвата города фашистами – сперва находилось в черте города, возле базара. Поздней осенью сорок первого и в начале зимы сорок второго года все евреи были вывезены на тот самый аэродром. 26.000 человек было расстреляно.

Отец мой работал на большом машиностроительном заводе «Прогресс». С первого дня войны большинство работников находилось на предприятии. На завод подавались железнодорожные платформы, на которые грузили металл, трубы, станки, прессы, молоты и другое имущество завода. Руководство завода добилось разрешения на те же платформы, между оборудованием, посадить и семьи. Наша семья оказалась среди счастливых. Два месяца – под бомбежками, дождем и снегом – продолжался наш путь на Урал.

Городок Очёр – небольшой городишко на севере Урала. Евреев там до нас не видели. Извозчики на подводах, которые везли нашу семью, говорили, что им рассказывали о том, что евреи не люди, а изверги, у которых

растут рога, а во рту – большие клыки. Каково же было их удивление, когда они повстречались с нами!

– Смотри, – кричали они друг другу, с трудом справляясь с шоком узнавания, – они совсем, как мы! Обыкновенные люди!

Подселили нас к семье, выделив одну комнату. Воды не было, света тоже. Туалетом служила будка во дворе, куда ходили «по нужде». Пищу варили на примусе прямо в комнате. Работала только мама (папа сразу же по прибытии в городок отправился в военкомат – и на фронт!), так что паек полагался только ей. Мы же – дети и бабушка – были «иждивенцы», нам полагалось по 75 граммов хлеба. Мама с бабушкой собирали во дворе крапиву, молодые листья одуванчиков и варили суп, добавляя в него корнеплоды.

В мамином пайке было 100 граммов сахара-рафинада. Прессованные кубики были настоящим лакомством. Употребляли их так: на ломтик хлеба, с краю, клали кусочек сахара. Откусывали хлеб, дотрагиваясь губами до сахарного кубика, и передвигали его губой дальше. Это называлось «кушать впередвижку». Когда сахар заканчивался, то последний кубик клали на центр стола. Ели хлеб, глядя на вожделенный сахар. Это называлось «кушать вприглядку».

Так и жили...

Александр Шахмейстер

Родился 27 апреля 1937 г. в городе Бердичев на Украине. С 1956 по 1959 участвовал в освоении целины. Инженер-механик. Сорок лет, до репатриации, отработал на заводе «Прогресс». В Израиле с 1995 года. Есть дочь, внуки и правнуки. Живет в Ашдоде.

СВЕТЛАНА ШИРОВА

ТО, ЧТО ВСПОМНИЛОСЬ...

1943 год. Мне 6 лет.
Хорошо с мамой!

В Ашдоде, когда впервые прозвучал сигнал воздушной тревоги, – а его ни с чем нельзя перепутать! – вдруг вспомнилось то, о чем сейчас хочу рассказать.

Другая война. Мне пять лет. Окна заклеены крест-накрест бумажными лентами из газетных страниц.

Детский сад. Мы все бежим под лестницу, услышав вой сирен. Кто порезвее, добегают до бомбоубежища.

Чуть позже – поезд на Красноярск. Туда же, в тыл, везут эшелоны с ранеными. У мамы было медицинское образование, и понятно, что она пошла в госпиталь. А меня брала с собой.

В то время как она находилась в операционной, я, коротыга, ходила по палатам и читала солдатам стихи. Они очень скучали

по своим оставленным дома детям. Нередко, подзвав меня к себе, они просили приложить детскую ручку на лист письма, обводили контуры ладошки, а мне давали «в награду» конфеты и печенье.

Затем в госпиталь стали привозить блокадников. Ни двигаться, ни говорить эти живые скелеты были не в состоянии. Кормили их чайными ложечками, прибавляя по одной каждый день. Помню, что по ночам медперсонал оставался дежурить на пороге кухни, чтобы эти люди-скелеты не стащили даже малого кусочка хлеба. Это была бы верная смерть. И одна такая все же случилась. Поэтому стояли на посту, как на границе государства.

Некоторые блокадники не могли идти: они ползли – кто на четвереньках, кто по-пластунски – за вожделенным кусочком еды. Не ползли дети – у них не было сил передвигаться. Это их и «спасало»...

После битвы под Сталинградом появился отец и увез нас под Челябинск, где строили подземные заводы. Там я пошла в школу. Помню отлично, как на большой перемене каждый получал кусочек черного хлеба, присыпанный сахаром. Мы сидели за партами, руки – за спину, пока дежурный не клал перед кем-то последний кусочек. И только тогда, получив разрешение, все начинали вместе и медленно есть. Все равно оставались беспощадно голод-

ными и после школы собирали на опушке леса сыроежки и ели, а еще прутики втыкали в муравейник, чтобы слизывать затем с соломинки муравьиную кислоту. Ели семена калачиков, какие-то ягоды, жевали сосновую и еловую смолу.

Тогда же, в Челябинске, помню женщин, сидевших на улице с тазами и кастрюлями. Выкопав мерзлую картошку, они крошили её, заливали водой, а затем переливали из тазов в ведра и обратно, пока вода становилась абсолютно прозрачной, а на дне ведра или кастрюли тонким слоем белел крахмал. В него добавляли толченую кору, и из этой массы на железках пекли «лепешки».

Светлана Широкова

Родилась в Могилев-Подольске Винницкой области 5 июня 1936 года. Окончила Московский инженерно-физический институт (МИФИ), инженер-теплофизик. Работала в научно-исследовательском институте, занимаясь проблемами обеспечения безопасности ядерной энергетики. Репатриировалась в 1990 году. Двое детей, трое внуков. Живет в Ашдоде.

ЭСФИРЬ ШОМЕР**СЕМЕЙНАЯ РЕЛИКВИЯ**

В 8 утра 22 июня наш городок, Дзержинск, уже бомбили. Папа собрал всю семью: маму, меня (12 лет), мою пятилетнюю сестричку Соню, – и заявил, что мы уходим. Остальные родственники хотели дожидаться обещанной кем-то подводы, чтобы потом догнать нас. Не догнали. Все сгинули в гетто!

Куда идем, никто не знал. Шли по направлению к Минску. Так прошагали четырнадцать суток! Жители встречались разные: кто разрешал переночевать на сеновале, кормил, а кто и гнал прочь.

Во время бомбежек бегали от дерева к дереву. Папа учил нас, в какую сторону поворачиваться, когда падали на землю. Помню, что надо было лечь в сторону, противоположную движению самолета.

Однажды Сонечка увидела самолет и решила, что на его крыльях звезды.

– Наши! Наши! – радостно закричала она. Но это оказался фашист. Начали бомбить. Один из осколков прошил мамину сумку, которую она держала в руках; кружку, лежавшую в сумке... К счастью, мама не пострадала.

Родители сохранили эту кружку и показывали нам как реликвию.

Эсфирь Шомер

Родилась 29 декабря 1927 года в Томске. Войну провела в Белоруссии в Дзержинске, Минской области. Работала парикмахером.

Репатриировалась с мужем и дочкой в 1990 году. Умерла в октябре 2012 года, в Ашдоде.

СЕМЕН ШУЛЬМАН

ТАК НАЧИНАЛАСЬ ВОЙНА

Способность памяти хранить и воссоздавать события давних лет удивляет на протяжении жизни. Со временем, когда выражение «уже немолодой» остаётся позади, она поражает, воскрешая происходившее в далёком детстве...

В небольшое местечко белорусского Полесья Лельчицы меня привезли в пятилетнем возрасте за два года до начала Отечественной войны. Мальчику, жившему в большом городе, непривычным было отсутствие многоэтажных зданий, потоков машин, трамваев, скверов с игровыми площадками. Вместо широких, всегда шумных проспектов, – безмолвные уютные улочки с бревенчатыми домами, утопающими в зелени садов. Тишина нарушалась редко: ранним утром – пением петухов, мычанием бредущих на пастбище коров, скрипом колёс проезжающих телег; вечером – стуком закрывающихся на ночь ставень.

Новые друзья вскоре ознакомили с местными достопримечательностями. Было их немного: парк, клуб, школа, швейная и обувная артели. Ближе к центру вели настеленные из досок тротуары.

Бабушка Лея и дедушка Пиня были рады приезду внука из Минска. В большом доме мое внимание привлёк, прежде всего, чердак, где хранилось много интересных вещей. Большинство из них вскоре переместилось в дом. Были здесь игрушки, принадлежавшие нескольким поколениям детей, книги, прялка, сапожные инструменты. Нетронутыми остались плетёные корзины, заржавевшие керосиновые лампы, огромный сундук да ящик с посудой, открывавшийся лишь перед праздником Песах.

Дождавшись утром ухода деда на работу в сапожную артель, я доставал со специальных стеллажей и ящичков молотки, шило, деревянные и металлические гвозди. Последние в больших количествах я вколачивал в пол кухни. Дед, обнаружив сокращение запаса гвоздей, слегка журил любимого внука. Бабушка же не имела возражений против любой его затеи.

Белорусские и еврейские семьи дружили между собой. Соседи знали всё друг о друге. По субботам соседка Мокреня приходила доить коров, вытаскивала из печи чугуны с чолнтом, цикорием. Вечерами все собирались на крылечках, обменивались новостями, обсуждали семейные и местные события.

Первый летний месяц 1941 года Лельчицы встретило в статусе городского посёлка. В клубе демонстрировались кинофильмы, съезжались домой на каникулы студенты, появились прибывшие на отдых отпускники. На берегу Припяти звучал патефон. Вечерами слышались звуки скрипки, гитары. По

улицам в сопровождении ватаги ребятишек разъезжали редкие обладатели велосипедов.

Воскресный день 22 июня обещал быть солнечным и тёплым. Над проснувшимся позже обычного местечком зависло ясное голубое небо. словно гром, но не с неба, а из висевших в нескольких местах репродукторов, обрушилась на Лельчицы и его обитателей весть о войне. Со времён первой мировой и гражданской слово «война» слышалось редко. Звучало оно в песне «Если завтра война», нескольких кинофильмах, сообщениях о событиях в Испании и войне с Финляндией. Всё это было далеко от местечка. В полесской глубинке, небогатой на события, не сразу прониклись его угрожающим смыслом.

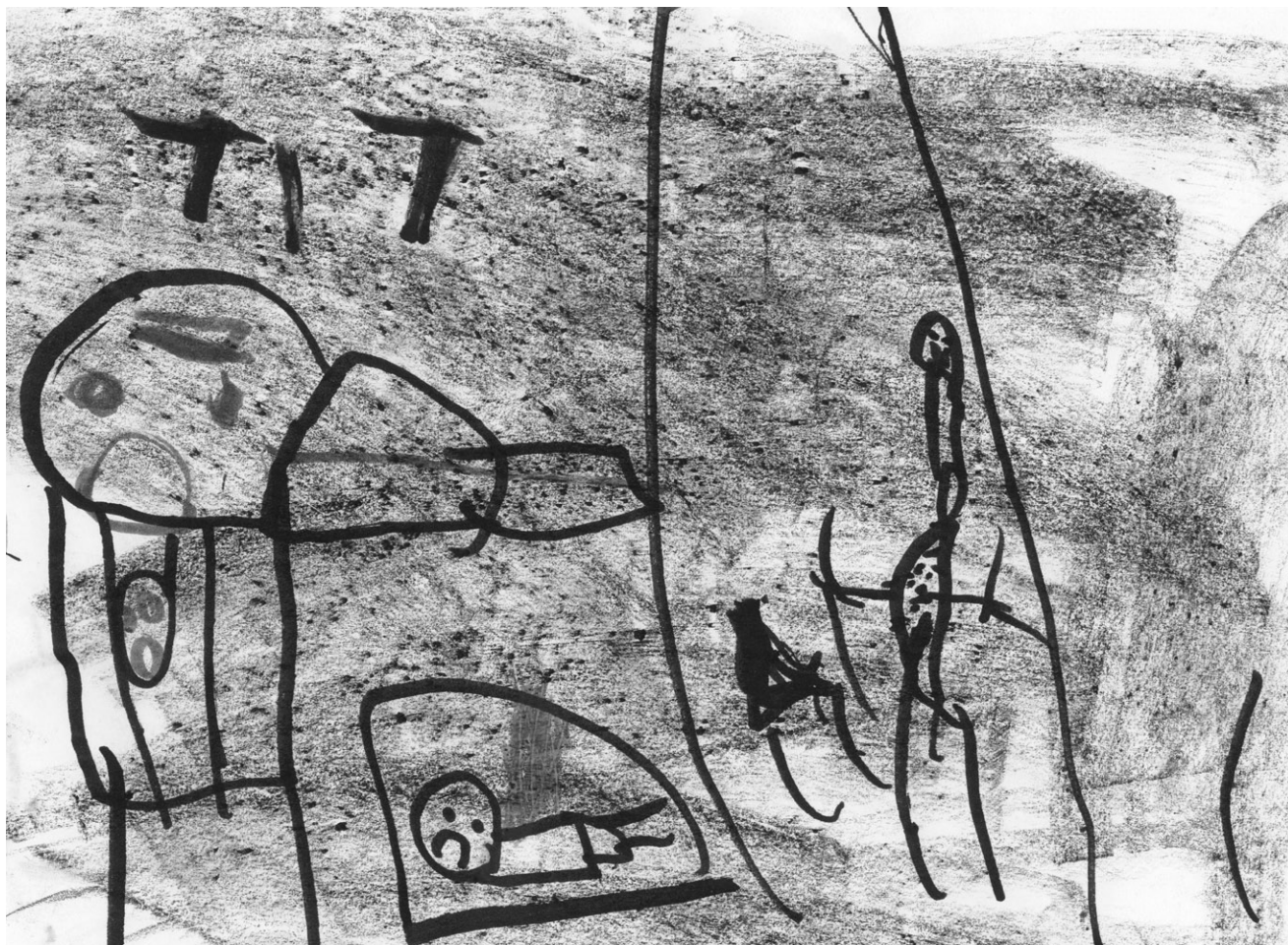
Весть о нападении Германии быстро распространилась по всем улочкам. Прерывались бывшие до этого момента интересными разговоры жителей. Ранее обычного возвращались с реки отдыхающие. Промчалось несколько грузовых машин, стоявших по выходным у дома шофёра. Вскоре мимо окраины проследовало несколько подразделений красноармейцев. Шли молча, без оружия, все в пыли, уставшие от перехода. Дети, которым передалось беспокойство и тревога взрослых, не бежали, как обычно, за красноармейцами.

Часам к пяти дня сомнения и неизвестность по поводу происходящего полностью рассеялись. Со стороны границы слышались орудийные выстрелы, взрывы. В небе пролетали немецкие самолёты. Взрывы слышались уже отчётливо, а не приглушённо. Люди, еще несколько часов назад занятые своими хлопотами по хозяйству, собиравшие с грядок огородов овощи, гулявшие с детьми, осознали – началась война!

Реальность первых часов войны мгновенно изменила поведение жителей. Для многих из них счётчик жизни отсчитывал последние дни и часы...

Наступали сумерки. В каждом доме обсуждались события этого, оказавшегося таким длинным, дня 22-го июня. Не ограничиваясь семейным мнением, обращались за советом к соседям, друзьям. Опасались за детей, близких, проживавших либо учившихся в городах страны. Многие, особенно люди пожилые, утверждали: отношения с Германией у СССР хорошие, через несколько дней война окончится.

К вечеру самолёты пролетали над местечком чаще. Многие его жители отправлялись ночевать к знакомым в ближайшие деревни и хутора, располагавшиеся вблизи леса. Такие хорошие знакомые были и у моих дедушки с бабушкой. Приезжая в местечко на базар, по делам, они часто заходили к ним, привозили нехитрые гостинцы. Многие свободно владели языком идиш. Бабушка Лея ставила на стол самовар, варенье, испечённые струдель, леках. За чаем до позднего вечера велись беседы. К одним из таких знакомых, прихватив постели, направилась семья деда. Дом стоял на опушке леса и был ещё недостроен. Между бревенчатыми стенами, пахнущими смолой, торчал свежий мох.

«Война». Рис. Давида, 5 лет. Детский сад «Савьен», Ашдод

На рассвете, ведя ещё сонных детей, все возвращались в местечко. Неунывающая молодёжь на ходу разыгрывала сцены, изображая знакомых и подражая их голосам. Все с улыбкой вспоминали, как накануне прятали детей под кровати и подушки. Наступал второй день войны – 23 июня.

И все же, за один день войны мирная жизнь нарушилась. Во всём ощущалась тревога. В это раннее утро всё свидетельствовало о произошедших переменах. Не было обычной в эти часы дня тишины. Никто не спешил на работу, в школу, поле. Молодые мужчины направлялись в пункт призыва в армию. Впервые слышался плач провожавших родных. Никто из них ещё не осознавал, что видят друг друга в последний раз. Звучали необычные слова: «военное положение», «светомаскировка», «мобилизация», «диверсанты», «тыл», «эвакуация»...

Часам к восьми утра двадцать третьего июня все узнали о немедленной эвакуации населения. Люди толпились у поселкового совета, пытаясь узнать подробности. Новость обсуждалась в каждой семье. У молодых было одно мнение – следует уезжать. Люди постарше выражали сомнения, предлагая переждать. Пожилые утверждали: мирное население немцы не тронут. Доводы были более чем «убедительны» – немцы народ культурный, даже чистят зубы.

Я по молодости – семь лет! – в разговорах взрослых не участвовал. Меня интересовал лишь один вопрос: на каком виде транспорта будут уезжать. На повозках, фурах, запряжённых лошадьми, я ездил. Моей мечтой было – прокатиться на легковой машине с кожаными сиденьями, либо в кабине грузового автомобиля. В разгар обсуждений прибежала тётя Нина с новостью – леспромхоз, в котором она работала, выделяет две машины для эвакуации семей сотрудников. С собой разрешалось взять документы, деньги и продукты. На сборы оставалось менее трёх часов.

Подъехавшие к месту сбора машины – полуторки были буквально атакованы уезжающими. В возникшей суматохе многие семьи разъединились. Я с тётей – младшей дочерью деда – сели в одну, а дед с бабушкой и их старшей дочкой – в другую машину. У одних остались на всех документы и деньги, у других – вещи и продукты. Машины выехали по разным маршрутам.

В кузове машины, в которой ехали мы с тётей, находилось около двадцати человек. Машина обгоняла подводы, нагруженные чемоданами, мешками, котомками. Идущие за ними несли на руках детей. Когда стало смеркаться, машина свернула с дороги в лес, где предстояло провести ночь. Спящих охраняли мужчины и старшие мальчишки. Люди, внезапно столкнувшиеся с неопределённостью обстановки и успевшие немало пережить за два дня начавшейся войны, лишь на несколько часов забылись тревожным сном. Они не были готовы к ожидавшим их в ближайшие дни страшным испытаниям. Заканчивалось 23-е июня – второй день войны.

Ранним утром двадцать четвертого июня, едва рассеялся туман, машина, замаскированная ветками берёзы, продолжила движение. Узкая дорога с трудом позволяла разъехаться с редким встречным транспортом. Колёса машины часто буксовали в песке, намокшем от воды подступавших к дороге болот. Вечерело, когда машина въехала в районный центр Ельск.

На следующий день, двадцать пятого июня, уже на другой машине выехали из городка. В дороге все делились скудной информацией. В основном, это были слухи: врага почти остановили, он несёт большие потери... В Комарине и других городках предоставлялось бесплатное питание. К вечеру машина прибыла на железнодорожную станцию, где из открытых платформ и товарных вагонов формировался состав для эвакуации населения. Семья Оли, нашей соседки по Лельчицам, и мы с тётей расположились на одной из платформ в середине состава. Около четырёх часов утра он прибыл в Брянск на крайний от станции путь. Среди составов, стоявших на соседних путях, находился санитарный поезд с ранеными красноармейцами. Большинство других составов были с беженцами.

Начинался пятый день войны – 26 июня. Светало, исчезала ночная тьма. По составу сообщили, что стоянка в Брянске будет непродолжительной. Нашлись смельчаки, отправившиеся на поиск воды. Перебегая под составами, они, к радости близких, вскоре возвратились с полными чайниками или кастрюльками.

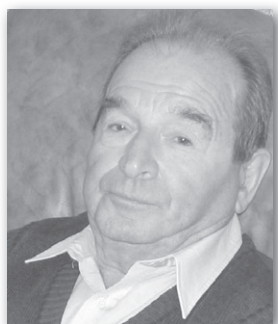
Рис. Борис Есельсон

Озябшие за ночь от встречного ветра, люди делились кипятком. Я с интересом наблюдал за проезжавшими громадными чёрными паровозами. Внезапно слышался гул, и вскоре в небе появились очертания стремительно приближавшихся к городу немецких самолётов. До появления их над станцией оставались мгновения. Но, к счастью, их хватило, чтобы люди успели укрыться под платформами.словно яркими шариками, небо осветилось спускающимися ракетами. С земли прерывисто мигали огоньки фонариков – кто-то помогал врагу, указывая цели. Всё, что происходило с момента падения и разрывов бомб, словно кадры остановившегося кино, навсегда запечатлелось в моей памяти.

Я сидел в центре круга из нескольких человек: моей тётки, мужчины в белом костюме, Оли с ребенком на руках, её старших детей – Рахели и Анисима. Разрывы падающих бомб, свист разлетающихся во все стороны осколков продолжались несколько минут. Прозвучали гудки отбоя, и люди начали выбираться из-под платформ. Но сделали это не все. Мужчина в окровавленном костюме и находившаяся рядом женщина оставались лежать. Они были убиты. Из головки дочурки тётки Оли текла струйка крови. У Рахели была рассечена нога. Моя тетя была ранена в обе ноги. От осколков нас частично защитили колёса платформы. Я остался в живых благодаря людям, практически прикрывших меня своими телами и оттого принявших смерть...

Раненых увозили в больницы города. Анисим уехал сопровождать тётю и свою сестру Рахель. Вскоре он вернулся. Рахель скончалась по дороге в больницу. Рыдающая Оля с ребёнком и Анисимом ушли искать перевязочный пункт. Я, никому ненужный мальчик, не осознавая, что остался один, бродил вдоль составов. Всюду виднелись следы крови. Люди рыдали, кричали, многие были в шоке. Я увидел санитарный поезд с разбитыми вагонами. Красноармейцев, оставшихся в живых, выносили на носилках...

Память, память... Словно страницы книги с неизменным содержанием. Одна из её страниц, хранящая страшные события первых дней войны, остаётся всегда открытой.

Семен Шульман

Родился в январе 1934 года. Доктор экономических наук. Профессор. Член Союза Писателей Израиля. На протяжении почти трех десятилетий преподавал в Белорусском государственном экономическом университете.

В Израиле с 1991 года. Живет в Ашдоде. Автор изданных в Израиле книг: «Улыбающийся Израиль» (2005 г.) и «Сермяжная правда» (2012 г.).

МАРА ЭЛЬМУС

ПОЕСТЬ!

Я родилась и жила в Москве. В начале войны я шестилетка. Сигналы воздушной тревоги вырвали меня из детской жизни и бросили в военное взрослое детство. Помню, как мы бежали прятаться в бомбоубежище. Когда завод, на котором работала мама, эвакуировали в Ташкент, то и мама со мной и моей младшей сестрой отправилась из Москвы. Помню лошадь, запряженную в телегу, которая везет нас к поезду. Цоканье копыт по булыжной московской мостовой, сразу вслед за этим в памяти – мучительно длинная дорога в Ташкент.... Теплушка без окон и дверей. На каждой остановке мама продает что-то из вещей, чтобы купить еду и накормить меня с сестрой.

Уже в Ташкенте помню то же желание – ПОЕСТЬ!

Тетя доставала какие-то обеды. Верхом блаженства для меня были кислые вонючие щи. Чтобы не чувствовать их запах, дразнящий, еще больше разжигающий голод, я убегала в дальний конец двора: я каждый раз боялась, что, – так как еды мало, – то мне не дадут! Тогда тетя выходила и звала меня:

– Иди, поешь вместе со всеми!

И я, несказанно счастливая, входила в дом...

Мара Эльмус

Родилась 29 августа 1935 года в Москве. Всю жизнь работала корректором в издательствах ВЦСПС и Московского университета им. Ломоносова.

Репатриировалась в 1999 году. Есть сын, дочь две внучки и три внука.

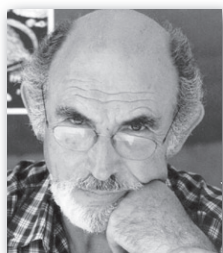

УЧАСТНИКИ СБОРНИКА «ВЗРОСЛОЕ ДЕТСТВО ВОЙНЫ»

Борис Есельсон

Родился в Харькове в 1923 году. Закончил Харьковский политехнический институт. Всю жизнь проработал инженером-конструктором на Харьковском станкостроительном заводе. Репатриировался в марте 1992 года. В первые же годы репатриации начал рисовать. Участник многих персональных и тематических выставок в Израиле и за рубежом (США). Живет в Ашдоде.

Александр Жуков

Родился в Коростышеве, Житомирской области 26 марта 1937 года. В Белоруссии закончил финансово-экономический техникум и музыкальное училище по классу вокала. В 1957 г. принимал участие в культурной программе Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. В Израиле с 1990 года. Художник-график, участник коллективных и персональных выставок. Как вокалист принимает участие во многих концертных программах. Живет в Ашдоде.